Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ТРУДЫ
ТОМСКОГО
ОРДЕНА
ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени
В. В. КУЙБЫШЕВА

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Выпуск 7

Томск — 1976

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

05 МАЙ 2001

24 МАЙ 2001

20 АПР 2002

21 ФЕВ 2003

09
01
1-230569

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Т. Том 265 Серия историческая

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Выпуск 7

Кафедра новой и новейшей истории

1-230569

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1976

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

В сборник включены статьи, посвященные главным образом изучению истории внешней политики Соединенных Штатов Америки в новейшее время. Особое внимание в этих статьях уделяется рассмотрению политики американского империализма в Европе и Азии. Значительный интерес представляют статьи о внешней политике Англии и внешнеполитической пропаганде фашистской Германии во время второй мировой войны.

Сборник рассчитан на научных работников, студентов исторических факультетов, а также на лиц, интересующихся историей международных отношений.

Ответственный редактор — профессор С. С. Григорцевич

1-6-3

© Издательство Томского университета, 1976 г.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 265 Серия историческая

Т. А. БЫЧКОВА

ХАРАКТЕР И ЦЕЛИ ПРОПАГАНДИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ США В ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ В 1945—1950 гг.

Как известно, совместные союзнические решения стран антигитлеровской коалиции о послевоенном устройстве Германии были сорваны правительствами западных держав. То, как это происходило и какие при этом преследовались цели, можно хорошо проследить, проанализировав деятельность американских пропагандистских органов в Западной Германии. В марте 1947 г. президент Г. Трумэн, провозгласив свою доктрину, по существу, объявил холодную войну. Антикоммунизм становится не только идеологией, но и официальной политикой правительства Соединенных Штатов. СССР и коммунизм провозглашаются врагами стран Запада. «Раз русского друга превратили в русского врага, то теперь предстояло немецкого врага сделать немецким другом... Нужно снова культивировать немецкую враждебность по отношению к России» — такую цель, по словам американского либерального профессора, поставили перед собой правящие круги США [1]).

Эта цель стала осуществляться еще до объявления «крестового похода» против стран социализма, сразу по окончании войны, Как показано во многих работах советских авторов, отказ правительства США выполнять решения, принятые в Потсдаме о денацификации, демилитаризации и демократизации Германии, был предопределен с самого начала деятельностью американской военной администрации в американской зоне оккупации Германии. Сознательное игнорирование политики, намеченной союзниками, осуществлялось ставленниками крупного капитала, имевшими личные финансовые интересы в Германии. Многие из них занимали важнейшие посты в американской военной администрации [2]).

В работах советских и прогрессивных зарубежных авторов всесторонне рассматриваются вопросы, связанные с развитием и укреплением империализма в ФРГ и военным возрождением Западной Германии. Меньше изучены цели и методы пропагандистской деятельности соответствующих учреждений Соединенных Штатов, действовавших первоначально в американской зоне оккупации, а затем на территории всей Западной Германии.

Американские оккупационные власти запрещали деятельность прогрессивных организаций на территории своей зоны. Более либеральная политика проводилась в отношении реакционных политических группировок и партий, в том числе и нацистских. Такая политика не имела ни-

---

[1]) Л. Маттиас. Оборотная сторона США. М., 1968, с. 164.

[2]) См.: Н. Иноземцев. Американский империализм и германский вопрос. М., 1954, с. 83.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

чего общего с задачами демократизации Германии, которые предусматривались потсдамскими соглашениями.

После окончания второй мировой войны управление военной информации (УВИ) США, которое занималось пропагандой в зарубежных странах, было распущено. Американская пропагандистская деятельность сосредоточивается в руках госдепартамента США. При этом следует заметить, что роспуск УВИ был не случаен. Это была организация, немало способствовавшая в годы войны мобилизации общественного мнения США и других стран на борьбу с фашизмом. Многие деятели УВИ являлись приверженцами внешнеполитического курса президента Ф. Рузвельта [3]). Они могли помешать осуществлению нового внешнеполитического курса, который начал проводить в жизнь президент Трумэн.

В 1945—1949 гг. США в своей зоне оккупации Германии осуществляли полный контроль над радио, прессой, демонстрацией фильмов, книжными издательствами, а также школами и университетами. В первые два года после войны пропагандистской деятельности США в Западной Германии не придавалось особенно большого значения. Поэтому и организационно эта деятельность была представлена небольшим подотделом в американской военной администрации. Только в 1947 г. отдел пропаганды или, как он официально назывался, отдел «просвещения», стал одним из главных отделов американской военной администрации в Западной Германии [4]). Главой отдела назначался обычно профессор университета. Пропагандистский отдел уступал по своему значению только экономическому отделу военной администрации и был «одним из самых больших и самых активных отделов» [5]).

Американский автор У. Зинк подчеркивает, что пропаганда США в Западной Германии была поставлена с большим размахом. Американские пропагандистские программы, пишет он, «превосходили пропорционально подобные программы во всех других странах, вместе взятых» [6]). Это не случайно. Размах пропагандистской деятельности США в Западной Германии соответствовал тому месту, которое отводили США Западной Германии в своей европейской политике.

Значительное место отводилось контролю за деятельностью школ и университетов. Основные усилия американцев направлялись на то, чтобы установить в Западной Германии такую же систему образования, как в Соединенных Штатах Америки. Содержанию обучения школьников и студентов уделялось гораздо меньше внимания. Точно так же американский образец навязывался и немецкой прессе и книгоиздательству. Американские органы пропаганды стремились охватить своей деятельностью как можно большее число немцев. Так, например, майор американской армии Дж. Годфрей, который отвечал за пропаганду в Мюнхене, докладывал, что ею было охвачено около трети жителей города. В 1949 г. было проведено около 4500 различных мероприятий-митингов, молодежных собраний, дискуссий, киносеансов. Их посетило около 600 тыс. человек. Самая большая посещаемость отмечалась на

---

[3]) А. В. Валюженич. Внешнеполитическая пропаганда США. М., 1973, с. 41—42.

[4]) Здесь следует отметить, что американцы избегали слова «пропаганда» для обозначения соответствующей деятельности в зарубежных странах. А. В. Валюженич отмечает, что «после второй мировой войны слово «пропаганда» превратилось в своего рода ярлык для обозначения соответствующих действий государств, по отношению к которым Соединенные Штаты занимали враждебную позицию». США предпочитали называть свою пропагандистскую деятельность в других странах «информацией», «психологической войной», «международными коммуникациями».—См.: А. В. Валюженич. Указ. соч., с. 29.

[5]) H. Zink. The United States in Germany. 1944—1955. Princeton, Toronto, N. Y., 1957, p. 201.

[6]) Ibid., p. 4.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

киносеансах: на 2313 сеансах побывало 375 тыс. человек. 46 молодежных собраний посетило 1 860 человек[7]). Осуществлялись в широком масштабе обмены преподавателями и студентами, при этом американское правительство оплачивало все расходы по поездке в США.

Особую роль в пропагандистской деятельности сыграли информационные центры — так называемые «Америка хаузис». В 1947 г. в Висбадене был открыт первый центр, затем они были учреждены в 26 других немецких городах. Здесь устраивались книжные выставки, концерты, читались лекции, имелись библиотеки и читальные залы. В типичном «Америка хауз» библиотека насчитывала около 16 тыс. томов, из которых четверть книг была на немецком языке, остальные на английском. Наиболее эффективный период деятельности информационных центров падает, по свидетельству Г. Зинка, на 1949—1951 гг.[8]). В. Мюнхене, Франкфурте, Бремене, Штутгарте и в Западном Берлине были построены американские радиостанции.

В 1945—1949 гг. вся немецкая пресса находилась под контролем американских военных властей. Фашистские газеты были запрещены. Г. Хабе, майору американской армии, было поручено «быстрейшим способом» организовать выпуск газет в больших городах. В период с марта по октябрь 1945 г. в американской зоне стало выходить ежедневно 18 газет, тираж которых в августе 1945 г. составлял 8 млн. экземпляров[9]). К середине 1949 г. выходило 113 газет[10]). Американские газеты на немецком языке распространялись и в других западных зонах. В качестве образца американской журналистики для немецкой прессы выпускалась газета на немецком языке — «Нойе цайтунг». Она выходила с осени 1945 г. до конца оккупации.

В период с 1945 по 1949 год некоторым немецким редакторам выдавались лицензии на выпуск газет. К середине 1949 г. насчитывалось 59 таких газет[11]). При этом, как пишет Г. Хабе, им предоставлялись в бесплатное пользование типографии, здания и оборудование. Издателям оказывалась существенная экономическая поддержка со стороны американской военной администрации. У. Зинк сообщает, что американские власти выдали 15 млн. марок взаймы издателям газет с условием возврата долга в 1955—1960 гг.[12]).

Помимо газет в Западной Германии под контролем американских властей печатались и журналы, причем за образец брались опять-таки американские издания: так, журнал «Хойте» напоминал «Лайф», а «Нойе Ауслезе» напоминал «Ридерс дайджест». Американскую зону наводнили переводы на немецкий язык книг американских авторов.

Генерал Л. Клей, возглавлявший американскую военную администрацию в Германии, в своей книге отмечает, что, в отличие от других зон, американские власти «настаивали скорее на независимой, нежели на политической партийной прессе, которая могла бы появиться позже, когда независимая пресса твердо станет на ноги»[13]). Но, хотя Клей и утверждает, что к делу издания газет привлекались «тщательно проверенные издатели и редакторы», это не соответствовало истине. А. Гроссер также подчеркивает, что «американское военное правительство не разрешало выпуск политических газет, предоставляя лицензии органам печати, которые поставляли общую информацию и редакции кото-

[7]) Congressional Record, 81 st Congress, p. 2835.
[8]) H. Zink. Op. cit., p. 248.
[9]) H. Habe. Our Love Affair with Germany. N. Y., 1953, p. 94.
[10]) H. Zink. Op. cit., p. 237.
[11]) Ibid., p p. 235—236.
[12]) Ibid., p. 237.
[13]) L. Clay. Germany and the Fight for Freedom. Cambr., 1950, p. 49.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

рых обязаны были включать представителей различных политических тенденций»[14]). Он при этом выражает сожаление по поводу того, что в прессу были допущены коммунисты, «от которых потом было трудно избавиться», не упоминая о том, что туда допускались замаскировавшиеся нацисты.

Содержание и направленность прессы в Западной Германии определялись общей политикой США. В 1945 г., когда только началось издание газет в американской зоне оккупации, командующий оккупационными войсками генерал Д. Эйзенхауэр и глава отдела по контролю над информацией генерал Р. Макклюр, инструктируя американских журналистов, заявляли: «Милитаризм вместе с нацизмом должны быть ликвидированы. Физическая демилитаризация Германии осуществляется эффективно, но это не может дать гарантии, что в будущем Германия снова не навяжет миру войну. Милитаристские идеи должны быть вычеркнуты из памяти немцев»[15]). Как выполняли эти инструкции американские пропагандисты? Весьма характерную позицию занял один из реальных исполнителей американской политики в Западной Германии Г. Хабе, который занимал пост редактора газеты «Нойе цайтунг». Хабе, как он сам пишет, «решил действовать согласно собственным убеждениям»: «В течение многих месяцев я старался поддерживать достоинство, которое должно характеризовать официальную газету оккупационных сил. С другой стороны... я отчетливо осознавал, что наша дружба с Россией долго не продлится и что, рано или поздно, нам придется сдружиться с немцами». Свою газету Г. Хабе с самого начала считал «оружием против коммунизма»[16]). Такая позиция находила поддержку как в Вашингтоне, так и у американской военной администрации в Германии.

Антифашистская пропаганда в Западной Германии быстро сворачивается. Центр тяжести переносится на антикоммунистическую пропаганду. Такой поворот был отражением искусственного создания внутри самих США атмосферы военной и антикоммунистической истерии. В Соединенных Штатах Америки был издан закон о проверке лояльности и начался разгул маккартизма.

В феврале 1949 г. У. Патмен, член палаты представителей конгресса, привел один из многих типичных фактов, характеризующих поворот от антифашистской к антикоммунистической пропаганде. Отдел документов конгресса заказал издательству две пропагандистские брошюры: «Фашизм в действии» и «Коммунизм в действии». Первая была отпечатана тиражом 39 тыс. экз. по цене 40 центов за экземпляр, а вторая брошюра была издана тиражом более 500 тыс. экз. и распространялась бесплатно[17]).

Перемещение акцента с антифашистской на антикоммунистическую пропаганду нашло отражение и в фильмах, которые поставлялись в Западную Германию из США. Сразу же после окончания войны американцы показывали документальные фильмы о концлагерях и зверствах фашистов в оккупированных странах. Эти киносеансы посещало много немцев. В комментариях американские дикторы возлагали вину за войну на весь немецкий народ. Не было ничего парадоксального в том, что от поголовного обвинения всех немцев было очень легко перейти к поголовному всепрощению бывших нацистов, что и произошло в последующие годы в Западной Германии. В интервью американскому жур-

[14]) A. Grosser. Western Germany. From Defeat to Rearmament. L., 1955, p. 79.
[15]) H. Habe. Op. cit., p. 107.
[16]) H. Habe. Op. cit., pp. 108, 110.
[17]) C. R., 81st Congress, p. A962.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

налисту издатель и редактор крупнейшей на юге страны газеты «Зюддойче цайтунг» заявил: «Союзники плохо начали. Они начали перевоспитание немцев, подчеркивая массовую вину немецкого народа, что породило негодование и подозрительность, а не убеждение и веру»[18]).

Полнометражный документальный фильм о Нюрнбергском процессе Соединенные Штаты не стали показывать в 1949 г., поскольку это противоречило, по мнению американской коммунистической газеты «Дейли уоркер», «пронацистской программе, проводимой армией США в Западной Германии»[19]). Полковник в отставке Л. Холл в январе 1949 г., отражая точку зрения военных кругов США, писал в «Чикаго сандей трибьюн»: «В практических целях восстановление силы Германии, достаточной для оказания помощи в установлении нового баланса сил, требует духовного развенчания приговоров Нюрнберга»[20]).

После принятия закона о проверке лояльности в Соединенных Штатах Америки «не только большинство прогрессивных актеров Голливуда были поставлены вне закона, но в конечном счете все крупные постановщики фильмов, и консервативные, и либеральные, почувствовали свист кнута», — писала «Дейли уоркер». Из США в Западную Германию начинают поставлять фильмы типа «Железный занавес», «Красная угроза» и т. д.[21]).

Реальных, убедительных фактов об истинных причинах второй мировой войны рядовые немцы Западной Германии не получили. Они были лишены документированной информации, поскольку США не издавали соответствующих документов. Генерал Тэйлор, который принимал участие в работе, связанной с Нюрнбегским процессом, свидетельствовал в мае 1950 г., что в распоряжении американцев было много необходимой документации и материалов для разоблачения фашизма, которые сознательно не использовались в пропагандистской деятельности»[22]).

В 1949 г., после четырех лет американской оккупации, западногерманские школьники в сочинениях на тему «Причины второй мировой войны и почему Германия потерпела поражение» называли основной причиной войны то, что «перед войной Германию населяло слишком много людей и, чтобы прокормить их, нужно было иметь больше земли», а к причинам поражения относили «предательство», из-за которого были раскрыты секреты нового оружия, и что немецкие заводы делали слишком мало оружия. Их учителем был некий Ф. Рихтер, в 1950 г. ставший президентом одной из нацистских партий[23]).

Глава пропагандистского отдела военной администрации США в Западной Германии писал, что от 2 до 4% бывших нацистов ежемесячно приходили в качестве учителей и преподавателей в школы и университеты Западной Германии. «Совершенно очевидно, поэтому мы не сумели обеспечить нужных материалов по просвещению немцев или правильно ориентировать школьную систему», — комментировал этот факт сенатор Хендриксон[24]).

А. Мэйер, который ведал демонстрацией фильмов в пропагандистском отделе американской военной администрации в 1948—1949 гг., писал впоследствии, что в 1949 г. американцы все еще разрешали использовать в немецких школах учебники, написанные нацистами. «Вредные страницы», иронизирует автор, «бравые военные умы распорядились

[18]) Ibid., p. A3935.
[19]) «Daily Worker», September 27, 1949.
[20]) C. R., 81st Congress, p. A548.
[21]) «Daily Worker», September 23, 1949.
[22]) C. R., 81st Congress, p. A4334.
[23]) W. Burchett. Cold War in Germany. Melbourne, 1950, p. 242.
[24]) C. R., 81st Congress, p. A4833.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

склеить». Их-то как раз и читали ученики с особым интересом [25]). Школы в 1949 г. были переполнены бывшими нацистами. Из 12 тыс. учителей, уволенных из школ Баварии в 1945 г. из-за национал-социалистических убеждений, 11 тыс. были опять допущены к работе», — пишет А. Мэйер [26]).

Политика антикоммунизма, взятая на вооружение американским империализмом, вела к возрождению нацизма и милитаризма в Западной Германии. Г. Хабе писал в этой связи: «Мы настолько заняты предотвращением распространения коммунизма, что приветствуем любых союзников» [27]).

Результаты политики «перевоспитания» немцев можно выявить при сравнении опросов общественного мнения, проводимых в первоначальный период американской оккупации, когда американская военная администрация контролировала почти все сферы деятельности немцев в своей зоне оккупации. В 1946 г. 60% немецкого населения, не имевшего отношения к нацистской партии, считали национал-социализм «плохой идеей». В 1947 г. их процент сократился до 48, в 1948 г. до 44,5 и к 1949 г. только 36% немцев, проживавших в американской зоне, осуждали нацизм. При этом следует отметить, что в 1949 г. 65% бывших членов нацистской партии считали национал-социализм «хорошей идеей, которая была плохо осуществлена», и только 21% их считал его «плохой идеей» [28]).

Американские пропагандисты отмечали, что немцы являлись «пионерами в борьбе против коммунизма». На фоне широко развернутой пропаганды антикоммунизма в период с 1947 по сентябрь 1949 г. по радио в прессе велась подготовка общественного мнения Западной Германии к решению западных держав о расчленении Германии и образовании на территории западных зон оккупации сепаратного западногерманского государства.

Главным методом, с помощью которого велась эта подготовка в прессе, было подчеркивание «контраста» между западными зонами и зоной СССР в восточной части Германии. «Контраст» находили в состоянии промышленного развития, сельского хозяйства, в благосостоянии населения. С этой целью фабриковались фальшивки для немецкой прессы, имевшие видимость подлинных документов. У. Берчетт, американский журналист, в книге «Холодная война в Германии» рассказывает о том, как это делалось [29]).

В сентябре 1949 г. на территории американской, английской и французской оккупационных зон провозглашается образование ФРГ. С принятием нового Оккупационного статута «просвещение» не было включено в сферу деятельности американской администрации в ФРГ. Протесты официальных пропагандистов ни к чему не привели. Несмотря на просьбу госдепартамента включить в Оккупационный статут задачи пропаганды, это не было сделано. Пропагандой в ФРГ отныне стал ведать отдел по общественным делам американской администрации в ФРГ, подчиненный непосредственно госдепартаменту. Отдел по общественным делам подразделялся на отделения: служба информации, прессы и публикации, радио, фильмы, обмены, образование и культурные отношения, деятельность «Америка хаузис», правительственные институты и общественные отношения. В землях ФРГ действовали специальные

[25]) Ibid., p. A4068.
[26]) Ibid.
[27]) H. Habe. Op. cit., p. 177.
[28]) W. Burchett. Op. cit., pp. 248—249. Другой американский автор, С. Падовер, приводит такие цифры: в 1945 г., в ноябре, 42% опрошенных осудили гитлеризм, а в 1950 г. только 38% сделали это — C. R., 81st Congress, r. A2400.
[29]) W. Burchett. Op. cit., p. 175.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

уполномоченные, которые поддерживали связи с деловыми кругами и интеллигенцией Федеративной Республики Германии, докладывали о состоянии дел на местах и распространяли нужную информацию. Их главной задачей было «руководство американскими программами, направленными на немецкий народ»[30]). В них насчитывалось, по данным Г. Зинка, 524 американца и 4374 немца. Штат же Отдела по общественным делам насчитывал 142 американца и 3345 немцев[31]). Фактически, таким образом, большая часть функций «воспитания и просвещения» немцев была возложена Соединенными Штатами на самих немцев.

Деятельность пропагандистского отдела теперь распространялась не только на бывшую американскую зону, но на всю Западную Германию и Западный Берлин. Зинк признает, что реорганизация американской администрации в ФРГ во многом облегчила достижение истинных целей американской внешней политики в ФРГ, которые до 1949 г. маскировались. «С этой реформой, — пишет он, — стало легче добиваться претворения намеченной политики в жизнь — гражданский пост верховного комиссара имел гораздо большую власть в предоставлении помощи западногерманскому федеральному правительству и в проведении культурной и информационной программы, чем пост военного губернатора»[32]).

К 1949 г. провал политики денацификации и демократизации Западной Германии был налицо. Этого не отрицали в США. А. Мэйер говорил о «полном поражении просветительской» деятельности американцев в Западной Германии в первый период оккупации, которое выразилось в том, что США «вернули немцам почти полный контроль над их политикой и экономикой и абсолютный контроль над их образовательными институтами»[33]). В мае 1950 г. генерал Тэйлор писал в «Нью-Йорк таймс мэгэзин», что результаты программы «переориентации» и «перевоспитания» немцев были «наименее впечатляющими по сравнению с успехами экономического восстановления страны. По поводу американских усилий по «перевоспитанию» западных немцев он заявлял: «Немцы быстро пришли к заключению, что перевоспитание не является серьезно задуманной программой и что большая часть наших разговоров о демократизации была только ширмой»[34]). Сенатор Хендриксон в июне 1950 г. выступил с обвинением правительства США, которое, по его мнению, «провалило кампанию по перевоспитанию немцев»[35]). «Интенсивные националистические и расистские настроения сейчас сильнее, чем когда-либо раньше» в Западной Германии — констатировал в одной из газет американский историк С. Падовер[36]).

Реакция американских оккупационных властей в Западной Германии на протесты в связи с провалом политики «перевоспитания» немцев была противоречивой. Верховный комиссар США в ФРГ Макклой в 1949 г. пытался доказать в ответ на усиливающуюся критику американской политики в ФРГ, что использование бывших нацистов в их прежнем профессиональном качестве «нельзя считать возрождением нацизма»[37]). А в 1950 г. он вынужден был признать, что «в Германии есть

---

30) H. Zink. Op. cit., p. 62.
31) Ibid.
32) Ibid., p .99.
33) C. R., 81st Congress, p. A4068.
34) Ibid, p. A5195.
35) Ibid., p. A4833.
36) Ibid., p. A2399.
37) «U. S. News and World Report», November 4, 1949, p. 27.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

национализм. Есть националистическое крыло на крайне правом фланге, которое сейчас более активно, чем раньше»[38]).

Американские политики и историки находили разные причины возрождения нацизма в Западной Германии. А. Мэйер, например, считал, что американское правительство слишком мало внимания уделяло организации пропаганды в Западной Германии и отводило мало средств на пропагандистскую деятельность. Он писал, что провал американской пропаганды «не удивителен для тех, кто участвовал в работе военной администрации, так как все время задача переориентации мыслей немцев рассматривалась как второстепенная по сравнению с реконструкцией немецкой промышленности и финансов». Он отмечал, что на образовательные цели в первый период оккупации шла всего треть одного процента всех американских расходов в Западной Германии[39]). Генерал Тэйлор видел причины неудачи пропагандистской деятельности также в недостатке средств, отпущенных на нее, и в «недостатке усилий, рвения, таланта» пропагандистов. Он осуждал правительство США за то, что вместо подхода к демократизации Западной Германии как к «общенациональному мероприятию, к ней относились как к чему-то второстепенному». «Маленькая группа людей храбро пыталась сдвинуть валун зубочисткой», — писал Тэйлор. Он усматривал причины возрождения нацизма в том, что американцы «переоценили возможность перевоспитать немцев абстрактным рекламированием демократии (читай: американской демократии. — *Т. Б.*) через обычные каналы пропаганды» и американского образа жизни[40]).

Другие связывали причину неудачи демократизации Западной Германии с усилением реакции в Соединенных Штатах, с законом о проверке лояльности и деятельностью сенатора Маккарти. Так, Ш. Уитмен писал в 1953 г.: «Сверкающая концепция демократии, которую мы навязывали немцам, потускнела благодаря деятельности сенатора Маккарти»[41]).

Член палаты представителей Губер был гораздо ближе к истине, когда заявил в июле 1950 г.: «Занятые усилиями остановить распространение угрозы коммунизма, мы уделяли слишком мало внимания другой опасности — возрождению нацизма в Германии»[42]). В конгрессе США в период 1949—1950 гг. все чаще начинают раздаваться требования расследования политики США в Западной Германии, в том числе политики денацификации и демократизации страны. В июне 1949 г. два сенатора-демократа Пеппер и Джиллетт и два республиканца Айве и Хендриксон внесли в сенат резолюцию, которая призывала сенатскую комиссию по иностранным делам провести «полное и исчерпывающее расследование проведения и состояния нашей программы денацификации в Германии». Сенатор Джиллетт определил цель такого расследования: помешать «угрожающему возрождению фашизма»[43]). Конгрессмены неоднократно вносили подобные резолюции, однако все их призывы не находили поддержки ни в конгрессе, ни в правительстве Г. Трумэна.

Что касается американских оккупационных властей в ФРГ, то они в лице Макклоя не нашли ничего лучшего, как оправдать свою попустительскую политику по отношению к нацистам «происками коммунистов» в ФРГ[44]).

---

[38]) C. R., 81st Congress, p. A1525.
[39]) Ibid., p. A4068.
[40]) Ibid., p. A4335.
[41]) «Foreign Policy Bulletin», December 1, 1953, p. 8.
[42]) C. R., 81st Congress, p. A5194.
[43]) Ibid., pp. A3921, A3936.
[44]) Ibid., p. A1525.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Возрождение нацистских организаций и их деятельность начинает беспокоить и американское правительство. Консервативный американский журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» в феврале 1950 г. писал, что государственный секретарь Д. Ачесон на основании многих докладов и сообщений из Западной Германии убедился, что «США выпустили немцев из рук. Ачесона встревожил факт появления подпольных пронацистских организаций и откровенно националистические заявления высоких официальных лиц ФРГ. Вашингтон решил, — говорилось далее, — что наступило время остановить и проучить немцев. Идея США сейчас состоит в том, чтобы держать боннское правительство твердо под каблуком США, вынудить его решать некоторые экономические проблемы самостоятельно, без американских долларов» [45]).

В марте 1950 г. этот же журнал писал, что в Вашингтоне появился «новый взгляд» на американскую политику в Западной Германии и, в частности, на проблему ее демократизации. Новое заключалось в том, что «союзники должны усилить демократические силы в Германии». Причем сделать это мыслилось отнюдь не путем запрещения деятельности фашистов. «Идея состоит не в подавлении националистов, — разъяснял журнал, — а в поддержке демократически настроенных немцев, которые должны победить их в открытой конкуренции». Макклой в связи с этим получил распоряжение работать под прямым руководством госдепартамента и начал проводить более твердую политику [46]).

В скором времени верховный комиссар США в Германии Макклой потребовал на 1951 бюджетный год 18 млн. долларов на пропагандистские цели [47]). Эта сумма была сокращена в конгрессе до 12 650 тыс. долларов. Ее планировалось использовать следующим образом. Около 2,5 млн. долл. предполагалось затратить на прессу, радио и фильмы. Такая же сумма предназначалась на содержание информационных центров — «Америка хаузис». Несколько миллионов долларов шло на программу обменов, менее 1,5 млн. долларов — на прямую помощь немецким школам и университетам. Затребовав эти средства, Макклой определил их назначение следующим образом: «Помогать, советовать, убеждать немецкое правительство и народ встать на демократический путь» [48]).

Заявления о «новом подходе» к политике демократизации ФРГ, увеличение средств на пропаганду США в этой стране явились скорее успокоительной мерой для общественного мнения Соединенных Штатов, нежели заботой о действительном изменении политики правительства США в этом отношении.

Цели и содержание пропаганды США в ФРГ в период после 1949 г. приводятся в соответствие с официальной линией американского правительства, взявшего курс на перевооружение Западной Германии. Никаких расхождений между установками Вашингтона и конкретной политикой американских пропагандистов с этого времени не наблюдается. Ширма трескучих фраз о денацификации и демократизации Германии убирается за ненадобностью. Цель американской политики в ФРГ почти не скрывается: перевооружение Западной Германии с дальнейшим ее включением в число стран-участниц НАТО, использование западногерманской реакции в холодной войне против СССР и превращение ФРГ в американский плацдарм в Западной Европе.

---

[45]) «U. S. News and World Report», February 17, 1950, p. 32.
[46]) Ibid., March 3, 1950, p. 25.
[47]) C. R., 81st Congress, p. A4069.
[48]) Ibid., p. A4088—A4089.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

В декабре 1949 г. Дж. Ф. Даллес потребовал «начать наступление» в холодной войне. Уже тогда он высказался за «освобождение» стран Восточной Европы от коммунизма и заявил о том, что Соединенные Штаты не должны признавать перемен, происшедших после второй мировой войны в Европе и Азии, и добиваться реставрации капитализма в государствах, вставших на путь социалистического развития [49]).

Главной задачей американской пропаганды в ФРГ становится подготовка общественного мнения страны к перевооружению, восхваление военных возможностей ФРГ, провоцирование реваншистских требований по отношению к ГДР и СССР. Пропаганда велась на неизменном фоне оголтелого антикоммунизма, поскольку он считался единственным средством, могущим убедить немецкий народ, а также народы Западной Европы и американский народ в необходимости ремилитаризации ФРГ. Подготовка общественного мнения ФРГ к ремилитаризации оказалась нелегким делом.

Факты свидетельствовали о том, что народ ФРГ без всякого восторга относился к проектам перевооружения. Американский военный журнал «Арми энд Нэйви джорнал» констатировал в декабре 1949 г.: «Предложение о том, что западногерманская армия будет создана как оплот против коммунизма в Европе, не находит благоприятного отклика в западногерманской прессе» [50]). «Большинство немцев не испытывает ни малейшего энтузиазма по поводу этого предложения», — писал в то время Дж. Уорберг [51]). Что касается позиции правительства К. Аденауэра, то, как пишет его биограф Ч. Уайтон, оно быстро пришло к выводу, что «западные державы и в особенности американцы готовы были заплатить любую, ничем не ограниченную цену за поддержку со стороны Германии в холодной войне» [52]). Американские пропагандисты нашли в нем союзника.

Чтобы доказать необходимость перевооружения ФРГ, они прибегают опять-таки к мифу о «советской угрозе», утверждают, что испытание советской атомной бомбы осенью 1949 г. является подтверждением этой «угрозы», что война в Корее является подтверждением срочной необходимости создания армии в ФРГ.

В американской печати появляются требования усилить американскую пропаганду антикоммунизма. Х. Вулф в «Американ мекури» писал в 1950 г., что США должны «развернуть действенное пропагандистское наступление» для того, «чтобы противостоять СССР». «Мы должны рекламировать демократию посредством плакатов, фильмов, ярмарок и пышных зрелищ. Другими словами, эффектно преувеличивать достоинства нашего образа жизни». Прием «контраста», предлагаемый Вулфом, был самым популярным у американских пропагандистов. Помимо этого метода Вулф предлагает тоже не новый, уже испытанный прием американской пропаганды — теорию «домино», который широко использовался при навязывании американцами доктрины Трумэна». Тогда доказывалось, что Греция и Турция — передний край борьбы за «демократию», за сохранение капиталистической системы от «советской угрозы». Тогда получил широкое хождение такой аргумент: если «упустить» Грецию и Турцию, то коммунизм проникнет в Западную Европу, Азию, Африку и т. д. Теперь в качестве переднего края борьбы за «демократию» стали называть Западную Германию, и Вулф драматически восклицал: «Мы теряем битву

[49]) «Daily Worker», December 19, 1949.
[50]) «Army and Navy Journal», December 10, 1949, p. 392.
[51]) J. Warburg. The United States in the Postwar World. N. Y., 1966, p. 70.
[52]) Ch. Wighton. Adenauer. A Critical Biography. N. Y., 1964, p. 116.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

за Германию... Если мы потеряем Германию, мы предстанем перед потерей Европы, Среднего Востока и Африки»[53]).

Рупором американской пропаганды в ФРГ являлся Немецкий институт по общественным делам во Франкфурте. «С санкции официальных властей и одобрения администрации Макклоя институт является одним из самых важных источников, откуда исходит так называемая союзническая или демократическая доктрина в Германии». Институт занимался апологией войны и военных подвигов нацистов. Американский журналист Х. Амбрюстер писал: «С помощью этого авторитетного рупора западным немцам преподносятся, в качестве надежной американской точки зрения, такие вещи, как сравнение массовых нацистских убийств с обращением американцев с неграми и политической моралью британцев в прошлом веке». Отсюда делался вывод, пишет Амбрюстер, что к немцам надо относиться «как к нации, которая столь же морально, как и западные союзники», т. е. тем самым протаскивалась мысль о равном с западными союзниками по НАТО праве ФРГ на вооружение. Франкфуртский центр распространил по всей Западной Германии книгу К. Глейзера, который советовал немцам не признавать послевоенные границы Германии и «планировать тот день, когда эта несправедливость будет исправлена»[54]). Распространялась также книга Галдера о Гитлере, в которой он обвинял фюрера в проигрыше войны и обелял немецких генералов.

Член палаты представителей конгресса Селлер, выступая в апреле 1950 г., заявил: «В американской зоне сейчас имеется ряд активных групп, которые заняты разбередиванием ран побежденной Германии. Существует, например, Лига возрождения Германии... Существуют различные просветительские организации, которые являются прикрытием для фашистских, националистических и антисемитских групп»[55]).

В 1949 г., после того, как было разрешено возродить свою деятельность политическим партиям, в ФРГ за короткое время начинают действовать около 19 новых пронацистских политических партий. Американское радио сообщало, что они оказывают определенное политическое влияние и влияние на «формирование общественного мнения»[56]).

В связи с прекращением контроля западных оккупационных держав над издательской деятельностью «не менее 30 бывших нацистских издателей ринулись в газетный бизнес в одной только американской зоне оккупации», — сообщал конгрессу член палаты представителей Селлер[57]). В течение нескольких месяцев стало выходить более 100 новых немецких газет. Большинство издателей и редакторов «были людьми, которые являлись столпами послушной гитлеровской прессы и которым автоматически отказывали в лицензиях в первые послевоенные годы», — пишет Хабе. Новые газеты были, продолжает он, «единодушно националистические, многие находились на позициях нетронутого гитлеризма»[58]).

К 1954 г. в ФРГ выходило более 1 200 газет, но половина их имела очень маленький тираж — менее 10 тыс. экз. Созданная союзниками в период до 1950 г. германская пресса перешла в руки немецких издателей и имела тираж 8 млн. экз. из 12-13 млн. экз. всей газетной продукции страны[59]). Американские власти продолжали оказывать финансо-

[53]) C. R., 81st Congress, pp. A3285—A3287.
[54]) C. R., 81st Congress, p. A3638.
[55]) Ibid., p. A3723.
[56]) Ibid., p. A5194.
[57]) Ibid., p. A3723.
[58]) H. Habe. Op. cit., p. 98.
[59]) A. Grosser. Op. cit., p. 175.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

вую поддержку крупным газетам. Некоторые газеты, по свидетельству Хабе, получали субсидии до 1 млн. марок [60]).

Американские оккупационные власти в период до 1949 г. выдавали лицензии в основном ежедневным газетам. Однако особой популярностью у немецкого населения пользовались еженедельники. После ликвидации контроля над прессой появилось множество еженедельников, в основном пронацистского толка. На их страницах печатались биографии Гитлера, Геббельса, Геринга, мемуары их приспешников. «Гитлер и Ева Браун», «Семейная жизнь Гитлера», «Геринг дома», «Интимные мемуары Эльзы Кох», «Я был секретарем Гитлера», «Я был шофером Гитлера», «Я был адъютантом Гитлера» — вот темы еженедельников. «Неверно было бы сказать, — пишет А. Гроссер, — что прошлое прославлялось, но преступники, так сказать, обелялись своими семейными добродетелями. Преступления режима допускаются, но они смазываются указанием на то, что один из лидеров нацизма, повешенных по Нюрнбергскому приговору, был хорошим мужем и отцом... что он вовсе не был таким уж плохим человеком. Такое же отношение пропагандировалось по отношению к оставшимся в живых военным и эсесовцам, которые были осуждены за военные преступления; и этот род сентиментальной реабилитации гораздо опаснее...», — заключает Гроссер [61]).

«Дэйли уоркер» писала в связи с попытками реабилитации нацистских военных преступников: «Англо-американские власти теперь «критикуют» западногерманскую и западноберлинскую прессу за их сочувствие нацистам. Однако они не предусматривают никаких шагов против нового взрыва идолопоклонства перед нацистскими лидерами. В то время, как американцы говорят, что будут «тщательно следить за ситуацией», англичане открыто отказываются конфисковать пронацистские пропагандистские газеты и выражают надежду, что «бум может быть временным» [62]).

Правительство президента Г. Трумэна, стремившееся использовать западногерманскую реакцию и недобитых фашистов в холодной войне против СССР и стран социализма, даже формально не осудило попыток реабилитировать фашизм. Более того, американские власти оказывали особое покровительство военным организациям и военным органам печати в ФРГ, которые в значительной степени облегчали им задачу по подготовке общественного мнения страны к ремилитаризации. У. Берчетт писал, что в ФРГ полным ходом ведется «психологическая подготовка к реваншистской войне против Востока» [63]).

Американские пропагандисты пытались искусственно создать в ФРГ атмосферу военного психоза, которая уже была создана в США. Они наталкивались в осуществлении этой цели на серьезное противодействие демократических сил и рабочих. Немецкий народ предпочитал оставаться нейтральным в случае войны. О результатах американской пропаганды можно судить по данным опросов общественного мнения, проведенных в ФРГ в 1950 г. Половина населения полагала, что противоречия между США и СССР разрешимы мирным путем. Другая половина ожидала войны. В будущей войне, как полагали две трети опрошенных, будет использовано атомное оружие. Ссылаясь на это, большинство высказалось за сохранение нейтралитета ФРГ [64]).

Миролюбивые настроения среди большинства западногерманского населения вызывали недовольство и в правительстве Аденауэра и в пра-

[60]) H. Habe. Op. cit., p. 103.
[61]) A. Grosser. Op. cit., p. 179.
[62]) «Daily Worker», September 28, 1949.
[63]) W. Burchett. Op. cit., pp. 175, 252.
[64]) U. S. News and World Report, March 10, 1950, p. 20.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

вительстве Трумэна. Журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» писал 22 декабря 1950 г.: «Союзники, наконец, окончательно договорились о вооружении немцев после длительной борьбы с Францией. Но сейчас протестуют немцы. А оборону Западной Германии без нее самой трудно представить». В правительстве Аденауэра высказывались опасения, что форсированное перевооружение Западной Германии может повести к государственному перевороту в ФРГ[65]). Немецкий народ, понесший большие жертвы во второй мировой войне, в основной своей массе не поддавался на измышления милитаристской пропаганды.

Правящие круги США полагали, что основной причиной нежелания широких слоев западногерманского населения воевать является недостаточность уступок со стороны США в пользу ФРГ. Однако причины антимилитаристских настроений лежали гораздо глубже. Американские политики не принимали в расчет широко распространившихся мирных настроений народов Европы. К 1950 г. только 7% населения ФРГ высказывалось за перевооружение Западной Германии и только 9% считало необходимым создать немецкую армию. Даже после интенсивной пропагандистской обработки общественного мнения ФРГ к 1952 г. процент первых вырос до 9, а вторых — до 47%[66]).

Именно нежелание населения Западной Германии перевооружать страну стало главной причиной того, что процесс перевооружения затянулся на ряд лет, вопреки желаниям и намерениям правящих кругов Соединенных Штатов. Американской пропаганде еще предстояло много поработать, прежде чем ей удалось добиться своих целей.

---

[65]) Ibid., December 22, 1950, p. 26.
[66]) H. H a b e. Op. cit., p. 162.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 265 Серия историческая

А. Е. ГЛУШКОВ

НЕКОТОРЫЕ ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ НАЦИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ ПРОТИВ АНГЛИИ И ФРАНЦИИ В ПЕРИОД «СТРАННОЙ ВОЙНЫ» (сентябрь 1939— апрель 1940 гг.)

«Странная война» и политика империалистических держав в этот период получили широкое освещение в советской исторической литературе[1]). Вместе с тем ряд проблем остается еще недостаточно разработанным. В частности, представляет интерес более глубокое изучение пропаганды фашистской Германии в указанный период, ее методов, характера, содержания основных лозунгов. В настоящей статье, написанной на основе опубликованных документов и нацистской прессы, автор рассматривает лишь некоторые пропагандистские акции гитлеровцев периода «странной войны».

Планируя в 1939 г. агрессию против Польши, фашистская верхушка стремилась избежать войны на два фронта. Она надеялась, что Англия и Франция не вмешаются в германо-польскую войну. Об этом Гитлер говорил на совещании с руководителями вермахта 22 августа 1939 г.[2]).

Нацистские лидеры в такой оценке исходили из мюнхенских тенденций во внешней политике британских и французских правящих кругов. В августе 1939 г. правительства Англии и Франции сорвали предложение советского правительства о заключении военного соглашения, которое могло бы остановить фашистскую агрессию в Европе. В то же время британское правительство неоднократно пыталось летом 1939 г. добиться заключения англо-германского соглашения о разделе сфер влияния за счет других стран. Кроме того, командование вермахта считало, что ни Англия, ни Франция не готовы к военным действиям[3]).

Однако германское правительство не было до конца уверено в том, что Англия и Франция не вмешаются в германо-польский конфликт. На нацистскую пропаганду поэтому возлагалась задача не допустить вступления в войну западных союзников Польши. С этой целью нацистская пропаганда квалифицировала германскую агрессию против Польши как ответную меру на польские провокации. Примечательно, что в связи с этим нацистским пропагандистам запрещалось употреблять слово «война». В широко разрекламированном выступлении Гитлера

[1]) В. А. Секистов. «Странная война» в Западной Европе и в бассейне Средиземного моря (1939—1943 гг.). М., 1958; В. П. Смирнов. «Странная война» и поражение Франции. М., 1963; А. М. Некрич. Ввешняя политика Англии 1939—1941 гг., М., 1963; Л. П. Лавров. История одной капитуляции. М., 1964; Д. М. Проэктор. Агрессия и катастрофа. М., 1972; В. И. Дашичев. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 1, М., 1973.

[2]) В. И. Дашичев. Указ. соч., с. 138 и след.

[3]) Там же, с. 140.

[4]) «Völkischer Beobachter», 2/IX 1939.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

в рейхстаге Польша обвинялась в неспровоцированном нападении на Третий рейх. Чтобы успокоить западных союзников Польши, он заявил, что Германия хочет только «устранить» несправедливости Версальского договора и «исправить» германские границы на Востоке»[4]).

Эти пропагандистские заявления о «нежелании» воевать на Западе гитлеровская верхушка подкрепляла практическими шагами, запретив немецким войскам первыми пересекать западную границу Германии. В директиве № 1 верховного командования вермахта от 31 августа 1939 г. подчеркивалось, что «на Западе ответственность за открытие боевых действий следует возложить исключительно на Англию и Францию»[5]). Действительной причиной такого приказа была неспособность Германии вести войну на два фронта, главные силы которой были брошены против Польши.

Однако Германии не удалось предотвратить вступления в войну Англии и Франции. Под давлением обстоятельств 3 сентября 1939 г. британское и французское правительства объявили войну Германии. Как показали дальнейшие события, правящие круги западных стран не собирались вести активных военных действий против Германии. Началась так называемая «странная война», которая явилась своеобразным продолжением мюнхенских традиций в политике западных стран. Империалистические круги Запада надеялись, что после захвата Польши гитлеровские войска двинутся на Советский Союз. Действительно, в завоевательных планах германских фашистов агрессия против СССР стояла на первом месте. Но по тактическим соображениям агрессия против СССР была временно отложена.

Гитлеровцы в своей пропаганде широко использовали сам факт объявления войны Англией и Францией, чтобы снять с фашистской Германии ответственность за развязывание агрессии. 4-го сентября утром германские газеты вышли с крупными заголовками на первой полосе: «Англия и Франция напали на Германию», «Агрессия против немецкой нации», «Английские плутократы против немецкого народа» и т.п.

Гитлер в «Обращении к народу, партии, к Восточной и Западной армиям», опубликованном 4-го сентября, апеллировал к промюнхенским кругам Англии и Франции. Он вновь утверждал, что единственным стремлением германской внешней политики является урегулирование восточных границ Германии. При этом фашистское правительство якобы стремилось и стремится разрешать вопрос о германо-польской границе мирным путем. Но поляки, пользуясь покровительством Англии и Франции, не только отклонили «мирные предложения» Германии, но постоянно терроризировали немецкое население в Польше, а затем «подвергали территорию рейха угрожающему нападению. Британское и французское правительство не только не удержали поляков от такого шага, но и сами выступили против германской нации»[6]).

Нацистская пропаганда стремилась внести раскол в ряды своих противников. Особенно большому давлению подвергалась Франция, в правящих кругах которой влиятельные группировки почти открыто требовали заключения мира с Германией. Пользуясь этим, нацистская печать стала постоянно подчеркивать «особые» отношения между Францией и фашистской Германией, поскольку между ними нет спорных территориальных вопросов. Франция, выступая на стороне Англии, сама явилась «жертвой» английской политики «окружения», которая и привела ее в лагерь противников Германии[7]). Но даже в этом случае меж-

[5]) В. И. Дашичев. Указ. соч., с. 385.
[6]) «Völkischer Beobachter», 4/IX, 1939.
[7]) «Frankfurter Zeitung», 5/IX 1939.

Научная библиотека Для книг

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ду позицией Англии и Франции существует большое различие. «Французское правительство, — писала газета «Франкфуртер цейтунг», — в последние часы перед объявлением войны было готово принять предложение Муссолини о созыве «примирительной конференции», в то время как англичане отказались поддержать это предложение» [8]).

Единственным вдохновителем и виновником войны нацистская пропаганда объявила Англию. Примечательна в этом отношении речь Геринга, с которой он выступил на одном из берлинских заводов. Это его двухчасовое выступление транслировалось по имперскому радио и было полностью напечатано в германских газетах. «Возможно ли было предотвратить настоящую войну? — патетически восклицал Геринг. — Да, если бы английское правительство сказало полякам: требования Германии справедливы, вы должны их выполнить, иначе не получите нашей помощи. Однако Англия, наоборот, постоянно подстрекала поляков к нападению на Германию... Англия стремится уничтожить немецкую нацию, причем хочет это сделать руками французов» [9]).

Германские газеты в первые дни сентября 1939 г. писали, что Англия уже давно проводит в отношении Германии политику «окружения» с целью уничтожения германского народа. Теперь британское правительство пытается осуществить эту политику на практике. Но «английские плутократы» не учли, что Германия в настоящее время уже не та, какой она была во время заключения Версальского договора. Рейх под руководством фюрера переживает процесс «обновления», он достаточно окреп, чтобы бороться за свои «жизненные права» [10]).

В сентябрьские дни 1939 г. нацистская пропаганда большое внимания уделяла сообщениям с Восточного фронта. Гитлеровское руководство стремилось использовать военные успехи в Польше для политического давления на западные державы. Нацистская пресса восторженно писала о военных победах в Польше, подчеркивала силу германского оружия, превосходство немецкого солдата. Своего апогея милитаристская пропаганда достигла в конце сентября — начале октября, когда германские войска оккупировали территорию Польши и польская кампания была закончена. Газеты расписывали военный парад германских войск в Варшаве, публиковали фотографии немецких солдат на улицах польских городов, снимки трофейного оружия и т. п. Угар милитаристской пропаганды разлагающе действовал на немецкий народ, укрепляя веру в «гениальность» Гитлера, способности немецких военачальников, веру в «непобедимость» германского оружия.

Англия и Франция, объявив войну Германии, не предприняли наступательных операций на своем фронте и тем самым обрекли польскую армию на поражение. Фашистская верхушка пыталась извлечь из победоносного «блицкрига» в Польше как можно больше политических и дипломатических выгод. Стремясь скрыть подготовку к военному удару против Франции и Англии, нацистская пропаганда развернула широкую кампанию «мирного наступления».

Начало этому пропагандистскому блефу положило выступление Гитлера в Данциге 19 сентября 1939 г. Гитлер заявил, что после победоносной войны на Востоке Германия не имеет никаких претензий к Англии и Франции и не стремится к войне с ними. «Теперь все зависит от западных держав», — заявил он [11]). Официально предложение о заклю-

[8]) Л. П. Лавров. Указ. соч., с. 96—100.
[9]) «Frankfurter Zeitung», 11/IX 1939.
[10]) «Frankfurter Zeitung», 5/IX 1939.
[11]) «Völkischer Beobachter, 20/IX 1939.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

чении мира западным правительствам фашистский фюрер сделал в речи в рейхстаге 6 октября 1939 г. Он вновь повторил, что Германия не выдвигает никаких территориальных требований к Англии и Франции. Гитлер объявил главной внешнеполитической задачей рейха борьбу за «европейскую безопасность». Рейхсканцлер фашистской Германии предложил британскому и французскому правительствам заключить перемирие при условии признания всех территориальных завоеваний Германии. Он также призвал в своей речи западные страны к проведению конференции по проблемам разоружения и обсуждению валютных вопросов [12]). Нацистская пресса опубликовала это выступление Гитлера на первых страницах под громадными заголовками, называя его «речью мира».

«Мирное наступление» фашистской верхушки продолжил министр иностранных дел Риббентроп. В своей речи, произнесенной в Данциге 24 октября, он заявил: «Взаимопонимание с Англией всегда было фундаментом внешней политики Гитлера». Риббентроп в качестве основы «мирных переговоров» с английским правительством предложил следующие вопросы: 1) германо-английское морское соглашение на основе соотношения тоннажа военных кораблей 35:100; 2) признание неприкосновения границ Голландии, Бельгии и Франции; 3) соблюдение германских интересов в Восточной Европе; 4) заключение между обеими странами оборонительного союза [13]).

О демагогическом характере этих «мирных предложений» говорят следующие факты. Еще 27 сентября 1939 г. Гитлер приказал развернуть практическую подготовку военных операций на Западе. 9 октября, когда еще не поступил ответ от западных держав на его предложения от 6 октября, Гитлер отдал приказ начать наступление на Западном фронте 25 октября 1939 г. [14]).

После отказа Англии принять «мирные предложения» гитлеровцев нацистская пропаганда усилила несколько ослабевшую было антибританскую кампанию. В начале декабря германская пресса получила указание сосредоточить весь пропагандистский огонь на Англии, в то же время подчеркивалось, что обострение антифранцузской пропаганды в настоящее время является нежелательным [15]). Это объяснялось не только стремлением гитлеровцев вбить клин между союзниками, но и желанием поддержать реакционные элементы во Франции, усилившие репрессии против Коммунистической партии, которая разоблачала империалистический характер войны.

Разворачивая антибританскую пропаганду, нацисты пытались проводить ее, апеллируя к истории. «Политическая концепция, проводимая Англией на континенте, насчитывает уже несколько столетий. Она возникла еще тогда, когда центр европейского континента (т. е. Германия, — *А. Г.*) был ослаблен и раздроблен», — писала «Франкфуртер цейтунг». Нацистская пропаганда широко использовала созданную несколькими поколениями немецких историков версию о том, что основной причиной экономической и политической отсталости Германии явились Тридцатилетняя война и Вестфальский договор 1648 г., закрепившие раздробленность Германии.

«Франкфуртер цейтунг» писала, что Англия использовала слабость европейского континента в своих интересах, не допуская укрепления

---

[12]) «Völkischer Beobachter», 7/X 1939.
[13]) «Völkischer Beobachter», 25/X 1939.
[14]) В. И. Дашичев. Указ. соч., с. 445, прим. 4.
[15]) W. A. Boelke. Kriegspropaganda 1939—1941. Geheime Ministerkonferenzen im Reichspropaganda — ministerium. Stuttgart. 1966, S. 237.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

континентальных государств. Выступая на стороне то одних, то других держав, натравливая одно государство на другое, Англия поддерживала на континенте «равновесие» сил, не позволяя выдвинуться ни одной из стран. Такая политика создавала Англии возможность не только господствовать в Европе, но и осуществлять свое стремление к превращению в «мировую империю». В настоящее время в Центральной Европе выросли новые силы в лице фашистской Германии, действующие в собственных интересах. Британское правительство, писала газета, не может примириться с новой расстановкой политических сил на континенте, поэтому оно развязало войну, которая направлена не только против Германии, но и против нейтральных стран. Поэтому Германия ведет борьбу не просто за свои «жизненные права», но и за «политическую самостоятельность всего континента»[16]).

С приближением сроков запланированных наступательных операций против Франции гитлеровцы стали менять пропагандистские лозунги и установки. Быстрая победа над Польшей и пассивная тактика англо-французских войск на западном фронте порождали у немецкого населения иллюзии о «непобедимости» германских войск, о легкой победе над Англией и Францией в случае их наступления на Германию. Такие настроения у гражданского населения поддерживали и немецкие солдаты, которые в своих письмах с западного фронта писали о бездействии французов, о скуке окопной жизни, об игре в карты и т. п. Не случайно поэтому в ноябре 1939 г. министерство пропаганды обратилось к верховному командованию вермахта с просьбой усилить цензуру переписки военнослужащих[17]).

Распространению и поддержке таких иллюзий способствовала и сама нацистская пресса, много писавшая о слабости англо-французских армий, о неспособности их политических и военных деятелей. Эти иллюзии в случае неудач германских войск на Западе могли бы вызвать крайне отрицательное психологическое воздействие на германскую армию и население. Победа гитлеровских войск над заведомо слабым противником также не дала бы значительного морально-психологического эффекта. Министерство пропаганды поэтому запретило редакторам германских газет писать о военной неподготовленности англо-французских войск, о деморализации и внутренней слабости Англии и Франции.

Геббельс потребовал от немецких газет изображать борьбу на западном фронте как «битву с серьезным противником». В целях поднятия боевого духа германского народа он заменил широко распространенный в нацистской пропаганде лозунг «мы не капитулируем» лозунгом «мы победим»[18]).

Интересно отметить изменение отношения германской прессы к западным политическим деятелям. Показательна эволюция характеристики английского премьера Чемберлена, ярого антисоветчика и сторонника «умиротворения» Германии. В сентябрьские дни и в период «мирного наступления» гитлеровцев нацистская пресса писала о нем как о недалеком политике, не понимающем современного положения в Европе. На многочисленных карикатурах в германских газетах Чемберлен изображался немощным, сгорбленным стариком с зонтиком и в домашних туфлях. 16 декабря министерство пропаганды отдало следующее распоряжение: «Чемберлен не должен больше изображаться как неспособ-

---

[16]) «Frankfurter Zeitung», 3/XII 1939.
[17]) W. A. Boelke. Op. cit., S. 228.
[18]) Ibid., S. 240, 248, 247.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ный, беспомощный владелец зонтика, а напротив, как мстительный старик»[19]).

Информационные органы Англии и Франции, в свою очередь, вели интенсивную пропаганду на Германию, и по признанию Геббельса она обладала «значительной силой воздействия»[20]). В министерстве пропаганды неоднократно поднимался вопрос о борьбе против англо-французских акций.

Зимой 1939—1940 гг. в связи с милитаризацией экономики в Германии ощущались серьезные трудности в снабжении населения продовольствием и промышленными товарами. Большое недовольство населения вызывал топливный кризис, в результате которого в стране закрывались театры, кино, школы. Используя эти трудности, англо-французская пропаганда стала распространять слухи о том, что состояние войны может продолжаться 3—4 года, что усиливало брожение среди немцев. Министерство пропаганды, возглавляемое Геббельсом, дало указание прессе объяснить переживаемые трудности «чрезвычайно суровой зимой» на европейском континенте. Кроме того, нацистской пропаганде было категорически запрещено говорить или писать в какой-либо форме о длительности и сроках войны[21]).

В этих же целях еще в сентябре гитлеровская пропаганда призвала население к добровольному «самоограничению» жизненных потребностей[22]). Однако этот призыв не дал положительных результатов и нацистская верхушка была вынуждена ввести нормированную систему распределения ряда товаров. В связи с этим «Фелькишер беобахтер» писала, что в условиях навязанной Германии войны в первую очередь должны обеспечиваться всем необходимым фронт и немецкие солдаты[23]). Со страниц газет исчезли объявления о свободной продаже товаров широкого потребления, но появились рубрики о бережливости и экономности немецкой домохозяйки.

Чрезвычайно опасными, деморализующими немецких солдат и гражданское население нацистская верхушка находила слухи о возможности мирных переговоров западных стран с Германией, которые стали распространяться за границей в конце 1939 г. Германские газеты получили указание министерства пропаганды обойти эти сообщения молчанием[24]).

В марте 1940 г. в связи с политическим кризисом во Франции и отставкой правительства Даладье в зарубежной печати вновь появились сообщения о возможности перемирия с Германией. Это было весьма некстати для гитлеровского правительства, поскольку планы нападения на Запад были уже готовы и немецкие генералы ждали приказа о переходе в наступление. Падение правительства Даладье, с именем которого немецкое население связывало объявление войны Германии, могло породить и в немецком народе иллюзии об окончании войны. В связи с этим немецкая печать получила указание прокомментировать правительственные изменения во Франции так, чтобы не вызвать у населения каких-либо надежд на мир. «Наши военные надежды строятся не на парламентских спорах в плутократических странах. Наш лозунг «Мир через победу!», — подчеркивал Геббельс[25]).

Фашистская верхушка предполагала, что с началом военных действий в Польше западная пропаганда в Германии значительно возрастет

[19]) Ibid., S. 245.
[20]) Ibid., S. 238.
[21]) Ibid., S. 264, 268.
[22]) «Frankfurter Zeitung», 5/IX 1939.
[23]) «Völkischer Beobacher», 15/XI 1939.
[24]) W. A. Boelke. Op. cit., S. 257.
[25]) Ibijd., S. 300.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

и прежде всего усилится радиопропаганда. Исходя из этого, было принято решение, запрещающее немцам слушать передачи иностранного радио. Это решение было опубликовано в сентябре 1939 г. в германской печати[26]). Однако последующие месяцы показали, что немецкое население не спешило выполнить это распоряжение фашистских властей. На одном из секретных совещаний у Геббельса в ноябре подчеркивалось, что число немцев, слушающих зарубежные радиопередачи, постоянно увеличивается. Причем отмечался, несколько позднее, большой интерес к этим передачам среди немецких солдат, находящихся на Западном фронте[27]). Гитлеровские власти жестоко преследовали тех, кто слушает иностранное радио, и время от времени для запугивания масс проводили публичные судилища. По рекомендации министерства пропаганды газеты публиковали вынесенные приговоры. Однако эти меры не давали нацистам желаемого результата.

Вышеназванные действия нацистской пропаганды позволяют сделать вывод, что гитлеровская верхушка широко использовала ее для подготовки и развязывания войны, для разжигания среди немецкого народа милитаристских настроений и военного психоза. Фашистская машина пропаганды явилась тем орудием, с помощью которого гитлеровцы стремились поддержать мюнхенские традиции во внешней политике империалистических кругов Запада и в то же время воспитать у немецкого народа ненависть к англичанам и французам и психологически подготовить немецких солдат к расширению агрессии. Несмотря на порой шумные антибританские и антифранцузские кампании, главной целью германского империализма оставалась агрессия против Советского Союза.

---

[26]) «Frankfurter Zeitung», 3/IX 1939.
[27]) W. A. Boelke. Op. cit., S. 227, 260.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 265 Серия историческая

С. С. ГРИГОРЦЕВИЧ

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ «СИЛЫ» В ТЕОРИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США (1947—1970 гг.)

Для внешней политики Соединенных Штатов Америки в послевоенный период в течение многих лет наиболее характерной чертой являлось использование силы и насилия как основных средств достижения внешнеполитических целей [1]). Политику с «позиции силы» и «сдерживания» коммунизма, открыто провозглашенную президентом Трумэном в 1947 г., подтверждали последующие президенты США как в официальных заявлениях, так и на практике. Изменения внешнеполитического курса, которые иногда довольно громко провозглашались тем или иным американским правительством, как правило, носили тактический характер и сводились к решению вопроса о том, какой силе в данном конкретном случае отдать предпочтение — военной, экономической или политической.

В США опубликованы сотни книг и статей по теории международных отношений, авторы которых, часто по прямому заданию военных и других правительственных органов, разрабатывали вопросы более эффективного использования военных сил во внешней политике. Следует отметить, что в работах американских политологов и историков, посвященных истории и теории международных отношений, как правило, мало оригинальных идей. В большинстве случаев они развивают и приспосабливают к современным потребностям американского капитализма наиболее реакционные идеи, выдвинутые в свое время Н. Макиавелли, Т. Гоббсом, Наполеоном I, Т. Мальтусом, К. Клаузевицем, Л. Ранке, З. Фрейдом и др.

Многие американские авторы, исходя из высказываний Гоббса о том, что между людьми не может быть других отношений кроме «войны всех против всех», и взглядов Фрейда, который пытался понять историю человечества, перенося биологические законы естественного отбора на взаимоотношения людей, объясняют политику насилия агрессивной природой человечества». Они утверждают, что «вспышки агрессий» и войны порождаются не империализмом, а неизменной сущностью человеческой натуры, в которой, как правило, побеждают животные инстинкты и «непреодолимое стремление человека к силе и власти» [2]). В учебнике по международным отношениям, подготовленном группой сотрудников Пенсильванского университета, утверждается, что «война есть следствие агрессивности человеческой натуры, унаследованной людьми от животных» [3]). Суть подобных «концепций» вполне оче-

[1]) Американские авторы Л. Блумфильд и А. Лисс подсчитали, что в период с 1946 по 1969 год правительство США более 50 раз применяло вооруженные силы для «урегулирования» международных конфликтов. См.: L. Bloomfield and A. Leiss. Controlling Small Wars. A Strategy for the 1970 s. N. Y., 1969.

[2]) G. Gatlin. Systematic Politics. Toronto, 1962, p. 79.

[3]) E. Atwater, K. Forster and J. Prybyla. World Tensions, Conflict and Accomodation., N. Y., 1967, p. 12.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

видна. Их авторы преследуют цель убедить широкие слои американского народа в том, что войны неизбежны и борьба за мир бесперспективна. Подобные «теории» используются буржуазной пропагандой для морально-психологической подготовки новых войн. Буржуазные авторы замалчивают классовый характер внешней политики американского империализма. Ч. Иост пишет: «Величайшим препятствием к миру являются не империализм, не коммунизм или национализм, а человеческое поведение», а также перенаселение и голод [4]).

Выдвигая культ грубой силы в качестве основной внешнеполитической доминанты, реакционные американские буржуазные политики и идеологи используют взгляды Л. Ранке и его предшественников о специфике развития государств. Л. Ранке сто лет тому назад утверждал, что всякое государство в период своего роста стремится к территориальным захватам и войнам, оно всегда проводит «политику силы», которая является «вечным законом» существования государств. Перефразируя высказывание Ранке, известный американский профессор Ч. Лерч пишет: «До тех пор, пока каждое государство остается единственным судьей правильности своих действий, сила есть и будет решающим фактором в международной политике» [5]). Это высказывание Лерча почти дословно повторяют некоторые другие американские авторы. Восхваляя дипломатию насилия, Р. Барнет писал, что «американская официальная теория об ответственности Соединенных Штатов за судьбы всего мира» основана на тезисе, согласно которому «сильнейшая нация всегда господствует над другими». Вопрос только в том, «кто окажется наверху». Затем Барнет доказывает, что «судьба предначертала США властвовать», и, если они откажутся от этой роли, то их место займут другие [6]).

Стремление к мировому господству путем использования принуждения являлось доминирующей чертой послевоенной внешней политики Соединенных Штатов Америки. Именно это имел в виду сенатор Дж. Фулбрайт, когда писал в 1967 г., что «Америка проявляет признаки опьянения силой» [7]).

Проблемы использования силы в системе международных отношений активно разрабатывают в США теоретики так называемой школы «политического реализма», наиболее известными представителями которой являются профессора Г. Моргентау, Дж. Кеннан, Р. Нибур, Ч. Лерч младший, У. Ростоу, Г. Киссинджер, З. Бжезинский, Г. Гатлин и др. Г. Моргентау доказывает, что соперничество государств в борьбе за обладание «наибольшей силой» — военной, экономической и политической — является «извечным законом» и ведет к войнам [8]). Сторонники «реалистического подхода» к международным отношениям считают военно-политическую силу главным фактором достижения внешнеполитических целей, а «равновесие сил» — основным средством сохранения мира [9]). «Без напряженности конфликта и примирения, — пишет И. Кристол, — не было бы и взаимоотношений между государствами» [10]).

---

[4]) Ch. Iost. The Insecurity of Nations. International Relations in the Twentieth Century N. Y., 1968, pp. 261—262.

[5]) Ch. Lerch. Jr. Principles of International Politics, N. Y., 1956, p. 58.

[6]) R. Barnet. Intervention and Revolution. The United States in the Third World,

[7]) Дж. Уильям Фулбрайт. Самонадеянность силы. М., 1967, с. 30.

[8]) H. Morgenthau. Political Conditions for a Force. «The Strategy of World Order», vol. III. The United Nations, N. Y., 1966, p. 660—662.

[9]) Подробнее об этом см.: Г. Герасимов. О некоторых буржуазных «концепциях» международных отношений.— «Мировая экономика и международные отношения», 1968, № 8, с. 19—20.

[10]) «Foreign Affairs», July 1967, p. 609.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Во взаимоотношениях на международной арене, доказывают американские буржуазные идеологи, каждое из государств, опираясь на силу, защищает свои национальные интересы, что неизбежно ведет к войнам. «Идея верховенства национальных интересов, — пишет П. Сибури, — над другими политическими факторами делает насилие обычной политической реальностью»[11]). Р. Стромберг призывает отказаться от «принципа коллективной безопасности и поисков мира», как недостижимых целей, и сосредоточить усилия США на укреплении военной и государственной мощи[12]).

Тезис о неизбежности и извечности войн проходит красной нитью через работы американских буржуазных авторов. История человечества, утверждает К. Лондон, «есть прежде всего история войн»[13]). Как пишет К. Томпсон, влиятельные сторонники политического реализма Р. Нибур, Дж. Кеннан, Г. Моргентау и др. основываются на тезисе «о неизбежности войн и обязательном перерастании локального конфликта во всеобщий»[14]). Правда, в последних работах некоторых из этих авторов отмечается абсурдность ядерной войны и подчеркивается тот факт, что Соединенные Штаты Америки не в состоянии ее выиграть.

Однако крайние милитаристы доказывали неизбежность войн и даже писали об их «благотворном» влиянии на развитие человечества. Так, например, книга анонимного автора «Доклад с «железной горы» о возможности и желательности мира», опубликованная в США в 1967 г., написана с заранее заданной целью доказать закономерность, неизбежность и «благотворное» влияние войн на развитие общества. Не лишен интереса тот факт, что автор этой книги считает угрозу войны «главным политическим стабилизатором», обеспечивающим сохранение существующего государственного и общественного строя, так как опасность войны дает господствующим классам удобный предлог для подавления «социально-опасных элементов общества»[15]). Последнее подтверждение не требует особых доказательств. Общеизвестно, что правящие круги США после второй мировой войны особенно широко использовали надуманный тезис о внешней опасности и «угрозе коммунизма» для подавления демократического и коммунистического движения в Соединенных Штатах Америки и за их пределами.

Пародоксальным является тот факт, что американские идеологи и политики, доказывающие извечность и неизбежность войн, в то же самое время стремятся убедить общественность, что международная напряженность в послевоенные годы являлась следствием политики СССР и коммунистического движения. Антисоветизм и антикоммунизм были призваны замаскировать агрессивную внешнюю политику американского империализма. От доктрины Трумэна, провозглашенной в 1947 г., и до начала 70-х годов лейтмотивом американских внешнеполитических правительственных деклараций были призывы к борьбе с коммунизмом. «После второй мировой войны, — пишет Ван Дайк, — правительство США исходит из предпосылки, что распространение коммунизма в любой форме и усиление советской и коммунистической мощи

---

[11]) P. Seabury. Power Fredom and Diplomacy. The Foreign Policy of the United States of America, N. Y., 1967, p. 90.

[12]) R. Stromberg. Collective Security and American Foreign Policy. From League of Nations to NATO. N. Y., 1967, p. 246—247.

[13]) K. London. The Making of Foreign Policy. East and West, N. Y., 1965, p. 91.

[14]) K. Thompson. Political Realism and the Crisis of World Politics, Princeton, 1960, p. 246.

[15]) Report from Iron Mountain on the Possibility and Desirability of Peace, N. Y., 1967, p. 90.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

создают угрозу для США»[16]). В книге, опубликованной в 1969 г., Г. Моргентау пишет, что правительство Соединенных Штатов по-прежнему видит свою глобальную внешнеполитическую цель в том, чтобы, «используя силу, остановить распространение коммунизма»[17]).

Милитаристы призывали правительство США использовать в борьбе против Советского Союза и коммунистического движения все средства и не допускать ослабления международной напряженности, так как последнее обстоятельство, по их мнению, «поведет к деморализации свободного мира»[18]). Доказывая неизбежность войны, Р. Страус-Хюпе, В. Кинтнер и С. Поссони писали, что постоянное сосуществование между такими радикально- противоположными системами», как капитализм и коммунизм, невозможно и одна из систем должна погибнуть[19]). Перефразируя Наполеона I, С. Поссони писал: «В прошлом бог был всегда на стороне больших батальонов. В будущем бог обязательно будет на стороне более мощных атомных сил»[20]). Один из американских теоретиков ядерной войны Г. Кан призывал правительство США наращивать военную мощь для того, чтобы «обладать способностью... вполне серьезно угрожать войной» с использованием ядерного оружия[21]).

Для оправдания гонки вооружений правящие круги США используют теорию равновесия сил. Ее сторонники утверждают, что только равенство военной моши двух противоборствующих сторон могло бы предотвратить войну. Но каждое государство безостановочно увеличивает свои военные силы, что вызывает контрмеры со стороны других государств, а это ведет к замкнутому кругу в гонке вооружений и создании союзов, из которого не может выйти ни одна из конкурирующих стран. Как утверждает Т. Бейли и др., «нарушение равновесия сил провоцирует войну»[22]). В современных условиях внешняя политика империалистических государств тесно взаимосвязана с их военной политикой и определяется не только экономическими и политическими интересами, но в не меньшей мере уровнем военной мощи. В связи с этим в США после 1945 г. все большую роль в определении и осуществлении внешней политики играла верхушка военщины и военно-промышленный комплекс, тесно связанные с американским монополистическим капиталом. Извращая миролюбивую внешнюю политику СССР, американские империалисты доказывали, что США вынуждены увеличивать военные расходы для того, чтобы не отстать от Советского Союза и не нарушить равновесия сил. В то же самое время ставится задача обеспечить полное военное превосходство США на случай войны. Американский высокопоставленный генерал Э. Уиллер призывает «развить потенциальные возможности армии как орудия национальной политики» и добиться того, чтобы Америка была «первой как на суше и море, так и в воздухе»[23]). Советский исследователь Г. А. Трофименко вполне обоснованно указывает, что в послевоенные годы правительство Соединенных

---

[16]) Van Dyke. International Politics, N. Y., 1957, p. 204.

[17]) H. Morgenthau. A New Foreign Policy for the United States, N. Y., 1969, p. 18.

[18]) R. Strausz-Hupe, W. Kintner and S. Possony. A Forward Strategy for America, N. Y., 1961, p. 41.

[19]) Ibid., p. 35.

[20]) D. Collier and K. Glaser (ed.) Berlin and the Futur of Eastern Europe, Chicago, 1963, p. 42.

[21]) H. Kahn. On Thermonuclear War, Princeton, 1960, p. 558—559.

[22]) T. Bailey. The Art of Diplomacy. The American Experience, N. Y., 1968, p. 241. Подробнее об этом см.: А. А. Топорнин. Доктрина «баланса сил» и Вашингтон.— «США — экономика, политика, идеология», 1970, № 11, с. 14—20.

[23]) Организация сухопутных войск США.— Сборник переводных статей. М., 1964, с. 19—20.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Штатов стремилось обеспечить позицию «абсолютного» военного превосходства над СССР, но так и не смогло добиться этой цели [24]).

Апология силы и насилия ведет к тому, что устрашение рассматривается как одно из важнейших средств достижения внешнеполитических целей США. В связи с этим многие американские исследователи отмечают падение роли конгресса и государственного департамента в планировании и осуществлении внешней политики и возрастания роли военных. «Количество, сила и влияние военных органов государственной власти, — писал Э. Фернисс, — растут быстрее, чем других американских учреждений... высшие военные органы разрабатывают политические, экономические и даже психологические» проблемы внешней политики [25]). Э. Фернисс также писал, что в случае войны правительство Соединенных Штатов планирует использование атомного и водородного оружия и, в «случае необходимости», химического и бактериологического [26]).

Еще за несколько лет до того, как Д. Эйзенхауэр, уходя с поста президента в 1961 г., в своем обращении к американцам подчеркнул растущее влияние военно-промышленного комплекса в Соединенных Штатах и указал на опасность укрепляющихся связей между военным аппаратом и крупными корпорациями, выполняющими заказы Пентагона, в США стали писать и говорить о неуклонно возраставшем влиянии верхушки военных на многие сферы экономической и политической жизни. В 1957 г. профессор Д. Блейсделл писал: «Военное ведомство расходует большие суммы денег, чем другие ведомства, и его влияние на политику, как внутреннюю, так и внешнюю сильнее, чем какого-либо другого министерства или исполнительного органа» [27]). Прямые военные расходы Соединенных Штатов, составлявшие в 1949 году 13,6 млрд. долл., были утверждены на 1969 г. в сумме 78,4 млрд долл. Гонка вооружений, агрессивные войны в Корее и Вьетнаме, выполнение жандармских функций в глобальном масштабе повели к тому, что правительство США израсходовало на военные цели в 1946—1966 гг. 1,25 триллиона долларов [28]). Следует отметить, что в годы второй мировой войны Соединенные Штаты истратили на военные нужды 341 млрд долл.

В 1968 г. численность солдат и офицеров, находившихся на военной службе, составила 3 490 тыс. человек, кроме того около 3,5 миллионов американцев было занято непосредственно в военной промышленности, а на службе в учреждениях министерства обороны находилось 1248 тыс. гражданских лиц [29]). Располагая громадными средствами, Пентагон, тесно связанный с крупными монополиями, оказывает влияние на все сферы экономической и общественной жизни США. В министерстве обороны решаются самые разнообразные вопросы: от крупных вложений в военную промышленность и научные исследования университетов до финансирования журналистов, радиокомментаторов и различных милитаристских изданий. На военном бизнесе наживаются прежде всего магнаты финансового капитала. В 1968 г. 100 крупных корпораций получили военных заказов на 26,2 млрд долларов [30]). После 1947 г.

---

[24]) Г. А. Трофименко. Некоторые аспекты военно-политической стратегии США.—«США — экономика, политика, идеология». 1970. № 10, стр. 16.

[25]) E. Furniss. American Military Policy, N. Y., 1957, p. 468.

[26]) Ibid., p. 459.

[27]) D. Blaisdell. American Democracy under Pressure, N. Y., 1957, p. 186.

[28]) W. Mc Gaffin and E. Knoll. Scandal in the Pentagon. A Challenge to Democracy, Greenwich, 1969, p. 13.

[29]) On Armed Services United States Senate, Wash., 1968.

[30]) W. Mc Gaffin and E. Knoll. Op. cit., p. 104.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ставленники крупных монополий — Форрестол, Джонсон, Вильсон и Макнамара занимали посты министров обороны в правительстве США.

Влияние военно-промышленного комплекса на внешнюю политику Соединенных Штатов продолжало расти[31]). В отчетном докладе ЦК XXIV съезду КПСС Л. И. Брежнев говорил: «Внешняя политика империализма за истекшее пятилетие дала новые доказательства неизменности его реакционной, агрессивной природы». В докладе также отмечено, что «наиболее опасный характер милитаризация приобрела в США»[32]).

Милитаризм, или пентагонизм, как иногда выражаются в США, стал определяющей силой в важнейших сферах экономической и политической жизни страны. «Развитие военной промышленности и производства вооружений в годы войны и особенно в течение последнего десятилетия, — пишет известный американский физик Р. Лэпп, — являясь беспрецедентным в истории Америки... зажало в тиски всю нацию»[33]). Американский журналист Ф. Кук пишет о том, что в США создана постоянная военная экономика, а в результате переплетения военных и экономических интересов «появился новый американский империализм»[34]).

Могущественные монополистические группировки, обогащающиеся на военном бизнесе, заинтересованы в сохранении международной напряженности. Они не жалеют сил и средств для ее поддержания и разжигания антисоветской и антикоммунистической кампании. Национальная ассоциация промышленников, банкиры и генералитет оказывают мощное давление на правительство, конгресс и общественное мнение США.

Правящие круги Соединенных Штатов Америки еще в ходе второй мировой войны начали длительную борьбу за установление американской гегемонии и превращение США в «верховного арбитра» на международной арене. С этой целью были созданы мощные вооруженные силы, в основу которых положено ядерное оружие. Г. Трумэн в своих мемуарах пишет, что, вступив на пост президента в 1945 г., он рассчитывал, что обладание атомной бомбой даст возможность Соединенным Штатам «диктовать свои условия в конце войны»[35]). Американские империалисты создали систему союзов, охвативших Европу, Азию и американский континент. Некоторые из американских авторов утверждают, что США «не боролись за мировое господство», а роль «лидера капиталистических государств» была якобы навязана в результате особенностей послевоенного исторического развития[36]).

Итоги второй мировой войны — образование и развитие социалистического лагеря, рост революционного и национально-освободительного движения, дальнейшее ослабление империализма — вызвали недовольство американской буржуазии и стремление пересмотреть сложившееся соотношение сил в пользу США. Г. Моргентау писал, что в 1944—1945 гг. американским войскам следовало бы оккупировать Чехословакию и другие страны Европы и не «допустить там» социалистических преобразований[37]). Американские империалисты, используя временную

---

[31]) См.: Ю. Исаева. Лабиринты военного бизнеса. М., 1969.
[32]) Отчетный доклад ЦК КПСС XXIV съезду. — «Правда», 31 марта 1971 года.
[33]) R. Lapp. The Weapons Culture, N. Y., 1968, p. 12.
[34]) F. Cook. The Warfare State, N. Y., 1962, p. 146.
[35]) H. Truman. Memoirs, vol. 1, N. Y., 1955, p. 87.
[36]) W. Carlton. The Revolution in American Foreign Policy. Its Global Range, N. Y., 1963, p. 43; D. Brandon. American Foreign Policy. Beyond Utopianism and Realism, N. Y., 1966, p. 5.
[37]) S. Kertesz(ed). American Diplomacy in a New Era, Notre Dame, 1961, p. 66.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

монополию на атомное оружие, напористо рвались к роли «международного опекуна» и уже в первые послевоенные годы нарушили межсоюзнические соглашения, принятые на Ялтинской и Потсдамской конференциях, стремились поставить под свой контроль ООН и т. д.

Провал гегемонистских устремлений американского империализма многие американские авторы объясняют тем, что правительство США для осуществления своих внешнеполитических целей недостаточно опиралось на вооруженные силы — пошло на демобилизацию армии, не использовало в военных конфликтах атомное оружие и т. д. Весной 1945 г. в вооруженных силах США было 8,3 млн солдат и офицеров, из них более 5,5 млн находились в других государствах. В правительстве США имелись влиятельные лица, в том числе и президент Трумэн, которые считали, что демобилизацию американской армии следует задержать и использовать ее в качестве средства давления на Советский Союз во время переговоров по спорным вопросам. Однако выступления солдат, стремившихся вернуться домой, и кампания за демобилизацию армии, которую вели прогрессивные круги в США, заставили правительство пойти на сокращение армии, хотя численность всех родов вооруженных сил оставалась довольно большой, например, на 1947 г. она была установлена в 1070 тыс. человек [38]). В военных кругах США делали ставку на так называемую «атомную дипломатию», но атомный шантаж провалился, и установить американское господство на международной арене не удалось.

Однако правительство США самовольно присваивает себе функции «военного и дипломатического оплота западной цивилизации» и играет роль мирового жандарма в борьбе с революционным движением. В 40 и 50-х годах американские буржуазные политические деятели и идеологи объявили принцип государственного суверенитета «устаревшей идеей», призывали другие капиталистические государства отказаться от защиты национальных интересов и объединиться с Соединенными Штатами для борьбы против коммунизма. А. Берли утверждал, что «притязания США на мировое руководство вполне обоснованы как «в экономическом, так и в военном и демографическом отношениях» [39]). Известный американский историк Т. Бейли писал, что после второй мировой войны Соединенные Штаты, «превратившись в громадную империю, простирающуюся от Мэна до Манилы, от Панамского перешейка до Северного полюса», взяли в свои руки «факел руководства свободным миром» [40]).

Претензии США на мировую гегемонию были изложены 12 марта 1947 г. в речи президента Трумэна в конгрессе. Попросив конгресс ассигновать 400 млн. долларов для оказания «помощи» Греции и Турции, Трумэн заявил, что Соединенные Штаты и впредь будут использовать свои силы и средства для борьбы с «угрозой коммунизма» в любом районе земного шара, «считая, что это затрагивает их безопасность» [41]). Конгресс утвердил испрашиваемые ассигнования и тем самым одобрил доктрину Трумэна. Многие буржуазные авторы считают, что провозглашение доктрины Трумэна означало объявление «холодной войны» Советскому Союзу. Д. Флеминг пишет, что названная доктрина превратила США во всемирного антикоммуниста и антирусского жандарма». Флеминг отмечает крайнюю агрессивность доктрины Трумэна, форму-

[38]) J. Bernardo and E. Bacon. American Military Policy since 1775, Wash., 1955, p. 445—448.
[39]) A. Berlie. Tides of Crisis. A Primer of Foreign Relations, N. Y., 1957, p. 40.
[40]) T. Bailey. The American Pageant. History of the Republic, Boston, 1956, p. 944.
[41]) H. Truman. Memoirs, vol. II, N. Y., 1956, p. 110—111.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

лировки которой позволили использовать ее для борьбы с революционным или демократическим движением в любой точке земного шара [42]). Английский профессор Д. Горовиц подчеркивает, что правительство Соединенных Штатов использовало доктрину Трумэна для «утверждения американской гегемонии в послевоенном мире» и «противодействия законным интересам СССР в Европе и особенно в послевоенной Германии» [43]).

Дополненная и конкретизированная в госдепартаменте и других правительственных учреждениях доктрина Трумэна была положена в основу рассчитанной на долгие годы внешнеполитической концепции, получившей название доктрины «сдерживания». Политика «сдерживания» не преследовала цели сохранить статус-кво, сложившееся в системе международных отношений. Она была направлена на то, чтобы добиться изменений послевоенного соотношения сил в пользу американского империализма. «Никогда не имелось в виду, — пишет Г. Моргентау, — что политика сдерживания означает, и она действительно никогда не понималась, как просто удерживание позиций против натиска советской мощи» [44]). Летом 1947 г. в американском журнале «Форин афферс» была опубликована статья «Истоки советского поведения», написанная председателем Совета по планированию внешней политики при госдепартаменте Дж. Кеннаном, который скрыл свое авторство, подписавшись псевдонимом «Х». В статье, выражавшей точку зрения правительства, проводилась идея о том, что США обладают достаточной мощью, чтобы используя силу и другие средства, добиться либо падения советской власти, либо изменения ее характера [45]).

Антисоветизм и антикоммунизм были положены в основу американской внешней политики. Американский журналист И. Стоун писал, что в конце 40-х годов и начале 50-х идея, что США «придется воевать с Россией, постоянно внушалась американцам» [46]). С 1947 г. политика «сдерживания», в основе которой лежал тезис о превосходстве США в силе, оставалась основой внешней политики США, хотя за это время изменялись американские внешнеполитические доктрины, менявшие тактику американского империализма в связи с изменением соотношения сил на международной арене, которое было не в пользу Соединенных Штатов.

Официальные документы и анализ американской внешней политики свидетельствуют о том, что опора на силу и силовая борьба являлись постоянным фактором внешней политики США в послевоенный период. Однако концепция силы за эти годы прошла определенную эволюцию как по вопросам методов применения военной силы, так и по взглядам на пути использования экономической, технической и политической мощи Соединенных Штатов Америки для осуществления внешнеполитических целей. В 1954 году была провозглашена стратегия «массированного возмездия», в основе которой лежало утверждение о том, что США превосходят Советский Союз в ядерной мощи, могут нанести сокрушающий ядерный удар по любому противнику и не допустить ответного удара с его стороны.

---

[42]) D. Fleming. The Gold War and its Origins 1917—1960, vol. 1, L., 1961, p. 446.

[43]) D. Horowitz. The Free World Colossus. A Critique of American Foreign Policy in the Gold War, N. Y., 1965. p. 69—75.

[44]) H. Morgenthau. Politics in 20-th Century, vol. 11, Chicago, 1962, p. 40.

[45]) S. Brown. The Faces of Power. Constancy and Change in United States Foreign Policy from Truman to Johnson, N. Y., L., 1968. p. 44; Подробнее о политике «сдерживания» см.: Ю. М. Мельников. Внешнеполитические доктрины США, М., 1970, с. 13—15.

[46]) I. Stoun. The Truman Era, N. Y., 1953, p. 36.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Рост оборонной мощи Советского Союза вынудил правящие круги Соединенных Штатов произвести пересмотр военной стратегии. В конце 50 — начале 60-х годов в США было признано, что американская армия не в состоянии одержать победу в случае ядерного конфликта с СССР и поэтому Соединенные Штаты должны избегать прямого вооруженного столкновения с Советским Союзом и быть готовыми к ведению большой войны с применением обычного оружия. В 1961 г., после того как выяснилось, что американские вооруженные силы не могут победить в тотальной ядерной войне, была провозглашена доктрина «гибкого реагирования», которая лежала в основе внешней политики американского империализма до конца 60-х годов. Она базировалась на уверенности в больших военных возможностях американской армии в вооруженных конфликтах с использованием обычных вооруженных сил. Но поражения американских войск во Вьетнаме показали несостоятельность подобных расчетов.

Дальнейшее углубление общего кризиса капитализма, изменение в соотношении сил на международной арене в пользу лагеря социализма, обострение внутриполитического положения в США, особенно в связи с сильным антивоенным движением во второй половине 60-х годов, которое явилось следствием глубокого возмущения американского народа агрессивной войной против Вьетнама вынудили правящие круги США начать пересмотр некоторых аспектов внешней политики. Этот пересмотр в теоретическом плане шел со второй половины 60-х годов и стал явственно проявляться в 1969 г. после прихода к власти ставленника республиканской партии президента Р. Никсона.

В 1969 г. была выдвинута, а в 1970 г. более четко сформулирована внешнеполитическая доктрина Никсона.На ее основе в США разрабатывается новая стратегия «реалистического сдерживания». В военном плане, как и в предыдущих доктринах, предусматривается повышение готовности США к ведению обычных войн и войны с использованием стратегического ядерного оружия. На этом основывается стратегия «устрашения», и пределы ее применения трудно определить. В то же время доктрина Никсона ориентирует внешнюю политику США на более активное использование дипломатических, экономических и других невоенных средств осуществления внешнеполитических целей. В частности выдвигается тезис о возможности улучшения взаимоотношений Соединенных Штатов Америки с Советским Союзом и другими государствами.

В 60—70-х годах, пожалуй, наибольшее влияние на дальнейшее развитие теории международных отношений и изменение некоторых стратегических и тактических внешнеполитических установок американского империализма оказали взгляды американского теоретика, профессора Гарвардского университета Г. Киссинджера, который с 1969 года является помощником президента Никсона по вопросам национальной безопасности, а с 1973 г. и государственным секретарем и играет большую роль в разработке и осуществлении внешней политики Соединенных Штатов Америки. В конце 50 — начале 60-х годов Киссинджер подверг критике американскую военную доктрину «массированного возмездия», как не соответствовавшую новому соотношению сил, принял участие в создании доктрины «гибкого реагирования», разрабатывал принципы ведения локальных войн, призывал правительство США увеличивать обычные вооруженные силы и создавать тактическое ядерное оружие для применения в локальных войнах.

Несмотря на антисоветский характер своих взглядов, Киссинджер уже в 1960 г. в книге «Необходимость выбора» отмечал, что Советский

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Союз по военной мощи не уступает Соединенным Штатам и призывал в таких условиях правительство США шире использовать дипломатические пути для урегулирования конфликтов и обеспечения мира [47]). В этой же книге Киссинджер пишет об особенностях использования американской военной силы в локальных и ограниченных войнах с применением стратегических средств в качестве орудия «дозированного возмездия» [48]).

С середины 60-х годов Г. Киссинджер в своих работах все более решительно выступает за политическое урегулирование международных конфликтов. Он пишет, что события опровергли представления о всемогуществе Соединенных Штатов, а катастрофические последствия ядерной войны превратили атомную бомбу прежде всего в орудие устрашения [49]). Тезис Клаузевица о том, что война является «продолжением политики иными средствами», отмечает Киссинджер, больше неприменим, так как всеобщая ядерная война имела бы катастрофические последствия, и потери намного бы превышали любые возможные выгоды от подобной войны [50]). Он призывает к пересмотру «традиционных понятий политики национальной безопасности» и указывает, что в новых условиях цель «стратегической доктрины состоит в том, чтобы превратить силу в политику» и, таким образом, «обеспечить выживание общества», а для этого мало иметь превосходство в военной силе, необходимо еще широко использовать «политические, психологические, экономические и социальные факторы». Киссинджер пишет, что Соединенные Штаты Америки имели возможность не раз убедиться в том, что «наличие подавляющего военного превосходства в ядерный век не обеспечивает государству возможностей навязывать свои решения на международной арене», поэтому во взаимоотношениях великих держав необходима «определенная ступень сотрудничества и существует абсолютный предел конфликта» [51]).

Журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», излагая взгляды Киссинджера в связи с назначением его на пост помощника президента Никсона по вопросам национальной безопасности, писал, что Киссинджер считает необходимым пересмотреть внешнюю политику США в связи с тем, что изменение международной обстановки ограничивает возможности Соединенных Штатов как супердержавы, и в новом «мультиполярном мире США должны найти свое место». Киссинджер отмечал, что «устойчивый порядок в мире» может быть создан лишь при условии определенной степени сотрудничества с Советским Союзом. Он пишет, что США «уже больше не в состоянии оперировать глобальными программами» и должны привести в соответствие «действующие международные обязательства с американскими интересами и целями». В 70-х годах, по мнению Киссинджера, Соединенные Штаты, оставаясь «сверхдержавой физически», должны будут поддерживать союзные «региональные группировки», но они не должны будут брать на себя ответственность и пытаться разрешить конфликты в тех или иных

---

[47]) H. Kissinger. The Necessity for Choice. Prospects of American Foreign Policy, N. Y., 1960, p. 170.

[48]) Ibid., p. 65—66.

[49]) H. Kissinger. (ed.). Problems of National Strategy, N. Y., 1965, p. 15—16.

[50]) Ibid., p. 476—477.

[51]) H. Kissinger. American Foreign Policy. Three Essays, N. Y., 1969. Подробнее о взглядах Киссинджера на военную стратегию см.: Г. А. Трофименко. Американская литература во вопросам военно-политической стратегии США.—Американская историография внешней политики США 1945—1970. М., 1972, с. 41—43.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

районах земного шара в американскую пользу путем военного вмешательства США. Соединенным Штатам, считает Киссинджер, следует уделять больше внимания общим вопросам «сохранения порядка», а не пытаться «осуществлять руководство» повсюду [52]). Решительные выступления американского народа против агрессии США во Вьетнаме показали американским правящим кругам, что прямое участие США в агрессивных войнах, типа вьетнамской, может повести к серьезным социальным потрясениям в Соединенных Штатах Америки.

Многие из вышеизложенных взглядов Киссинджера нашли впоследствии отражение в послании президента Никсона конгрессу по внешнеполитическим вопросам от 18 февраля 1970 г. Журнал «Тайм» писал, что «послание Никсона, главным автором которого является Киссинджер, определяет глобальные цели на грядущее десятилетие» [53]). В этом необычно многословном послании наряду с антисоветскими и антикоммунистическими выпадами провозглашаются принципиально новые установки. Никсон обещает перевести американскую политику с позиций противоборства к переговорам с СССР и другими социалистическими странами, так как в условиях «равновесия ядерной мощи», заявляет Никсон, это наиболее разумная политика. Кроме того, в послании сформулирована суть «доктрины Никсона» относительно взаимоотношений США с их союзниками. Главное здесь в том, что правительство Соединенных Штатов признает провал своих попыток установления американской гегемонии в глобальном масштабе, провозглашает «мир на основе партнерства», требует от союзников большего вклада «в собственную оборону».

Журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», комментируя послание Никсона, писал: «Холодная война кончается. Европа и Япония снова на своих ногах и процветают... Россия и США теперь почти равны по способности уничтожить друг друга». В таких условиях «США, как это уже твердо решено, не будут выступать как всемирный жандарм. Они будут помогать дружественным странам, которые сами смогут помочь себе... Прямых военных столкновений, таких как во Вьетнаме, следует избегать. Автор журнальной статьи сделал вывод, что США будут уменьшать правительственную экономическую помощь американским союзникам, но будут поощрять американские частные капиталовложения за границей и развитие внешней торговли [54]).

В послании президента подчеркивалось, что внешняя политика Соединенных Штатов по-прежнему будет опираться на позицию силы и американскую военную мощь, однако «возросшая ответственность» американских союзников даст возможность уменьшить американский «вклад в оборону». Журнал «Тайм» в связи с этим писал: «Господствовавшее до недавнего времени представление, что США будут вмешиваться в конфликты во всем мире, создало стратегию «$2^1/_2$ войны», в соответствии с которой Пентагон «безуспешно пытался поддерживать силы на уровне, достаточном, чтобы одновременно вести большие войны как в Европе, так и в Азии и войну меньшего масштаба где-либо еще. По плану Никсона США переходят на стратегию «$1^1/_2$ войны», что должно позволить им вести большую войну или в Европе, или в Азии и военные действия меньшего масштаба где-либо еще» [55]).

---

[52]) «U. S. News and World Report», January 13, 1969, p. 37—38.
[53]) «Tim», March, 1970, p. 17.
[54]) «U. S. News and World Report», March 2, 1970, p. 22.
[55]) «Time», March 2, 1970 p. 17.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Г. Моргентау оценил послание президента Никсона конгрессу как «фундаментальное изменение в американском подходе к некоторым аспектам внешней политики». В частности, он отметил, что «США после индокитайского опыта не намерены более открыто вмешиваться» в дела Африки или Латинской Америки в случае, если там произойдут революционные изменения [56]).

З. Бжезинский продолжает выступать за проведение антикоммунистической политики по отношению к СССР и странам социалистического сотрудничества в Европе, но призывает правительство США изменить тактику. Поддерживая тезис Никсона, что Соединенные Штаты «не могут уйти из Европы, так же как не могут уйти из Аляски», Бжезинский пишет, что если США откажутся от активной политики в Европе, то они вообще «не будут иметь внешней политики». Правда, он признает ослабление позиций США во всем мире и в Европе. «Америка сегодня, — пишет Бжезинский, — обнаруживает многие признаки неуверенности относительно того, стоит ли быть единственной глобальной державой... Для европейцев современная Америка, вне сомнений, является менее надежным покровителем и менее близким партнером», чем было ранее [57]).

Взгляды, изложенные в послании президента Никсона и высказываниях, комментирующих послание, не являются новыми. Они выдвигались и обсуждались в течение нескольких лет. Доктрина Никсона явилась результатом коллективного творчества американских теоретиков и политиков. Ее появление есть следствие существенных изменений на международной арене и крупных внешнеполитических просчетов американского империализма.

Бывший министр обороны США Р. Макнамара в книге «Сущность безопасности», опубликованной в 1968 г., пишет, что те изменения в мире, которые начали явственно проявляться с начала 60-х годов, когда на смену «биполярному миру» стала приходить «мультиполярная система», т. е. кроме двух центров силы и мощи — США и СССР — появились новые в лице Западной Европы, Японии и КНР, правительству Соединенных Штатов стало нелегко «определять надежных друзей и непримиримых врагов», а такие «ярлыки, как «свободный мир» и «железный занавес», сослужившие полезную службу в прошлом, стали непригодными для характеристики соперничающих блоков». Макнамара пишет, что при существующем соотношении сил победа Соединенных Штатов в «третьей мировой войне невозможна», поэтому доктрина «массированного возмездия» в теории и практике должна уступать стратегии гибкого реагирования [58]).

Несмотря на «столкновение советско-американских интересов... в различных районах мира, США и Советский Союз, — пишет Макнамара,—доказали свою способность осуществлять реалистическую политику» [59]). Тем не менее Макнамара считает, что в основе внешней политики США должна лежать сила, а возможность «гарантированного уничтожения любого противника» оставаться основой политики сдерживания, хотя и США, и СССР, по его мнению, заинтересованы в том, чтобы избежать ядерной войны. Подобно Киссинджеру, Макнамара считает, что США не в состоянии обеспечить «порядок за пределами своих границ». В данном случае, как и в других, под «порядком» понимается по-

[56]) H. Morgenthau. Changes and Chances in American — Soviet Relations. «Foreign Affairs», April 1971, p. 432, 440.
[57]) Z. Brzezinski. America and Europe. «Foreign Affairs», October 1970, p. 14, 30.
[58]) R. Mc Namara. The Essence of Security, N. Y., 1968, p. 8—10.
[59]) Ibid., p. 160.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ложение, соответствующее интересам американского монополистического капитала.

Другим важнейшим фактором, наряду с провалом политики ядерного устрашения, оказавшим известное влияние на теорию и практику внешней политики США, явилась антисоветская политика правящей группы Мао Цзе-дуна в КНР. К 1963 г., пишет Дж. Стоссингер, советско-китайские разногласия стали в меньшей степени носить идеологический характер и «начали все больше и больше принимать окраску главного конфликта силы между двумя великими национальными государствами»[60]). В Соединенных Штатах создана обширная литература по вопросу о том, как использовать в американских интересах антисоветский курс Мао Цзе-дуна[61]). Основные выводы, к которым пришли американские буржуазные теоретики по этому вопросу, заключаются в следующем: «Коммунистическая угроза ослабела», Соединенные Штаты должны соблюдать «нейтралитет в советско-китайском конфликте» и, таким образом, занять выгодную позицию как в Азии, так и в Европе. Доктрина Никсона создавалась с учетом антисоветской политики нынешнего руководства КНР. По мнению творцов американской политики, США, руководствуясь доктриной Никсона и опираясь на мощные вооруженные силы, смогут «играть роль балансира во вновь складывающемся равновесии сил» и, таким образом, занять исключительно выгодную позицию на международной арене. Г. Моргентау пишет, что одним из факторов, «изменивших отношения между США и СССР», явилась «китайская угроза Советскому Союзу»[62]).

В Соединенных Штатах отмечают, что антисоветская политика правящей группы Мао Цзе-дуна создает сравнительно ограниченные возможности для усиления американского военного давления на СССР в связи с ростом могущества Советского государства. В годичном послании президента Никсона конгрессу в 1971 г. отмечается, что Советский Союз, ставший «державой мирового значения, обладает такими военными возможностями, которые далеко превосходят возможности, которыми располагало советское правительство прежде»[63]).

Необходимо учитывать тот факт, что, признав невозможность для США выиграть ядерную войну против СССР и ссылаясь на «равновесие ужаса», многие американские авторы пишут, что главным «стратегическим противником» Соединенных Штатов по-прежнему является Советский Союз. В этом отношении показательны идеи, изложенные Г. Моргентау в 1971 г. в статье о советско-американских отношениях. Отметив, что американская «реакция на советскую внешнюю политику представляет собой шараханье из одной крайности в другую», он утверждает: «То, что видится наивным или желающим этого людям как новая гармоничная фаза в американо-советских отношениях, является на деле побочным продуктом» американской «военной вовлеченности» в Индокитае. «Пока мы заняты в Индокитае, — пишет Моргентау, — мы будем продолжать наслаждаться «хорошими» отношениями с Советским Союзом... но после окончания войны мы, вероятно, снова будем соперничать

---

[60]) J. Stoessinger. The Might of Nations. World Politics in Our Time, N. Y., 1965, p. 58.

[61]) См. об этом: В. П. Лукин. Американо-китайские отношения: концепции и действительность.—«США — экономика, политика, идеология». 1973, № 2, с. 12—23.

[62]) H. Morgenthau. Changes and Chances in American — Soviet Relations, «Foreign Affairs», April 1971, p. 430.

[63]) United States Foreign Policy for the 1970's Building for Peace. A Report by President Richard Nixon to the Congress, N. Y., 1971, p. 130.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

и конфликтовать с Советским Союзом»[64]). Моргентау считает возможным новое обострение американо-советских отношений в случае изменения соотношения военных сил, провала переговоров об ограничении стратегических вооружений или конфликта в Европе. В конечном итоге он пишет, что «будущее советско-американских отношений окутано неопределенностью», и в случае неудачи в попытках установить сотрудничество двух государств «мир будет оставаться на грани самоуничтожения»[65]).

Рассматривая вопрос о путях развития идеологической борьбы между США и СССР, Моргентау, как и некоторые другие американские авторы, придерживаются выдвинутого в последние годы тезиса о том, что коммунизм «как экономическая система не является врагом США», поэтому американское правительство должно улучшать свои отношения с теми социалистическими странами, которые «хорошо относятся к Соединенным Штатам». Тем не менее Моргентау вынужден отметить, что «устранение идеологических соображений из американской внешней политики является частичным и незначительным... борьба против коммунизма все еще оказывает влияние на наши действия», — пишет Моргентау[66]). В последнее время «теоретические изыскания» американских авторов по вопросам идеологической политики США на международной арене направлены на поиски путей идеологического воздействия на народы социалистических государств путем модернизации «политики наведения мостов» с целью подрыва тесных связей социалистических государств Восточной Европы с Советским Союзом.

Еще лет десять тому назад любое правительство, возглавляемое коммунистами, объявлялось врагом Соединенных Штатов, но в наши дни американский империализм меняет свою тактику, хотя классовая основа его политики остается неизменной. Авторами доктрины «наведения мостов» в США называют Дж. Кеннана и З. Бжезинского.

Провал «ползучей контрреволюции» в Чехословакии в 1968 г. лишь несколько охладил пыл сторонников «наведения мостов» и заставил их вырабатывать более гибкую тактику. В 1970 г. З. Бжезинский в статье «Америка и Европа» писал, что конечной, хотя и далекой целью Соединенных Штатов, является объединение Восточной и Западной Европы под американским руководством путем мирной ликвидации наследия Потсдама»[67]). С. Кертец в статье, опубликованной в 1969 г., призывает правительство США укреплять НАТО и военные позиции Соединенных Штатов в Европе и заявляет, что только с «исчезновением физического и интеллектуального железного занавеса» и установлением «свободного обмена идей от Ла-Манша до Владивостока» будут созданы условия для ликвидации «военных обязательств США в Европе»[68]).

Изменение международной обстановки ведет также к пересмотру некоторых теоретических положений по ряду вопросов, в том числе и по проблеме использования силы. В этом отношении показательна статья С. Брауна «Меняющаяся сущность силы», опубликованная в январе 1973 г. Автор пишет о процессе «дезинтеграции военных союзов», созданных в период холодной войны, и отмечает, что в условиях разрядки международной напряженности причинами, побужда-

---

[64]) H. Morgenthau. Changes and Chances in American — Soviet Relations, «Foreign Affairs», April, 1971, p. 436.
[65]) Ibid., p. 441.
[66]) Ibid., p. 433.
[67]) Z. Brzezinski. Op. cit., p. 25.
[68]) S. Kerstesz. The U. S. and Europe Today, «Current History», July, 1969, p. 51.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ющими государства к сближению, будут экономические связи, техническое и культурное сотрудничество, которые приведут к созданию «многосторонних и перекрещивающихся коалиций», образованных для подобного сотрудничества. С. Браун считает, что в 70-х годах на подобной основе возникнет новая система межгосударственных отношений, которая «будет характеризоваться изменением природы самой международной силы... определяющейся способностью государства влиять на другие страны для достижения своих целей»[69]). В данном случае С. Браун солидаризируется с теми американскими авторами, которые всячески популяризировали идеи президента Никсона о «новой технологической политике» США, на основе которой Соединенные Штаты Америки, опираясь на достижения научно-технической революции, по мнению Никсона, смогли бы значительно укрепить свои позиции на международной арене. Однако Браун, как многие другие американские буржуазные авторы, работающие над теоретическими проблемами международных отношений, считает, что военная сила в конечном итоге «будет иметь решающее значение в конфликтах, затрагивающих жизненно важные интересы безопасности»[70]).

Концепция силы долго оставалась открыто декларировавшимся кардинальным принципом внешней политики Соединенных Штатов, хотя и изменялась тактика ее применения. Глубокие и необратимые изменения на международной арене, успехи ленинской миролюбивой внешней политики СССР повели к улучшению советско-американских отношений и подписанию в 1972—1973 гг. соглашений большого исторического значения. В мае 1972 г. был подписан документ «Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки», в котором предусматривается, что «Необходимыми предпосылками для поддержания и укрепления между СССР и США отношений мира является признание интересов безопасности сторон, основывающейся на принципе равенства, и отказ от применения силы или угрозы ее применения»[71]). В июне 1973 г. было подписано «Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о предотвращении ядерной войны», по которому оба государства согласились, «что целью их политики является устранение опасности ядерной войны и применения ядерного оружия» и зафиксировали важнейшее решение о том, «что каждая сторона будет воздерживаться от угрозы силой или ее применения против другой стороны, против союзников другой стороны и против других стран в обстоятельствах, которые могут поставить под угрозу международный мир и безопасность»[72]).

Таким образом, правительство США официально отказалось от применения силы для изменения положения, сложившегося на международной арене, и признало первостепенное значение улучшения советско-американских отношений для будущего Соединенных Штатов Америки. Ослабление международной напряженности затрудняет манипулирование силой со стороны противников улучшения советско-американских отношений. В Соединенных Штатах продолжается противоборство между сторонниками и противниками ослабления международной напряженности. Там имеются влиятельные политические круги, требую-

---

[69]) S. Brown .The Changing Essence of Power, «Foreign Affairs», January, 1973, p. 287—289.
[70]) Ibid., p. 289.
[71]) «Правда», 30 мая 1972 года.
[72]) «США — экономика, политика, идеология», 1973, № 8, с. 105—106.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

щие дальнейшего наращивания американских вооруженных сил и добивающихся политических уступок от Советского Союза. Имея в виду подобного типа политиков, Л. И. Брежнев говорил в речи на Всемирном конгрессе миролюбивых сил в октябре 1973 года: «На наш взгляд, развитие мирного взаимовыгодного сотрудничества между Советским Союзом и Соединенными Штатами в различных областях имеет перед собой хорошие перспективы, если, разумеется, подходить к этому вопросу ответственно и лояльно, на деле придерживаясь принципов взаимной выгоды и взаимного уважения, а не пытаться извращать их и вмешиваться во внутренние дела другой стороны, диктовать ей свои условия, как это пытаются делать — вопреки официальному политическому курсу собственного правительства — некоторые безответственные политиканы в Соединенных Штатах»[73]).

В связи с разрядкой международной напряженности американские специалисты по внешнеполитическим вопросам пересматривают некоторые, с их точки зрения, устаревшие методы осуществления тех или иных целей и теоретические принципы. Буржуазные теоретики пытаются разработать новые критерии для решения сложных внешнеполитических проблем современности. Некоторые из выдвинутых ими концепций продолжают лежать в основе государственной политики крупнейшего империалистического государства — Соединенных Штатов Америки. Выступая активно против марксизма-ленинизма и защищая классовые интересы американского монополистического капитала, они изощренно и зачастую на высоком профессиональном уровне разрабатывают теорию и тактику борьбы против Советского Союза, стран социалистического лагеря и международного коммунистического движения. Американские политики пытаются учитывать международные последствия научно-технической революции в области военной техники и взаимоотношений великих держав[74]). Многие из них, сохраняя на вооружении антисоветизм и антикоммунизм, вынуждены признать успехи миролюбивой внешней политики Советского Союза и необходимость мирного сосуществования.

---

[73]) «Правда», 27 октября 1973 года.

[74]) См.: Г. А. Арбатов. Внешняя политика США и научно-техническая революция.— «США — экономика, политика, идеология. 1973, № 10, № 11.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 265 Серия историческая

Б. С. ЖИГАЛОВ

АНГЛИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ПОДГОТОВКА ВАШИНГТОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (июнь — октябрь 1921 г.)

В советской исторической литературе, посвященной Вашингтонской конференции 1921—1922 гг. и ее предыстории, основное внимание уделено политике Соединенных Штатов Америки[1]). Меньшее внимание уделено политике Великобритании и других империалистических государств, участвовавших в этой конференции. Лишь в немногих работах советских историков затрагиваются вопросы, связанные с участием Англии в подготовке и проведении Конференции в Вашингтоне[2]). Однако роль Англии в подготовке конференции, в выработке ее решений была весьма значительна. Поэтому эта проблема и сейчас привлекает интерес многих буржуазных авторов[3]).

В данной статье делается попытка показать отношение правящих кругов Англии к вопросу о созыве конференции по дальневосточным и тихоокеанским проблемам, их борьбу за создание наиболее благоприятных для британского империализма условий работы этой конференции[4]).

Международное положение Англии после победы Великой Октябрьской социалистической революции и окончания первой мировой войны было весьма сложным. С одной стороны, устранение Германии с мировой арены, ликвидация ее военно-морского флота, крушение германской колониальной империи усилили положение британского империализма. Но одновременно возросли экономическая мощь и политическое могущество США, выступавших в качестве претендента на мировую гегемонию. Англо-американские противоречия обостряются во многих районах мира.

Напряженной продолжала оставаться обстановка в Европе. Несмотря на заключение Версальского мирного договора, стабилизация в Европе достигнута не была. Здесь на первый план выходят англо-француз-

---

[1]) См.: Е. И. Попова. Вашингтонская конференция 1921—1922 гг. в оценке советских историков.— «Американский ежегодник. 1971», М., 1971.

[2]) И. М. Лемин. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно 1919—1925, М., 1947; А. Гальперин. Англо-японский союз 1902—1922. М., 1947; История дипломатии. Изд. 2-е, т. 3. М., 1965.

[3]) J. S. Goldraith. The Imperial Conference of 1921 and the Washington Conference. «Canadien Historical Review», v. 24, 1948; J. Ch. Vinson. The Imperial Conference of 1921 and the Anglo-Japanese Alliance. «Pacific Historical Review», v. 31, № 3, 1962; M. G. Fry. The North Atlantic Triangle and the Abrogation of the Anglo-Japanese Alliance. «Journal of Modern History», v. 34, 1967; Ira Klein. Whitehall, Washington and the Anglo-Japanese Alliance, 1919—1921. «Pacific Historical Review», v. 41, № 4. 1972.

[4]) В статье не затрагиваются вопросы, касающиеся подхода английского правительства к проблеме сокращения вооружений. Это достаточно подробно показано в работах Л. Н. Иванова и ряда других авторов.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ские противоречия. Частичная стабилизация капитализма, проявившаяся к 1924 г., в какой-то степени знаменовала и политическую стабилизацию капиталистической Европы. Накануне Вашингтонской конференции до этого было далеко.

Под влиянием победы Октябрьской революции начался развал колониальной системы империализма. Освободительное движение охватывает обширные британские колониальные владения. Особенно критическим к концу 1920 г. стало положение в Ирландии. Английское правительство было вынуждено пойти на переговоры с ирландскими лидерами, и в октябре 1921 г. было подписано соглашение, предоставлявшее Ирландии статут доминиона, хотя Ольстер оставался в составе Великобритании. Это вело к сохранению напряженности в отношениях Англии и Ирландии.

Бурно развивались события в английских владениях на Ближнем и Среднем Востоке, прежде всего в Египте и Индии. В арабских владениях Англии, как отмечает современный исследователь А. Климэн, «атмосфера кризиса была превалирующей на протяжении всего 1920 и начала 1921 гг.»[5]). Назначенный в январе 1921 г. министром колоний Черчилль лишь путем некоторых уступок арабской верхушке и сложного маневрирования смог сохранить британские позиции в этом районе.

Падает влияние Англии в сопредельных с Советской страной государствах — Турции, Иране, Афганистане. Выступая в июле 1921 г. в палате лордов, министр иностранных дел Англии Керзон говорил, что смотрит на создавшееся в Персии положение «с чувством разочарования и почти отчаяния»[6]). Основную причину ослабления позиций Великобритании на международной арене правящие круги этой страны видели в «интригах» Москвы. Антисоветизм оставался важнейшей частью внешнеполитического курса британского империализма.

Внутриполитическое положение Англии оставалось предельно напряженным. В 1921 г. развернулся экономический кризис. Количество безработных выросло с 690 тыс. человек в декабре 1920 г. до 2,2 млн. — в июне 1921 г.[7]). Резко сократилось промышленное производство и внешняя торговля. Внутри правительственной коалиции шла ожесточенная борьба консерваторов и либералов. Яростную кампанию против правительства Ллойд Джорджа вела пресса Нортклиффа. Против премьера интриговали его собственные министры Черчилль, Биркенхед, Керзон[8]). В одном из писем, направленном находившемуся во Франции лидеру консерваторов Бонар Лоу, Ллойд Джордж так характеризовал политическую обстановку тех дней: «Кризисы, сменяющие друг друга как тени облаков — шахтеры, безработица, репарации, Силезия и, как всегда, Ирландия»[9]).

Все эти факторы сказывались на подходе правительства Англии к дальневосточным проблемам, которые были тесно связаны с вопросами взаимоотношений Англии с США и Японией. Первая мировая война оказала значительное влияние на положение стран дальневосточного региона. Война содействовала развитию капиталистических отношений в Китае. Выросла местная буржуазия, шел процесс формирования рабочего класса. Все это содействовало расширению освободительного

---

[5]) A. S. Kliemann. Foundations of British Policy in the Arab World: the Cairo Conference of 1921. Baltimore, 1970, p. 237.

[6]) «Вестник НКИД», 1921, № 7, 8.

[7]) L. J. Macfarlane. British Politics 1918—1964. London, 1965, p. 12.

[8]) Интересное описание многих перипетий борьбы внутри правящего лагеря Англии дает в своей книге Бивербрук. См.: Lord Beaverbrook. The Decline and Fall of Lloyd George. New York, 1963, p. 27—28.

[9]) Ibid., p. 264.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

движения и подрывало влияние империализма. Активизировали свою деятельность в Китае американские и японские монополии.

Англия была первой державой, утвердившей еще в XIX веке свое влияние в Китае. Превосходство Англии над другими державами здесь было бесспорным в течение ряда десятилетий. После первой мировой войны положение изменилось. Английскому империализму приходилось переходить к обороне своих владений и сфер влияния от экспансии США и Японии. В значительной степени изменились внутриимперские отношения — возросла роль британских доминионов. В решении дальневосточных и тихоокеанских проблем были заинтересованы Австралия, Канада, Новая Зеландия. Без учета их мнения английские правящие круги уже не могли определять своей политики в отношении Японии и США.

Изменившиеся условия в мире меняли для английской монополистической буржуазии и ценность союза с Японией. Подписанный в 1902 г. англо-японский союз был направлен против царской России, затем он сыграл определенную роль в антигерманской политике Англии. После окончания войны и разгрома Германии англо-японский союз объективно приобретает антиамериканский характер. Опираясь на этот союз, Япония укрепляет свои политические позиции на Дальнем Востоке. Все это вызывает резкие возражения в правящем лагере Великобритании.

Период от подписания Версальского договора до начала работы Вашингтонской конференции в ноябре 1921 г. был ознаменован в Англии довольно широким обсуждением проблем, связанных с курсом политики на Дальнем Востоке, с взаимоотношениями Великобритании с Японией и США. Это обсуждение велось на страницах английской буржуазной прессы, на заседаниях парламента, на проходившей летом 1921 г. имперской конференции. Английская буржуазная печать, особенно консервативного направления, политические деятели, парламентарии, представители делового мира в общем были едины в одном — в стремлении сохранить позиции Англии на Дальнем Востоке. Различные точки зрения, споры и дискуссии выявлялись при обсуждении методов и путей достижения этой главной цели. Как действовать, с кем идти на Дальнем Востоке?

Британская дипломатия в это время придавала весьма большое значение решению вопроса о судьбе англо-японского союза, срок действия которого истекал летом 1921 г. Опасения в связи с японской политикой в Китае и других районах Дальнего Востока, стремление улучшить отношения с Соединенными Штатами толкали определенные круги правящей верхушки Англии и доминионов к поискам альтернативы англо-японскому союзу. Начиная с 1920 г. английская пресса обсуждала вопрос о созыве конференции держав для выработки соглашения относительно сфер политического влияния в бассейне Тихого океана [10]).

К числу противников возобновления союза с Японией относились те круги английской буржуазии, которые были связаны с предпринимательством на Дальнем Востоке и которые особенно страдали от японской конкуренции. Торгово-промышленные круги, оперировавшие в Китае, были настроены резко антияпонски. Показательной в этом отношении была петиция, направленная в министерство иностранных дел Англии президентом «Чайна ассошиэйн», весьма влиятельной среди британских банкиров и судовладельцев, в которой говорилось о сильном недовольстве в Китае англо-японским союзом и необходимости его аннулирования [11]). Известный философ Бертран Рассел, совершивший большую поездку по Дальнему Востоку, в интервью газете «Дейли геральд»

[10]) «Бюллетень НКИД», 1920, № 22.
[11]) «The Times», 8/VII 1921.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

саркастически заметил, что встретил там лишь одного англичанина, который выступал за возобновление союза с Японией, и тот был личным другом Ллойд Джорджа [12]). Газеты отмечали, что откровенно агрессивная политика Японии компрометирует ее союзника Англию и может сблизить Китай с Соединенными Штатами.

Из доминионов наиболее резко против сохранения англо-японского союза выступала Канада, ибо это ухудшало англо-американские и канадско-американские отношения. Газета «Глоб», выходившая в Торонто, в декабре 1920 г. твердо выступала против возобновления союза Англии с Японией. В канадском парламенте в марте — апреле 1921 г. неоднократно имели место выступления против союза. С конца апреля 1921 г. канадская пресса развернула широкую кампанию против сохранения англо-японского союза [13]).

Поскольку судьба англо-японского союза во многом определяла широкий комплекс проблем, связанных с взаимоотношениями между Англией и США, то в решении этого вопроса были заинтересованы самые влиятельные круги британской монополистической буржуазии. Как известно, правительство США недвусмысленно высказалось против сохранения англо-японского союза. 23 июня 1921 г. государственный секретарь США Юз говорил послу Англии, что англо-японский союз является «единственным источником трудностей на Дальнем Востоке» [14]). Таким было мнение не только правительства США. Антибританские настроения были широко распространены в это время в широких кругах американского общества. Находившийся в США в конце 1920 г. газетный магнат лорд Нортклифф писал редактору «Таймс»: «Вся обстановка Вашингтона и настроение американской прессы характеризуются подозрительностью к Великобритании» [15]).

Нортклифф через принадлежавшие ему газеты «Дейли мейл» (выходившую тогда самым большим тиражом в Англии), «Таймс», «Дейли миррор», «Ивнинг ньюс» и др. начал кампанию против возобновления союза с Японией и за сближение с США. В этих целях он использовал и свое немалое личное влияние. Летом и осенью 1921 г. Нортклифф совершил большую поездку в Соединенные Штаты, Канаду, страны Дальнего Востока. Хотя по указанию Керзона официальные английские представители в Вашингтоне бойкотировали его визит, Нортклифф был принят президентом Гардингом. Сопровождавший Нортклиффа в поездке по США главный редактор «Таймс» Г. Стид беседовал с государственным секретарем Юзом и японским послом Сидерхарой. Последнего он убеждал в необходимости трансформации англо-японского союза в более широкое соглашение с участием США. Вернувшись во второй половине сентября 1921 г. в Лондон, Г. Стид информировал о своих беседах адмиралтейство, Форин оффис и Бальфруа, которого предполагалось назначить главой английской делегации на конференцию в Вашингтоне. По мнению Стида, выраженному в его конфиденциальном меморандуме, «Япония должна знать, что агрессия с ее стороны может заставить все говорящие по-английски нации объединиться против нее [16]).

---

[12]) «Daily Herald», 29/VII 1921.

[13]) J. B. Brebner. Canada, the Anglo-Japanese Alliance and the Washington Conference. «Political Science Quaterly», March, 1935, v. 50, № 1, p. 49.

[14]) Papers Relating the Foreign Relations of the United States (FR). 1921, v. 2, p. 315.

[15]) R. Pound and G. Harmsworth. Northcliffe. London, 1959, pp779—780.

[16]) H. W. Steed. Through Thirty Yenrs 1892—1922. London, 1925, v. 11, p. 371.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Нортклифф затем посетил Канаду, Австралию, Новую Зеландию. С премьер-министрами этих доминионов он обсуждал вопросы политики в отношении Японии. Затем последовал визит в Японию, Китай, Корею. Поездка на Дальний Восток еще более укрепила антияпонские настроения «короля» британской прессы. 16 ноября 1921 г. Нортклифф направил указание главному редактору «Таймс», чтобы газета выступила за немедленное прекращение действия англо-японского договора и способствовала установлению англо-американского единства [17]).

В Англии широко высказывалось мнение, что прекращение союза с Японией улучшит не только отношения с Америкой, но и с Китаем. Журнал «Эйшиэтик ревью» подчеркивал: «Англо-китайские отношения не могут больше приноситься в жертву на алтарь англо-японского союза» [18]). Стремление к сохранению и укреплению позиций Англии в Китае за счет ослабления японского влияния довольно четко выражалось в большой статье «Китай и Запад», опубликованной в январе 1921 г. во влиятельном консервативном журнале. В статье подчеркивалось, что основной угрозой для Китая является Япония. Запад должен «помочь» Китаю избавиться от японского засилия и стать «современным» государством. Для этого необходимо обеспечить свободу Китаю от политического давления через посредство дипломатических и иных каналов, ликвидировать иностранную экстерриториальность, назначить по рекомендации Лиги наций опытных иностранных советников в Китай для контроля финансов, армии, полиции. Особое внимание иностранные советники должны будут уделять расходованию средств, получаемых от иностранных займов. При этом автор статьи прямо ссылался на деятельность Р. Харта, который несколько десятков лет контролировал деятельность китайских морских таможен, обеспечивая проникновение британского капитала в Китай. Ввиду слабости центрального правительства автор статьи предлагал назначать иностранных советников непосредственно во все китайские провинции. Провинциальные правительства и иностранные советники должны были бы обеспечивать полную свободу для размещения иностранных займов [19]). Как видно, намечаемая программа действий исходила из фактического сохранения сфер влияния в Китае и установления иностранного контроля над китайскими финансами.

Однако значительным влиянием в Англии пользовались и сторонники сохранения союза с Японией. Это были наиболее реакционные элементы финансовой олигархии, верхушка консервативной партии. Обосновывая идею сохранения англо-японского союза, ее сторонники подчеркивали, что Япония в течение 20 лет была «верным союзником» Англии, защищая ее интересы в бассейне Тихого океана и на Дальнем Востоке. Отмечалось, что Япония «вне союза» будет опаснее для Англии и ее доминионов. Указывалось на возможность сближения Японии с Францией или Германией. Сторонники сохранения англо-японского союза явно рассчитывали на использование Японии в борьбе против национально-освободительного движения и против Советской России [20]).

Весной и летом 1921 г. в Англии поднялась новая волна антисоветской пропаганды. В буржуазных газетах выдвигались требования разрыва торгового договора с Советской Россией. В мае 1921 г. во Владивостоке японцами был организован контрреволюционный переворот и создано белогвардейское «правительство» во главе с братьями Мерку-

[17]) R. Pound and G. Harmsworth. Op. cit., p. 815.
[18]) «The Asiatic Review», 1921, July, p. 383.
[19]) «The Nineteenth Century and After», 1921, Jaunary, pp. 66—68.
[20]) См.: И. М. Лемин. Указ. соч., стр. 288.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ловыми. По мнению лейбористской «Дейли геральд», японские действия в Приморье не были неожиданными для английских властей. В Англии разрабатывались планы переброски войск Врангеля на советскую территорию. Английская разведка считала наиболее предпочтительным вариант вторжения в Восточную Сибирь [21]). Во всяком случае реакционные силы в Англии считали полезными для себя действия японской военщины на советском Дальнем Востоке. В связи с меркуловским переворотом «Морнинг пост» писала: «Возможно, что Москва и Чита задумаются прежде чем рисковать конфликтом с Японией. Поэтому буферное государство под защитой Японии может продлить свое существование и это укрепит японский барьер против большевизма» [22]).

Позиция коалиционного правительства Ллойд Джорджа в отношении сохранения союза с Японией была колеблющейся и на протяжении 1920—1921 гг. несколько раз менялась [23]). В Форин оффис был создан специальный комитет, который занимался изучением вопроса о целесообразности сохранения союза с Японией. В конце января 1921 г. этим комитетом был представлен доклад, в котором давался ответ на два вопроса: 1) Должен ли возобновляться союз с Японией, если да, то на каких условиях?» и 2) «Какой политики должно придерживаться правительство на Дальнем Востоке в будущем?» Составители доклада подробно проанализировали положение Китая, политику Японии. Было отмечено, что Япония стремится к отказу от политики «открытых дверей» и ликвидации всякой иностранной конкуренции против себя в Китае. Одновременно авторы отмечали совпадение американских «идеалов» в Китае с английскими и, в конечном счете, приходили к выводу о необходимости создания «антанты» в составе Англии, США и Японии взамен действующего англо-японского союза. В заключение своего доклада эксперты Форин оффис подчеркивали, что они старались исходить в своих рекомендациях не только из ситуации, существующей на Дальнем Востоке, но и с более широкой точки зрения мировой политики, в которой «англо-американские отношения составляют главенствующий фактор в поддержании мира и порядка во всем мире». Если же в силу каких-то обстоятельств не удастся достигнуть соглашения с США, то в качестве альтернативы необходимо заключить соглашение с Японией, сформулированное так, чтобы не исключить «эвентуальное участие в нем Соединенных Штатов» [24]).

Идея создания тройственного пакта взамен существовавшего англо-японского союза поддерживалась и в доминионах. В декабре 1920 г. премьер-министр Австралии Юз заявил, что австралийцам нужно не просто возобновление союза с Японией, как вынужденной меры против японской агрессии, но возобновление его в такой форме, которая будет «приемлема для Британии, для Америки, для Японии и для нас самих» [25]). Правительством Великобритании был предпринят определенный зондаж в этом направлении. В конце мая 1921 г. глава пресс-отдела министерства иностранных дел У. А. Уилерт информировал гос-

---

[21]) «Daily Herald», 6/VI 1921.
[22]) «Morning Post», 9/VII 1921.
[23]) См.: Г. Б. Навлицкая. Расторжение англо-японского союза и договор четырех держав (1921 г.).—Краткие сообщения Ин-та народов Азии. Т. 64, М., 1963.
[24]) Documents on British Foreign Policy 1919—1939. First Series, v. XIV, p. 221—227.
[25]) J. Ch. Vinson. The Imperial Conference of 1921 and the Anglo-Japanese Alliance. «Pacific Historical Review», v. 31, № 3, August, 1962, p. 258.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

департамент США о планах включения Соединенных Штатов в союз с Англией и Японией. Но там эта идея была встречена «холодно»[26]).

Тем не менее в создавшихся условиях, когда все более очевидной становилась необходимость пересмотра некоторых аспектов британской политики на Дальнем Востоке, правящие круги Великобритании все более склоняются к мысли о целесообразности проведения международной конференции, посвященной проблемам этого региона. Такая конференция дала бы возможность урегулировать возникшие спорные вопросы в духе Версаля, распространив действие этой системы на Дальний Восток.

В это же время пришедшее к власти в США республиканское правительство президента Гардинга также сочло необходимым проведение подобной конференции под своим руководством в целях упрочения американского влияния в Восточной Азии и бассейне Тихого океана. Инициатива Англии могла помешать претензиям США на созыв такой конференции.

С 20 июня по 5 августа 1921 г. в Лондоне проходили заседания Имперской конференции. Здесь были представлены главами правительств все доминионы, кроме Ньюфаундленда. «Тихоокеанские проблемы, англо-японский договор и разоружение занимали основное место на этой конференции», — подчеркивала «Дейли геральд». В своей вступительной речи при открытии заседаний конференции Ллойд Джордж говорил, явно имея в виду выдвигавшиеся правительством США проекты сокращения вооружений: «Мы не можем забывать, что сама жизнь Соединенного королевства... вся Империя основываются на морской мощи, и что морское могущество является необходимым базисом для существования всей Империи»[27]). От имени английского правительства с обзором политических событий выступил Керзон. В его выступлении, а также в выступлениях Черчилля, Бальфура, О. Чемберлена, Биркенхеда давалась высокая оценка англо-японскому союзу, говорилось о необходимости сохранения хороших отношений с Японией. Премьер-министр Австралии Юз и премьер-министр Новой Зеландии Массей высказались также за сохранение англо-японского союза. Эти два британских доминиона наиболее опасались расширения масштабов экспансии Японии. Правда, здесь были приняты законы против японской иммиграции. Идея «белой» Австралии была официальной доктриной правительства этой страны. Но правящие круги в этих доминионах считали, что лучше иметь Японию «союзником», чем открытым противником. Страх перед растущей мощью Японии толкал правительства Австралии и Новой Зеландии к сохранению англо-японского союза.

Иная точка зрения была высказана канадским премьер-министром Мэйгеном. Он говорил, что основания для существования этого союза отошли в прошлое, что англо-японский союз противоречит уставу Лиги наций и, главное, что США и Китай будут рассматривать возобновление союза Англии с Японией как явно враждебный акт. По мнению канадского премьера, хорошие отношения с Соединенными Штатами являются краеугольным камнем внешней политики Британской империи. Мэйген повторил свое предложение, высказанное еще в феврале 1921 г., о созыве конференции по тихоокеанским проблемам с участием США, Японии, Китая и Британской империи[28]).

Выступление Мэйгена получило поддержку главы правительства ЮАС Смэтса и некоторых членов английского правительства. Подобный

[26]) Ibid., p. 260.
[27]) «The Times», 21/VI 1921.
[28]) J. B. Brebner. Op. cit., p. 53.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

подход поддерживался значительной частью буржуазной прессы Англии. В редакционной статье «Таймс» подчеркивалось, что единственный путь для Англии — это соглашение с Америкой и Японией об ограничении морских вооружений и будующем Тихого океана [29]). Позиция, занятая руководителями некоторых доминионов, сыграла в дальнейшем определенную роль в решении английского правительства отказаться от сохранения англо-японского союзного договора. Однако не следует преувеличивать, как это иногда делают буржуазные историки, степень разногласий между участниками имперской конференции 1921 г. по вопросу о союзе с Японией.

Большинство участников имперской конференции высказалось за созыв международной конференции по дальневосточным и тихоокеанским проблемам. Японский посол был первым, кого 4 июля информировал об этом Керзон. На следующий день, 5 июля, состоялась беседа Керзона с американским послом Харви, во время которой британский министр предложил, чтобы инициатива созыва подобной конференции исходила от президента Соединенных Штатов [30]).

Начало июля 1921 г. было ознаменовано оживленной перепиской между Лондоном и Вашингтоном по вопросу созыва международной конференции. Эта дипломатическая переписка свидетельствует о наличии серьезных разногласий, которые имелись относительно характера предстоящей конференции и условий ее проведения. 9 июля государственный секретарь США Юз довел до сведения английского правительства, что все дальневосточные проблемы могли быть обсуждены в рамках конференции по сокращению вооружений, проведение которой намечалось в Вашингтоне [31]). 11 июля 1921 г. было опубликовано официальное приглашение президента Гардинга ряду держав участвовать в конференции по разоружению, подчеркивалась при этом возможность обсуждения на конференции дальневосточных проблем.

В тот же день, 11 июля, Ллойд Джордж, выступая в палате общин, заявил, что в соответствии с условиями договора англо-японский союз может быть денонсирован лишь через двенадцать месяцев после того, как одна из сторон сделает заявление об этом [32]). Таким образом, несмотря на истечение 13 июля 1921 г. 10-летнего срока действия договора, правительство Англии пока от него не отказывалось.

Разногласия между правительствами Англии и США проявились прежде всего по вопросу об организации конференции и составе ее участников. 11 июля 1921 г. в беседе с американским послом Керзон предлагал в первую очередь организовать конференцию по тихоокеанским и дальневосточным делам, а лишь затем и отдельно провести вторую конференцию, посвященную ограничению вооружений. Английское правительство предлагало провести конференцию по тихоокеанским и дальневосточным вопросам не позднее 15 августа в Лондоне. При этом Керзон ссылался на присутствие премьер-министров доминионов на имперской конференции. Конференция же по вопросам сокращения вооружений могла иметь место в Вашингтоне, как и предлагало правительство Соединенных Штатов [33]).

Английские правящие круги на этом этапе подготовки конференции хотели добиться выделения интересующих их прежде всего дальневосточных вопросов и провести их обсуждение в Лондоне, обеспечив с по-

---

[29]) «The Times», 23/VI 1921.
[30]) FR, 1921, v. I, p. 19.
[31]) FR, 1921, v. I, p. 23.
[32]) «Daily Herald», 12/VII 1921.
[33]) FR, 1921, v. I, p. 26.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

мощью доминионов и заитересованной в сохранении союза с Англией Японии угодный им характер дискуссий и решений. Англия хотела сохранить за собой преобладающее влияние при решении именно этих вопросов, непосредственно затрагивавших жизненные интересы британского империализма. По проблемам разоружения, которые, по мнению английской дипломатии, вряд ли могли привести к кардинальным решениям, инициативу можно было переуступить США.

Как разъяснял потом Керзон, английское правительство «поняло» американское приглашение от 11 июля следующим образом: 1) что конференция по разоружению должна состояться в Вашингтоне с участием союзных и ассоциированных держав; 2) что этой конференции по разоружению должна предшествовать тихоокеанская конференция с участием Японии, США, Китая и Британской империи; 3) что эти конференции должны состояться в различное время и в разных местах, но тихоокеанская конференция должна состояться первой [34]).

Однако подобное разделение конференций и английское лидерство при решении дальневосточных и тихоокеанских проблем не отвечали интересам США. Американское правительство решительно выступило против английского предложения. 13 июля государственный секретарь Юз сообщил в Лондон, что правительство США считает невозможным созыв конференции до 15 августа. Отклонялся и Лондон как место проведения конференции. Юз ссылался при этом на американское общественное мнение, которое якобы может увидеть в этом забвение первоочередности решения проблем сокращения вооружений. Юз также считал, что Лондон не может стать местом проведения конференции из-за союзнических отношений, существующих между Англией и Японией. Государственный секретарь США подчеркивал, что конференция должна состояться в Вашингтоне, хотя дальневосточные проблемы могли бы и стоять на первом месте в повестке дня ее заседаний [35]).

Выдвигая идею созыва международной конференции, Соединенные Штаты всячески подчеркивали приоритет проблем сокращения вооружений над дальневосточными и иными проблемами. В этом случае США могли воздействовать на другие державы и в определенной степени претендовать на роль руководителя. Это отнюдь не означало отсутствия заинтересованности правящих кругов США в пересмотре статус-кво, сложившегося на Дальнем Востоке. Как показали последующие события, проблемы Дальнего Востока и Тихого океана имели для Соединенных Штатов Америки первостепенное значение. 13 июля в письме американскому послу в Лондоне Хаври государственный секретарь Юз следующим образом объяснял позицию своего правительства: «Наша точка зрения сводится к тому, что в дополнение к сокращению вооружений конференция должна обсудить все тихоокеанские и дальневосточные проблемы, имеющие международное значение. Например, такие, как политика «открытых дверей», равенство торговых возможностей, целостность Китая, целостность России и практическая реализация этих принципов, а также статус бывших германских владений на Тихом океане, кабельная связь и радиосвязь, торговля наркотиками и другие международные проблемы Дальнего Востока» [36]).

15 июля правительство Англии дало согласие на предложение президента Гардинга принять участие в конференции в Вашингтоне. Еще ранее подобное согласие выразили правительства Франции, Италии,

[34]) DBFP, First Series, v. XIV, p. 370.
[35]) FR, 1921, v. I, pp. 26—28.
[36]) FR, 1921, v. I, p. 32.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Китая. А позже других империалистических держав согласие на участие в работе Вашингтонской конференции дала Япония. Японское правительство не могло не понимать, что обсуждение дальневосточных и тихоокеанских проблем на международной конференции в Вашингтоне нужно американскому правительству для того, чтобы ослабить позиции Японии в этом районе мира. Правительства Советской России и Дальне-восточной республики на Вашингтонскую конференцию приглашены не были.

Встретив отказ американского правительства в вопросе о проведении дальневосточной конференции в Лондоне, английские руководители выдвинули предложение о проведении «предварительной» конференции. Теперь вместо двух отдельных конференций предлагалась одна, но состоящая из двух этапов. Керзон говорил американскому послу, что Англия готова не считать решения этой предварительной конференции по дальневосточным вопросам окончательными до их утверждения на Вашингтонской конференции[37]). «Предварительная» конференция мыслилась в прежнем составе: США, Япония, Китай, Британская империя с участием доминионов. Время ее проведения — вторая половина августа. 25 июля «Таймс» писала о реальной возможности проведения предварительных переговоров в Лондоне на протяжении следующего месяца. 27 июля эта же газета информировала своих читателей о «слухах», что Канада может стать местом предварительных переговоров. Но и этот маневр английской дипломатии не принес успеха. 27 июля 1921 г. английский посол в Вашингтоне Геддес в беседе с Юзом отметил наличие расхождений в подходе США и Англии к планируемой конференции. Форин оффис еще не терял надежды организовать «предварительную конференцию заинтересованных» держав. Но государственный секретарь США и на этот раз решительно отверг идею проведения предварительной конференции, хотя не отрицал возможности предварительного обмена мнениями. Настойчивость английских государственных деятелей в этом вопросе объяснялась тем, что Англия не желала давать США возможность пересмотра того порядка, который был зафиксирован Версальским мирным договором и другими соглашениями. Соединенные Штаты, со своей стороны, не хотели оставаться в одиночестве против единого фронта Англии с ее доминионами и Японии, который неизбежно сложился бы на такой конференции, ибо к числу «наиболее заинтересованных держав» Англия не относила Францию, Италию, Голландию и Бельгию. К тому же проведение «предварительной» конференции самым серьезным образом обесценивало бы проведение «основной» конференции, поскольку остальные державы были бы уверены, что важнейшие решения, по существу, уже приняты за их спиной.

Встретив упорное противодействие США, английское правительство было вынуждено снова уступить. 2 августа 1921 г. Геддес сообщил Юзу, что Англия больше не настаивает на проведении предварительной конференции. В тот же день Керзон известил американского посла, что английское правительство не возражает против предложенной США даты открытия конференции в Вашингтоне, т. е. 11 ноября 1921 г. Со своей стороны, американское правительство приветствовало включение представителей доминионов в число участников конференции[38]).

После неудачи с «предварительной» конференцией правительство Англии попыталось добиться согласия США на проведение «предварительных» консультаций «заинтересованных» держав. В беседах с послом США Керзон предрекал полную неудачу конференции без предвари-

[37]) DBFP First Series, v. XIV, p. 347.
[38]) FR, 1921, v. I, p. 50.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

тельного обмена мнениями. Он подчеркивал, что без предварительной договоренности конференция в Вашингтоне продлится долгие месяцы, и английские государственные деятели высшего ранга не смогут поэтому в ней участвовать [39]). Дипломатический демарш правительства был активно поддержан английской прессой. В редакционной статье «Таймс» отмечалось: «Мы приняли американскую точку зрения относительно предварительной конференции не только потому, что США были инициатором конференции и поэтому могли решать вопрос о порядке ее проведения, но и потому, что предполагалось, что будут иметь место неофициальные консультации между всеми заинтересованными державами». Вопрос о проведении предварительной конференции теперь снят с повестки дня, продолжала газета, но остается возможность для предварительных консультаций. Газета выступала за негласный секретный характер этих консультаций, поскольку они «столь деликатного характера, что любое ненужное вмешательство извне поставит под угрозу их успешное завершение» [40]).

Однако правительство Соединенных Штатов отвергло предложение о предварительных консультациях. Американские правящие круги явно не желали накануне конференции связывать свои руки какими-либо обязательствами.

На протяжении всего периода обмена мнений между правительствами Англии и США относительно созыва конференции в Вашингтоне английская сторона настойчиво стремилась сузить состав участников этой конференции и ее повестку дня. Английское правительство критически оценивало предложенный США состав участников конференции, как слишком широкий. Чем шире состав участников, тем «длиннее будут дискуссии и более сомнительными результаты», — утверждал Керзон. Англия была решительно против участия Советской России и ДВР в конференции, а также стремилась всячески ограничить число держав, которые могли выступить на конференции на стороне США.

Но наибольшие возражения у английских дипломатов встретила повестка работы конференции. По мнению Керзона, конференция должна была разработать общие принципы политики в отношении Дальнего Востока и территорий бассейна Тихого океана. Это было бы возможно в форме гарантии статус-кво в этом районе мира [41]). Недовольство Керзона вызывали сообщения американских газет о том, что на конференции в Вашингтоне будут подвергнуты «полному и свободному» обсуждению все проблемы, относящиеся к положению на Дальнем Востоке.

19 июля 1921 г. в беседе с американским послом Керзон выдвинул следующую программу работы конференции: 1) «Открытые двери» в торговле с Китаем; 2) Шаньдун и вопросы, относящиеся к нему; 3) территориальная целостность Китая; 4) арендованные территории в бассейне и вблизи Тихого океана. Проблемы, которые, по мнению английского правительства, не подлежали обсуждению в Вашингтоне, сводились к следующему: 1) опиум, 2) иммиграция, 3) германские владения на Тихом океане, 4) целостность России [42]).

Английский вариант повестки конференции носил компромиссный характер. Определенная уступка делалась Соединенным Штатам: английское правительство соглашалось пойти на обсуждение Шаньдунского вопроса, хотя это противоречило японским интересам. Но, с другой стороны, в интересах Японии было предложение исключить обсуждение

[39]) DBFP, First Series, v. XIV, p. 360.
[40]) «The Times», 22/VIII 1921.
[41]) DBFP, First Series, v. XIV, p. 348.
[42]) FR, 1921, v. I, p. 37.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

вопроса о разделе бывших германских владений на островах Тихого океана, так как по решению Парижской мирной конференции Япония получила острова к северу от экватора. В интересах Японии было и предложение исключить обсуждение вопроса о Сибири. Японские войска продолжали оставаться на территории Советского Дальнего Востока. Определенные круги в Англии полагала, что само решение дальневосточного вопроса лежит в том, чтобы направить японскую экспансию в Сибирь и Монголию, предоставив Китай влиянию «западных» стран[43]). Наконец, не были забыты и собственные интересы Британской империи. Обсуждение проблем иммиграции было невыгодно доминионам, как, впрочем, и самим Соединенным Штатам, выступавшим против «цветной» иммиграции. Сохранялось право британских доминионов на бывшие германские островные владения к югу от экватора.

Вопросы, намеченные Керзоном в качестве повестки дня конференции, в общем были одобрены государственным секретарем США. Юз согласился исключить из повестки конференции опиумный вопрос и вопрос об иммиграции (проблема японской иммиграции, как известно, давно осложняла американо-японские отношения). Но Юз считал необходимым обсуждение вопроса о Сибири. Американское правительство подозрительно относилось к попыткам Японии укрепить там свои позиции. Правящие круги США добивались укрепления американского влияния на обширных территориях Советского Дальнего Востока. Что касается бывших германских владений на Тихом океане, то некоторые из них могли быть урегулированы, по мнению Юза, до начала конференции. Но, подчеркивал руководитель внешнеполитического ведомства США, если эти вопросы не будут урегулированы до начала конференции, их следует обсудить на самой конференции[44]).

В сентябре 1921 г. Соединенные Штаты предложили включить в повестку дня работы конференции следующие вопросы (помимо проблемы сокращения вооружений): 1) вопросы, относящиеся к Китаю: территориальная и административная целостность, «открытые двери» — равенство в торговле и промышленном развитии, концессии, монополии или предпочтительные экономические привилегии, развитие железных дорог, включая планы, относящиеся к Китайской Восточной железной дороге, предпочтительные железнодорожные тарифы; 2) Сибирь; 3) мандатные острова (в случае, если эти вопросы ранее не будут урегулированы). Несколько позже Юз, отвечая на запрос японского правительства, подчеркнул, что США предполагают «самое широкое» обсуждение всех вопросов, относящихся к дальневосточным делам[45]).

Подобные намерения американского правительства не могли не вызвать беспокойства в Лондоне и Токио. Английский посол Геддес в беседе с Юзом вновь высказался за предварительное обсуждение дальневосточных проблем, без чего, по его словам, нельзя будет вообще обсуждать проблемы сокращения морских вооружений. С целью давления на правительство США Геддес по поручению Форин оффис предложил обсудить на конференции в Вашингтоне вопрос о размерах пошлин, взимаемых на Панамском канале. Однако это предложение было решительно отвергнуто Юзом. Государственный секретарь США был настроен непримиримо. Он заявил британскому послу: «Пришло время, когда любезность и сердечность, постоянно выражаемые на обедах и в других торжественных случаях по отношению дружественного сотрудничества

[43]) «The Nineteenth Century and After». 1921, October, pp. 567—569.
[44]) FR, 1921, v. I, p. 38.
[45]) FR, 1921, v. I, pp. 67—68.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Англии и США, должны быть превращены в нечто более определенное»[46]).

Английская пресса вплоть до начала работы Вашингтонской конференции вела кампанию за сужение программы ее работы. В редакционной статье «Таймс», озаглавленной «Повестка Вашингтонской конференции», отмечалось, что полный успех конференции, на что очень надеются американцы, будет возможен лишь при наличии «ограниченной и четкой» повестки дня. Обсуждение поставленных вопросов должно вестись так, чтобы не допустить раскола среди участников конференции и ее срыва. Газета подчеркивала, что цель конференции состоит в достижении такого соглашения по вопросам тихоокеанской политики, которое сделает возможным принятие соглашения по ограничению вооружений[47]).

В конечном счете английскому правительству пришлось уступить давлению и пойти на принятие предложений американского правительства относительно состава, сроков, места и повестки намеченной конференции. Но это было тактическое отступление. Британский империализм не намеревался поступаться своими интересами: решительная борьба должна была произойти на Вашингтонской конференции и за ее кулисами.

Неудачи британской дипломатии в попытках осуществить свои планы по созыву конференции сказались на составе английской делегации. Первоначально предполагалось, что английскую делегацию на Вашингтонской конференции возглавит премьер-министр Ллойд Джордж. Однако по мере того, как выяснилось, что США не идут на уступки и стремятся сохранить в своих руках контроль над работой конференции, менялась и позиция правящих кругов Англии по этому вопросу. В начале октября было объявлено, что Ллойд Джордж ввиду занятости внутренними делами страны не поедет в Вашингтон. Вопрос о составе английской делегации стал оживленно обсуждаться на страницах английских газет. Резкие возражения вызывала кандидатура Керзона, который, по мнению прессы, недостаточно гибок и ловок для участия в конференции со столь сложной программой. Особенно резко против Керзона выступала пресса Нортклиффа, который лично враждебно относился к Ллойд Джорджу и его министру иностранных дел. Обсуждалась кандидатура Грея, бывшего министра иностранных дел. Однако кандидатура Грея, как впрочем и кандидатура Керзона, подвергалась резким нападкам в американской прессе. Американские газеты напоминали, что в свое время президент Вильсон отказался принять Грея в Белом доме, что Грей допускал антиамериканские высказывания. В Лондоне понимали, что отрицательное отношение американской прессы усложнит и без того трудное положение руководителя делегации Великобритании.

В конечном счете выбор был остановлен на Бальфуре, опытном государственном деятеле. Бальфура хорошо знали в правящих кругах США, благожелательно относилась к нему и американская пресса. При участии Бальфура в 1902 г. был заключен англо-японский союз. Это облегчило бы в какой-то степени для английского правительства маневрирование по вопросу об англо-японском союзе, который неизбежно должен был всплыть на Вашингтонской конференции. Во всяком случае японцы не могли бы упрекать его за предвзятость в случае, если бы пришлось отказываться от этого союза. Английские буржуазные газеты

[46]) Ibid., p. 73.
[47]) «The Times», 22/IX 1921.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

отмечали консерватизм Бальфура, видели в нем представителя традиционной британской дипломатии [48]).

Формально премьер-министр считался главой делегации, состав которой был оглашен 18 октября 1921 г. В прессе вплоть до отъезда делегации в Вашингтон циркулировали слухи о возможном присутствии Ллойд Джорджа на открытии конференции. Но вопрос был уже предрешен. Выступая в палате общин 18 октября, Ллойд Джордж подчеркнул, что ни один из премьер-министров британских доминионов не счел возможным лично присутствовать на Вашингтонской конференции [49]). Этот факт, как последовавший вскоре отказ самого Ллойд Джорджа поехать в Вашингтон, показал стремление английских правящих кругов в определенной степени преуменьшить значение начинавшей свою работу конференции. Напутствуя британскую делегацию, «Морнинг пост» писала, что на предстоящей конференции она должна занять ведущее положение. С удовлетворением эта газета отмечала, что «так называемое разоружение займет только второе место на конференции, а ее главная цель будет состоять в достижении соглашения по политическим вопросам» [50]). По мнению «Таймс», союз с Японией и «дружественные» отношения с Соединенными Штатами вообще ставят Англию в особое положение как возможного посредника в спорах между этими странами [51]).

Опираясь на свои экономические и политические позиции на Дальнем Востоке, правящие круги Великобритании надеялись успешно защитить свои интересы на Вашингтонской конференции.

---

[48]) «The Times», 2/XI 1921.
[49]) «The Times», 19/X 1921.
[50]) «Morning Post», 21/X 1921.
[51]) «The Times», 22/VIII 1921.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 265 Серия историческая

Н. С. ИНДУКАЕВА

ПОЗИЦИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПРЕЗИДЕНТА ВИЛЬСОНА И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В США ПО ВОПРОСУ О ПЕРЕМИРИИ С ГЕРМАНИЕЙ (октябрь — ноябрь 1918 г.)

6 апреля 1917 г. американское правительство официально объявило о вступлении Соединенных Штатов Америки в первую мировую войну. Несмотря на то, что это решение было принято большинством голосов в обеих палатах американского конгресса, оно не смогло положить конец борьбе между сторонниками и противниками участия США в европейских событиях. В правящих кругах США, несмотря на их внешнюю консолидацию перед лицом «немецких варваров», в течение всей войны имелись различные точки зрения по вопросу об отношении к Германии, ее послевоенному устройству, ее месту в системе европейских государств. Противоречия между отдельными группировками монополистической буржуазии США в вопросах внешней политики, нашедшие свое отражение в борьбе в американском конгрессе, привели к тому, что весь период первой мировой войны и первые послевоенные годы в Соединенных Штатах шли острые дебаты по проблемам политики в германском вопросе. Эти противоречия нашли свое практическое воплощение в том, что, начиная от вступления США в войну и вплоть до принятия плана Дауэса, политика США в германском вопросе отличалась крайней непоследовательностью и противоречивостью.

Вступление США в первую мировую войну было вызвано характером самого американского империализма, не допускавшего мысли о том, что передел мира может быть совершен без его участия. Экономическая и финансовая мощь США, особенно возросшая в годы войны, тесные экономические узы, связывавшие американские монополистические круги со странами Антанты, которые в годы войны оказались в большой зависимости от американского капитала, наличие острых противоречий между рядом немецких концернов и американских монополий накануне войны — все это вызвало заинтересованность правящих кругов США в подведении итогов войны. Важным фактором, ускорившим участие Соединенных Штатов в войне, явилась Февральская буржуазная революция в России, нанесшая удар по царскому самодержавию. Антивоенные настроения русского народа, огромное влияние, которое имела партия большевиков, решительно выступившая против империализма, наконец, победа Великой Октябрьской социалистической революции вызвали серьезную озабоченность правящих кругов США и послужили одной из важных причин активизации политики США в Европе. Это выразилось в намерении американской дипломатии добиться скорейшего подписания перемирия между обеими воюющими коалициями, что

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

должно было привести к объединению сил мирового империализма против русской революции и международного революционного движения [1]).

Американская дипломатия пыталась играть посредническую роль в отношениях между Антантой и германо-австрийским блоком в течение всей войны. Этим отчасти можно объяснить то, что в течение нескольких месяцев с апреля 1917 г. вплоть до осени 1917 г. американские войска не принимали участия в военных действиях, а помощь их союзникам осуществлялась в той же форме, как и в период нейтралитета. Сенатор Маккормик отмечал в январе 1918 г., что США «не собираются серьезно участвовать в войне до весны 1918 г.» [2]). Характеризуя американскую политику в отношении европейских событий этого периода, глава Военно-промышленного совета США Б. Барух писал: «...осень и зима 1917—1918 годов были периодом лавирования и нерешительности в Вашингтоне» [3]).

Вступив в войну, правящие круги США упорно искали возможность заключения такого мира, который наиболее полно отразил бы их интересы. Наибольшую дипломатическую активность развили американские государственные деятели и представители США в Европе летом и осенью 1918 г., направив свои усилия на скорейшее подписание перемирия между Антантой и ее противниками. Вопросы внешней политики США в военные и послевоенные годы освещены в ряде исследований советских авторов [4]. В данной статье предпринята попытка показать роль американской дипломатии в подписании соглашения о перемирии между странами Антанты и Германией в ноябре 1918 года.

Политика Соединенных Штатов Америки в годы первой мировой войны остается предметом острой дискуссии в американской исторической литературе до настоящего времени. Наиболее важными проблемами, вызывающими разногласия в лагере американских буржуазных авторов, являются вопросы происхождения первой мировой войны, причины вступления в нее США, роль американской дипломатии в разработке условий перемирия и Версальского мирного договора, отказа американского конгресса от ратификации мирного договора. После второй мировой войны в Соединенных Штатах Америки появился ряд исследований, авторы которых делают попытку отойти как от старой концепции историков официального направления о вынужденности вступления США в войну вследствие агрессивных действий и особенно неограниченной подводной войны Германии, так и от точки зрения историков-ревизионистов, считавших вступление США в войну трагической ошибкой президента Вильсона и его сторонников. Ряд американских авторов развивают в своих исследованиях концепцию «равновесия сил» на Европейском континенте, подчеркивая, что для Соединенных Штатов были чужды как империалистические цели Антанты, так и крайний экспансионизм центральных держав. Свою основную цель американская дипломатия, по их мнению, видела в том, чтобы не допустить

[1]) См. об этом: М. С. Восленский. Тайные связи США и Германии. Блок империалистов против Октября 1917—1918 гг. М., 1968.

[2]) «Congressional Record. Proceedings and Debates» («CR»), vol. 56, part 1, p. 664.

[3]) B. Baruch. The Public Years. N. Y., 1960, p. 44.

[4]) З. М. Гершов. «Нейтралитет» США в годы первой мировой войны. М., 1962; Л. И. Зубок. Очерки истории США (1877—1918). М., 1956; В. И. Лан. США от первой до второй мировой войны. М., 1947; Очерки новой и новейшей истории США, т. 1, 2. М., 1960; Е. И. Попова. США: борьба по вопросам внешней политики 1919—1920 гг. М., 1966; В. А. Ушаков. Внешняя политика Германии в период Веймарской республики. М., 1958.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

победы той или другой воюющих сторон в войне, что являлось бы нарушением «равновесия сил» в Европе. До войны Германия, вырвавшись вперед в своем развитии, угрожала этому «равновесию сил», поэтому США присоединились к Антанте, чтобы не допустить перевеса в Европе в пользу Германии. Но в ходе войны, когда Германия была разбита и «равновесию сил» начали угрожать страны Антанты, США сочли необходимым не допустить полного разгрома Германии.

Известный американский историк, директор центра по изучению американской внешней политики в университете Чикаго, а затем профессор Нью-Йоркского университета Г. Моргентау пишет, что президент Вильсон видел причину вступления США в войну против Германии в том, что «Германия угрожала балансу сил в Европе, поэтому, чтобы ликвидировать эту угрозу... интересы Соединенных Штатов требовали, наряду с общей победой, восстановления европейского баланса сил, что являлось традиционной гарантией американской безопасности» [5]).

В другом исследовании Моргентау подчеркивает: «Германия угрожала балансу сил в Европе, и чтобы избежать этой угрозы, а не для того, чтобы спасти мир для демократии, Соединенные Штаты положили свою мощь на чашу весов союзников» [6]).

Другой американский автор И. Хатчмахер также утверждает, что США участвовали в войне только затем, чтобы заставить Германию занять равное среди других держав место: «Мы не хотели, — пишет он, — уничтожать величие Германии, и ничто в нашей программе не предусматривало это» [7]). С подобной же позиции написана монография Е. Бьюерига и ряда других американских авторов [8]).

Сразу же после присоединения американского правительства к лагерю Антанты в Соединенных Штатах началось обсуждение вопросов будущего устройства Европы, взаимоотношений между Германией и ее противниками в послевоенном мире. При этом обнаружились различные точки зрения в отношении того, как следует поступить с Германией во время заключения перемирия и мирного договора, какое место отвести ей в послевоенной Европе, как использовать ее в борьбе против революционного движения на Европейском континенте. В специально созданной осенью 1917 г. в США комиссии по подготовке материалов к мирным договорам («инкуайри») в конце 1917 г. проходило обсуждение условий будущего перемирия с Германией. Правительство США придавало большое значение разработке условий перемирия, считая, что от них во многом будет зависеть и содержание будущего мирного договора. 23 ноября 1917 г. военный министр США Бекер изложил члену «инкуайри» У. Липпману свои соображения относительно германской проблемы. «Я считаю, — писал Бекер, — что вся наша энергия должна быть направлена на то, чтобы сделать Германию жизнеспособной... Если союзники добьются победного мира и для Германии будут созданы неблагоприятные экономические условия, получится еще хуже, чем было раньше», поэтому, рекомендовал Бекер, Германии должны быть предоставлены определенные экономические ресурсы при условии, что она будет использовать их «в интересах цивилизации» [9]).

Спустя несколько дней в меморандуме «инкуайри» были изложены взгляды этой комиссии относительно будущей судьбы Германии.

[5]) H. Morgentau. American Foreign Policy. L., 1952, p. 26.
[6]) E. S. Rozweng, T. Lyons. Realism and Idealism in Wilson Peace Program. Boston, Englewood, Chicago... 1965, p. 79.
[7]) I. Hutchmacher. Twentieth Century America. Boston, 1967, p. 131.
[8]) E. Buehrig. Woodrow Wilson and the Balance of Power. Bloomington, 1955.
[9]) «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States» («FR»), Paris Peace Conference (PPC), vol. V, p. 25.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Авторы документа предлагали провести в Германии некоторые внутренние реформы, такие как сокращение армии под международным контролем. В меморандуме особо подчеркивалось, что в данный момент, «осуществляя контроль над внешним миром», Соединенные Штаты имеют возможность «исключить Германию из числа стран, использующих источники сырья, богатые рынки и пути сообщения». Заинтересованность Германии в источниках сырья и рынках сбыта своих товаров должна была, по мнению членов «инкуайри», использоваться Соединенными Штатами Америки для оказания давления на ее экономику. Вместе с тем авторы меморандума считали, что немецкая промышленность должна быть восстановлена, иначе в немецком народе возникнет недовольство, а это чревато опасностью революции. «Сочетание страха и надежды», — говорилось в указанном документе, — должно быть использовано против немецкого народа — это очень сильное средство... используйте его, и вы сможете достичь огромного выигрыша». Далее в меморандуме подчеркивалось, что вытеснив Германию с западных рынков, нужно направить ее активность на восток. Если раньше, писали авторы меморандума, Германия осуществляла свое проникновение на юг и юго-восток, то «в настоящее время ввиду событий в России... направлением наиболее легкого продвижения Германии является восточное. Данный момент является наиболее благоприятным для использования Германией открывающихся здесь возможностей. Это может побудить ее пожертвовать своими интересами на юго-востоке, западе и на других континентах и морях с тем, чтобы обеспечить за собой контроль над Россией» [10]).

Таким образом, еще до окончания первой мировой войны в дипломатических кругах США начала разрабатываться идея канализации германской экспансии на восток, против Советской России, с целью ослабления конкуренции между Германией и европейскими странами на рынках данного континента и с целью установления немецкого контроля над экономикой Советской России.

Государственный секретарь США Р. Лансинг придерживался несколько иной точки зрения в отношении будущего устройства Европы. Он считал, что для стабилизации обстановки в данном районе необходимо вдоль всей германской границы, по Дунаю и побережью Адриатики «создать сильные многонаселенные буферные государства, даже если для этого придется отторгнуть у России и Австрии значительную часть их территории». Эти государства должны были, по мнению Лансинга, создать барьер вокруг Германии, а передача Франции Эльзаса и Лотарингии, отторжение зоны Кильского канала и Шлезвиг-Гольштинского района в пользу Дании, вместе с сокращением наполовину немецкого флота, должно было способствовать ослаблению Германии, которая стала угрожать позициям США. Германская армия, считал Лансинг, «должна быть разбита, а ее промышленность разрушена». Характеризуя это заявление Лансинга, американский автор Гельфанд, специально исследовавший деятельность «инкуайри», готовившей материалы к мирным переговорам, отмечает, что с конца 1917 г. в правительственных кругах США появляется группировка сторонников «жесткого мира» с Германией, к которой принадлежал и государственный секретарь США, и что целью этой группировки было «сделать немецкое государство слабым» [11]).

---

[10]) Ibid., vol. I, p. 44.

[11]) L. E. Gelfand. The Inquiry. American Preparations for Peace 1917—1918. New Haven — L., 1963, p. 191.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Но в то же время государственный департамент в целом не имел намерения уничтожить Германию или существенно ослаблять ее, так как это было бы самым серьезным нарушением «равновесия сил» в Европе. Сохранение сильной Германии должно было служить противовесом усилению влияния в Европе союзников США. Американские авторы подчеркивают, что, несмотря на общность военных целей, в Соединенных Штатах в течение всей войны существовало «традиционное исторически сложившееся недоверие к Англии». С. Тиллмэн, например, пишет, что правительство США «с подозрительностью относилось к союзникам даже тогда, когда британское и французское правительства изложили свои военные цели» [12]).

Блок США и Англии с самого начала носил противоречивый характер. Воюя в одном лагере, оба партнера продолжали упорную борьбу за политическую и экономическую гегемонию в капиталистическом мире. Несмотря на некоторое ослабление в годы войны, английский империализм сохранял свои позиции во многих районах земного шара. Военная задолженность Англии Соединенным Штатам не превышала суммы долга европейских стран самой Англии. Американские финансовые круги, предоставившие к концу войны европейским странам более 10 млрд долл., сами фактически оказались в зависимости от Европы, так как возвращение задолженности европейских стран американским банкам зависело от стабилизации положения на Европейском континенте, от способности Германии уплачивать репарации, а следовательно, от состояния ее экономики.

Первой официально объявленной программой мира американского правительства были известные «14 пунктов», изложенные президентом Вильсоном в послании к конгрессу от 8 января 1918 г. Появление этого послания было вызвано стремлением правящих кругов США ослабить впечатление, произведенное на мировое общественное мнение известным ленинским декретом о мире, обращением Советского правительства к послам и посланниками воюющих стран от 21 ноября 1917 г. и другими дипломатическими актами советского правительства. Это признавал известный американский историк, редактор «Архива полковника Хауза», профессор Ч. Сеймур. Он писал, что победа революции в России и программа мира советского правительства поставили на очередь дня принятие соответствующей программы американским правительством, «Большевики, — писал он, уже вели переговоры о сепаратном мире, и было невозможно не дать своего рода ответа на их требование, обосновать заявление, почему война должна продолжаться» [13]).

---

[12]) S. P. Tillman. Anglo-American Relations at the Paris Peace Conference of 1919. Princeton, 1961, p. 16, 19.

[13]) «Архив полковника Хауза». Под ред. Ч. Сеймура («Архив...»). Т. III, М., 1944, с. 223. Американские авторы явно преувеличивают значение «14 пунктов» для выработки условий мирного договора, противопоставляя их, как программу «демократического мира», тайной дипломатии своих союзников См. об этом: G. C. Fite, N. A. Graebner. Recent United States History. N. Y., 1972, p. 124—126; E. S. Rozweng, T. Lyons. Op. cit., p. 13. Эту же точку зрения высказывали современники Вильсона полковник Хауз, государственный секретарь Лансинг, Б. Барух, Г. Гувер и другие. Но не все американские авторы разделяют это мнение. Так, А де Конде считает, что «14 пунктов» Вильсона имели весьма ограниченное значение. Он пишет: «Союзники были склонны расценивать 14 пунктов как контрпропаганду, а английские, французские и итальянские государственные деятели были обеспокоены попытками Вильсона вмешаться в специфические европейские проблемы и внести самовольное изменение в их военные цели... Очевидно, нельзя быть уверенным также и в том, что 14 пунктов оказали какое-либо деморализующее воздействие на немецких солдат..., поскольку в марте—мае немцы начали успешное наступление во Франции». A. De Konde. A. History of American Foreign Policy. N. Y., 1971, p. 467—468.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Главная цель послания американского президента состояла в том, чтобы замаскировать стремление американского империализма к гегемонии в лагере Антанты. США стремились также опередить своих союзников в разработке конкретной программы будущего устройства мира, учитывая, что и в Англии, и во Франции в этот период были созданы специальные органы, занимавшиеся подготовкой будущей мирной конференции [14]).

Интересную точку зрения в вопросе о целях, которые преследовала американская дипломатия, предлагая свою программу будущего мира, высказывает американский профессор К. Паррини. Он пишет, что уже через несколько месяцев после вступления США в войну президент Вильсон понял, что союзники, «застрахованные от поражения самим фактом вступления в войну Соединенных Штатов, становятся более значительной угрозой сообществу наций, чем потерпевшая поражение Германия. В 14 пунктах от 8 января, — продолжает Паррини, — Вильсон попытался устранить эту угрозу... призвав к уничтожению всех экономических барьеров и к установлению равенства для всех наций... Это было направлено против союзников Америки, а не против ее врагов. Разгромленная Германия имела слишком мало возможностей для осуществления коммерческой дискриминации в отношении других стран» [15]).

Одной из целей «14 пунктов» Вильсона было сохранение равновесия на Европейском континенте в условиях взаимного ослабления обеих воюющих коалиций. Это создавало благоприятные возможности для внедрения американского капитала в данный район и в целом отвечало стремлению правящих кругов США играть роль посредника и арбитра в решении международных проблем. В январе 1918 г., выступая в сенате по вопросу о военных целях США, сенатор от штата Айова Кенджон предлагал немедленно начать переговоры с Германией. Он подчеркивал, что необходимость переговоров о перемирии вызвана несколькими причинами: во-первых, необходимостью борьбы против Советской России «...русская ситуация (то есть, революция, — *Н. И.*), — отмечал он, — усиливает нашу ответственность», во-вторых, считал он, силы союзников на исходе, Германия тоже истощена, и «...единственный способ ей помочь — это немедленные мирные переговоры». Сенатор считал, что дальнейшее ослабление союзников не отвечает интересам США, так как страны Антанты уже задолжали американскому правительству несколько миллиардов долларов, продолжение войны еще более подорвет их экономику, а стало быть и платежеспособность [16]).

В начале 1918 г., когда Вильсон изложил свою программу, ни страны Антанты, ни державы германо-австрийского блока не проявили к ней интереса. Франция выступила резко отрицательно против идеи переговоров, так как считала невыгодным окончание войны без реальных результатов, Англия тоже не торопилась дать на них ответ. Центральные державы готовили большое наступление, и Германия объявила американскую программу неприемлемой для себя и своих союзников [17]). Однако в конце лета 1918 г., когда страны Антанты ценой больших усилий осуществили наступление на западе и поражение кайзеровской

---

[14]) A. Luckau. German Delegation at the Paris Peace Conference. N. Y.. 1971, p. 27.

[15]) C. P. Parrini. Heir to Europe. United States Economic Diplomacy 1916—1923, Pittsburg, 1969, p. 12.

[16]) «CR», vol. 56, part 1, p. 755—757.

[17]) «FR», 1918, Supplement 1. The World War, vol. 1, p. 24. Посланник в Нидерландах Гаррет Лансингу 11 января 1918 года.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Германии стало неизбежным, обе коалиции начали искать пути окончания войны.

Соединенные Штаты были встревожены тем, что союзники могут разгромить Германию, вторгнуться в ее пределы и установить свой контроль над нею. Дипломатический представитель Англии в союзническом Верховном военном совете Антанты Уайзмен писал: «Президент с тревогой наблюдал растущее среди союзников настроение, передававшееся и Соединенным Штатам, в пользу того, чтобы после войны раздавить Германию экономически., Вильсон и Хауз предвидели тщетность и опасность такой политики...[18]). 16 августа 1918 г. Вильсон послал английскому правительству телеграмму, в которой подчеркнул, что было бы «глубоко ошибочно угрожать Германии сейчас какими-либо карательными мерами против ее торговли по окончании войны... Верно, что союзники придут на мирную конференцию, практически контролируя запасы сырья во всем мире, но незачем рекламировать этот факт или угрожать им кому-нибудь»[19]).

27 сентября 1918 г., выступая с речью, посвященной началу кампании по распространению четвертого «займа свободы» в здании Метрополитен-опера, Вильсон высказал ряд новых соображений относительно условий мира с Германией, а также будущего устройства мира. В своей речи президент очень неопределенно заявил, что не может быть никаких «уступок» и «компромиссов» с врагами, но основную часть речи посвятил Лиге наций[20]). Речь Вильсона была составлена таким образом, что отвечала интересам и стран Антанты, и их противников. Первые пункты ее, где говорилось об отказе от «уступок» и «компромиссов» с Германией, были хорошо встречены в лагере союзников США, а пространные рассуждения Вильсона о будущем сообществе наций, об отказе от бойкота или предпочтения одних наций другим давали центральным державам надежду на заключение приемлемого для них мира.

Военные успехи стран Антанты летом 1918 г. заставили немецкие правительственные и военные округи обратиться к посредничеству Соединенных Штатов в вопросе о перемирии. Двойственность политики американского правительства, его колебания были известны в Германии и давали повод немецкому правительству надеяться на то, что их страна сможет избежать полного разгрома, сохранить армию, не допустить контроля стран Антанты над германской экономикой. Руководствуясь этими соображениями, военные власти Германии решили обратиться к правительству США с мирными предложениями. В начале октября глава только что сформированного немецкого правительства Макс Баденский обратился через швейцарское посольство в Вашингтоне к американскому президенту Вильсону с нотой, в которой пытался прозондировать почву относительно условий перемирия. В телеграмме главы немецкого правительства говорилось о том, что немецкое правительство, стремясь избежать дальнейшего кровопролития, предлагает правительству США предпринять шаги, направленные на восстановление мира, и приглашает все воюющие страны назначить своих представителей для выработки перемирия на основе «14 пунктов» и последующих заявлений Вильсона[21]).

Редактор сборника документов, посвященных деятельности немецкой делегации на Парижской мирной конференции, Алма Люкау счита-

[18]) «Архив...», т. IV. с. 48.
[19]) Там же, с. 49.
[20]) «CR», vol. 56, part 11, p. 11172; «FR», 1918, Supplement 1. The World War, vol. 11, p. 317.
[21]) «FR», 1918, Supplement 1. The World War, vol. 11, p .338; A. Luckau. Op. cit., p. 140.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ет, что обращение немецкого правительства к Вильсону было принято под давлением главного командования и генерального штаба Германии, стремившихся во что бы то ни стало сохранить немецкую армию от разгрома и не допустить оккупации немецкой территории армией Антанты. «Генерал Людендорф, — пишет Люкау, — хотел спасти свои войска, расположенные на немецкой территории. Это давало Германии серьезные преимущества при выработке условий перемирия и возможность возобновления войны в случае, если эти переговоры провалятся»[22]). Близкий к Людендорфу полковник Гейе настаивал на мирных переговорах, подчеркивая: «Я не боюсь катастрофы. Но я хочу спасти армию для того, чтобы мы могли использовать ее как средство давления во время мирных переговоров»[23]). Английский историк В. Джордан утверждает, что кабинет Макса Баденского был создан по указанию Людендорфа как марионеточное правительство для того, чтобы создать видимость демократизации управления Германией[24]).

Глава правительства Макс Баденский был вначале против отправки ноты о перемирии Вильсону, так как считал необходимым внести вопрос о послании американскому президенту на рассмотрение рейхстага, где «14 пунктов» были бы подвергнуты всестороннему обсуждению. Он подчеркивал, что верховное командование Германии не до конца осознало тот факт, что принятие этих пунктов влечет за собой потерю Эльзас-Лотарингского района и немецких колоний. Поэтому нужно отложить посылку ноты до окончательного решения рейхстага относительно немецкой программы мира, а затем предложить эту программу странам Антанты через Соединенные Штаты. Некоторые государственные деятели Германии считали несвоевременным начало переговоров о перемири с Антантой, тем более на такой непрочной основе, как «14 пунктов» Вильсона. К ним принадлежал известный лидер национал-либералов в рейхстаге Г. Штреземанн, выступавший против переговоров. Американский автор Х. Бреттон пишет, что «Штреземанн считал своим долгом предупредить страну о возможных последствиях перемирия, если оно будет подписано на основе 14 пунктов... Он испытывал сомнения и подозрительность в отношении военных целей Антанты...»[25]).

В Соединенных Штатах Америки обращение Германии вызвало острые разногласия. Полковник Хауз советовал Вильсону не соглашаться сразу на предложения немцев, чтобы не вызвать недовольство союзников, и в то же время не медлить с ответом, чтобы не упустить возможность примирения воюющих сторон. 6 октября 1918 г. он писал президенту: «Если Антанта допустит, чтобы эта возможность ускользнула и если германское сопротивление усилится, то я уверен, что зимою в странах Антанты возникнет такое сильное требование мира, что правительства этих стран будут вынуждены предоставить Германии более благоприятные для нее условия, чем те, которые могут быть достигнуты сейчас»[26]).

Один из американских авторов, исследовавших политику Вильсона в отношении Германии в указанный период, Н. Левин считает, что на позицию Вильсона и Хауза по вопросу о перемирии оказало сильное влияние их опасение, что назревавшая в Германии революция «может

---

[22]) A. Luckau. Op. cit., p. 5.
[23]) «Архив...», т. IV, с. 62.
[24]) В. Джордан. Великобритания, Франция и германская проблема в 1918—1939 гг. М., 1945, с. 16.
[25]) H. L. Bretton. Stresemann and the Revision of Versailles. Stanford—L., 1953, p. 20.
[26]) R. S. Baker. Woodrow Wilson. Life and Letters. Armistice. March 1—November 11. 1918, vol. 8, N. Y., 1968, p. 453—454.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

зайти слишком далеко влево и вместе с самодержавным милитаризмом уничтожить свободный капитализм», что их больше устраивала «умеренная немецкая революция», поэтому они считали возможным принять предложение немецких «умеренных» при условии изменения в Германии формы правления. Левин утверждает, что ведущим принципом политики администрации Вильсона в германском вопросе в период первой мировой войны была тенденция к «реинтеграции Германии, включению демократизированной Германии в новое нереволюционное сообщество либерально настроенных наций». При этом он не скрывает, что эта «реинтеграция» с самого начала преследовала цель «добиться перестройки мира в либеральном направлении под руководством Америки... и покончить с революционным социализмом путем перестройки всего мирового порядка» [27]).

Обмен посланиями между немецким правительством и президентом Вильсоном в течение октября 1918 г. был посвящен условиям эвакуации немецких войск с захваченных территорий, прекращению действий немецких подводных лодок на море и т. д. За этой дипломатической перепиской скрывалась борьба, которая имела место как в лагере Антанты, так и среди ее противников. Немецкое правительство, выступавшее с инициативой мирных переговоров, готовилось к продолжению войны, если условия перемирия оказались бы неудовлетворительными для него. На совещании политических и военных руководителей Германии 9 октября 1918 г. решался вопрос, как долго Германия сможет сдерживать наступление противников, если зондаж в отношении перемирия не увенчается успехом. Точка зрения начальника генерального штаба Гинденбурга и генерала Людендорфа сводилась к следующему: «Армия устала и нуждается в отдыхе, поэтому необходимо продолжать поиски возможности перемирия; существует опасение, что противник может прорвать фронт, но если армия отступит в надлежащем порядке, она сможет еще долгое время защищать границы Германии». А. Люкау указывает, что военные и гражданские власти были едины в признании того, что реакция Вильсона на немецкие предложения была «более умеренной, чем тон союзнической прессы» [28]).

Наиболее значительные колебания в немецком правительстве вызвала нота американского правительства от 14 октября 1918 г., в которой президент США, руководствуясь необходимостью сдерживания нараставшей в Германии революции и желая направить ее в более «умеренное русло», отказывался иметь дело с изжившей себя династией Гогенцоллернов и требовал, чтобы Германия «изменила форму правления». В Германии это требование вызвало взрыв шовинизма, особенно в военных кругах. Верховное командование внесло предложение о продолжении военных действий [29]). Но положение Германии ухудшалось с каждым днем. В конце октября 1918 г. Турция подписала перемирие с Антантой. 3 ноября капитулировала Австро-Венгрия. Развал армии, отказ солдат продолжать войну, назревание революции делало положение Германии безнадежным. В указанной выше работе В. Джордан подчеркивает, что «военное командование Германии серьезнейшим образом ошиблось в оценке настроений народа... поскольку командование откровенно заявило о слабости Германии, народ не захотел более продолжать

[27]) N. G. Levin. Woodrow Wilson and the World Politics. America's Response to War and Revolution. N. Y., 1968, p. 54, 123—125.
[28]) A. Luckau. Op. cit., p. 9.
[29]) Ibid., p. 17—19.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

борьбу». 26 октября Людендорф ушел в отставку. После этого требование мира в Германии еще более возросло [30]).

В Соединенных Штатах в этот период тоже шла острая борьба по вопросу, на каких условиях должно быть подписано перемирие с Германией и ее союзниками. Обращение немецкого правительства к президенту Вильсону было неожиданным для США. Ч. Сеймур пишет, что военное руководство Антанты считало, что весной и летом 1918 г. немцы под ударами союзнических армий отошли на подготовленные позиции и готовятся нанести новый удар. Английский дипломат Уайзмен писал Хаузу 12 сентября 1918 г., что военные руководители союзнических армий предполагали закончить войну лишь в 1919 г. [31]). В конце сентября 1918 г. в США началась кампания размещения четвертого «займа свободы». Полным ходом шла мобилизация солдат в армию. Во время обсуждения в палате представителей конгресса бюджета на 1919 г. было отмечено, что к августу 1918 г. в американскую армию было мобилизовано около 5 млн. солдат, около 1,5 млн. было перевезено во Францию или ждали отправки. Отмечался колоссальный рост американской военной промышленности [32]). Таким образом, американская военная машина была на полном ходу, поэтому немецкие мирные предложения вызвали некоторую растерянность в Вашингтоне несмотря на то, что американская дипломатия весь период войны занималась поисками возможности урегулирования отношений между обеими коалициями. Хауз советовал Вильсону немедленно поставить союзников в известность о содержании предложений немцев, чтобы в будущем оградить себя от их нападок, если условия перемирия окажутся неудовлетворительными для них [33]). На страницах американских газет началось обсуждение немецких нот, а с 7 ноября в американском конгрессе развернулась дискуссия об условиях перемирия. В сенате по вопросу о перемирии с Германией выделилось две группировки. Часть сенаторов (Флетчер, Хитчкок, Керби, Рид, Питтмэн), разделявшая точку зрения президента и полковника Хауза, настаивала на немедленном подписании перемирия, чтобы не допустить разгрома Германии армией Антанты и сохранить ее в качестве сильной державы. Они считали, что американская дипломатия должна приложить все усилия к тому, чтобы сохранить равновесие в Европе с тем, чтобы США, благодаря своей финансовой и экономической мощи, получили возможность в будущем играть роль посредника в отношениях между Германией и ее противниками. Основным мотивом выступлений сенаторов, примыкавших к Вильсону и его сторонникам в правительстве, была мысль, что нельзя подрывать немецкую экономику требованием больших репараций, нельзя допустить раздела ее колоний и отторжения части ее территории в Европе в пользу стран Антанты, так как это усилит эти страны и вызовет рост антагонизма между ними, а это опасно для США, ибо все они являются должниками американского капитала. Вышеперечисленные сенаторы выступали в поддержку американской дипломатии, которая вела борьбу против союзников, требовавших включения в условия перемирия пункта о репарациях за весь ущерб, причиненный им немецкой агрессией на земле, на море и с воздуха. Член палаты представителей Хефлин заявлял, что США не хотят «делать кого-либо своими рабами» и призывал союзников последовать этому примеру [34]).

---

[30]) В. Джордан. Указ. соч., с. 17.
[31]) «Архив...», т. IV, с. 44.
[32]) «CR», vol. 56, part 10, p. 10213—10215.
[33]) «Архив...», т. IV, с. 48.
[34]) «CR», vol. 56, part 2, p. 1025.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Американские государственные деятели понимали, что при распределении немецких репараций большая часть их достанется Англии и Франции, вынесшим на своих плечах основную тяжесть войны на западном фронте. Поэтому отказ США от репараций должен был оказать большое влияние на молодые, вновь образованные государства Европы и общественное мнение в Германии, поддерживавшие предложение советской дипломатии о заключении мира «без аннексий и контрибуций». Со стороны самих США отказ от репараций не был большой жертвой, так как их потери не шли ни в какое сравнение с убытками их союзников.

Одной из причин, заставлявших американское правительство ускорить подписание перемирия, был рост антивоенного движения в США. Война против Германии, несмотря на широко развернутую пропаганду через печать, церковь, систему образования и т. д., не была популярной среди рабочих, фермеров, мелкой буржуазии. Географическое положение США, удаленность от районов острых столкновений, пацифистские настроения в течение всей войны среди различных социальных групп американского общества способствовали стихийному росту изоляционизма[35]). С начала весны 1918 г. в США развернулось движение против отправки дополнительных контингентов войск в Европу для участия в войне, антисоветской интервенции и других акциях американского правительства. Военный министр США Бекер, выступая в комиссии по военным вопросам сената, был вынужден признать, что офицеры и солдаты перед отправкой в Европу обивали пороги военного ведомства, и просили чтобы их оставили для выполнения любой службы в своей стране, а не отправляли в Европу[36]). Все это заставляло американское правительство торопиться с решением вопроса о перемирии с Германией. Назревание германской революции, о чем говорилось выше, усилило поиски американской дипломатии в направлении быстрейшего окончания войны.

Следует отметить, что в конгрессе США в этот период значительную роль играла группировка сторонников «жесткого мира» с Германией. Ее возглавлял председатель сенатской комиссии по иностранным делам Г. К. Лодж. Будучи лидером республиканской фракции в сенате, он выступал против подписания перемирия с Германией на основе «14 пунктов» Вильсона. Лодж объединил вокруг себя всех, кто считал, что война должна закончиться полным разгромом Германии. Он неоднократно подчеркивал, что мир с Германией должен быть «жестким миром», «диктаторским миром», «те условия, которые может принять Германия, — подчеркивал он, — не могут удовлетворить нас. Это может быть только диктаторский мир, и мы и наши союзники должны продиктовать его Германии. Для того, чтобы добиться такого мира, мы должны одержать победу на территории Германии, а не за ее пределами». Поэтому, по мнению Лоджа, Антанта и присоединившиеся страны должны были вести войну до полного и окончательного разгрома Германии, оккупировать всю территорию и, войдя в Берлин, продиктовать условия мирного договора. Лодж считал, что США должны принять активное участие в оккупации Германии до тех пор, пока она не рассчитается за все убытки, причиненные ею противникам. Он настаивал на том, чтобы США приняли самое активное участие в разработке мирного договора и решении вопроса о будущем Германии. Причиной такого участия он считал усилившуюся финансовую и экономическую мощь американского капитализма, «США, — подчеркивал он, — к счастью, занимают сейчас такое положение, которое позволяет им говорить в полный голос...

[35]) Е. И. Попова. Указ. соч.
[36]) «CR», vol. 56, part 2, p. 1412.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

поэтому мы не должны делать нашу работу наполовину. Мы не можем ни отступить, ни повернуть назад»[37]).

Являясь представителем промышленного штата Массачусетс, где до войны были сосредоточены немецкие предприятия по производству красителей, фармацевтических и других химических товаров, Лодж настаивал на том, чтобы после войны была всячески ограничена активность немецкого капитала в США и других странах. Это должно было ослабить конкуренцию немецких товаров с американскими на мировых рынках. Лодж и его сторонники критиковали «14 пунктов» Вильсона и деятельность администрации демократов за то, что ей не удалось «жестко» ограничить активность германского капитала. В поддержку Лоджа выступал сенатор-республиканец от Северной Дакоты Маккамбер, считавший, что весь немецкий народ одинаково виновен в развязывании войны и поэтому он должен быть подвергнут наказанию. В сенате, обращаясь к воображаемым немцам, он воскликнул: «Да, вы можете получить мир! Но на каких условиях? Первое — безоговорочная капитуляция вашей армии, второе — немедленная эвакуация захваченных вами территорий, третье — репарации за все убытки... вы должны уплатить нам все до последнего доллара за причиненные убытки»[38]).

В палате представителей подобную точку зрения отстаивал возвратившийся из Европы конгрессмен от Арканзаса Тиллмэн. Ознакомившись в Европе с ростом революционных настроений, он призывал «безжалостно наказать Германию», установить полный контроль победителей над ее экономикой и общественной жизнью, чтобы не допустить революции. Он требовал, чтобы США решительно вмешались в европейские события и положили конец нарастанию революции в Германии и других странах Европы. «Мы должны, заявил он, разгромить не только пруссачество, но и более опасного дьявола — большевизм»[39]).

Требуя доведения войны до конца и настаивая на решительном вмешательстве Соединенных Штатов в европейские дела, Лодж и его сторонники в то же время осознавали, что экономическая и финансовая мощь США сами по себе еще не дают им гарантии диктовать условия мира побежденным нациям. Поэтому они выступали за усиление военной мощи США. Почти одновременно с обсуждением условий перемирия в американском конгрессе рассматривался ряд вопросов, касавшихся увеличения численности армии и флота. На заключительном этапе войны в США наблюдалась невиданная ранее гонка вооружений. В июне 1918 г. конгресс принял закон об увеличении в 1919 г. ассигнований на военные нужды на 12 млрд. долл. и о новом наборе в армию[40]). В августе—сентябре 1918 г. в конгрессе рассматривался вопрос об изменении призывного возраста при наборе в армию. Выступая по этому вопросу, сенатор Лодж с удовлетворением отмечал, что рост численности американской армии и посылка в Европу до 4 млн американских солдат «увеличат вес Соединенных Штатов в лагере победителей». Сенаторы Рид и Уодсворт мотивировали необходимость увеличения призыва в армию не только желанием поскорее разбить Германию, но и необходимостью послать в Советскую Россию не менее 500 тыс. солдат[41]).

В американском конгрессе рассматривался также вопрос о новых ассигнованиях на строительство военно-морского флота. Лодж, выступая в целом в поддержку увеличения средств на строительство флота,

---

[37]) Ibid., vol. 56, part 9, p. 9393; part 10, p. 10402—10404.
[38]) Ibid., vol. 56, part 10, p. 10402—10403; vol. 57, part 1, p. 725.
[39]) Ibid., vol. 56, part 11, p. 11162, 11165—11166.
[40]) «Очерки новой и новейшей истории США», т. 2, с. 484.
[41]) «CR», vol. 56, part 9, p. 9393, 9398—9399.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

считал, что с разгромом немецкого флота миновала опасность для Атлантического побережья США, и требовал усиления тихоокеанского флота [42]). Лодж и руководимая им группировка сенаторов-республиканцев отмечали, что армия и флот Соединенных Штатов были в этот период слабее армии и флота их союзников. США не располагали огромными колониями и базами, как Англия и Франция. Кроме того, финансовое могущество Англии, несмотря на серьезное ослабление ее экономических позиций, все еще оставалось реальностью, с которой нельзя было не считаться. Поэтому, по мнению Лоджа, только военная мощь могла явиться той базой, опираясь на которую США могли защитить свои интересы в противоборстве со странами Антанты при выработке условий мира с Германией. Разгром Германии, оккупация ее территории союзниками, ограбление ее народа путем принуждения его к уплате репараций, использование ее технических достижений, особенно в тех отраслях, где до войны наблюдалась конкуренция между американскими и немецкими монополиями, конфискация ее торгового флота, большая часть которого находилась в течение войны под контролем США, — все это должно было ослабить позиции Германии, исключить ее из числа конкурентов американских монополий и упрочить позиции американского империализма.

В октябре — начале ноября 1918 г. в США развернулась шумная кампания против перемирия с Германией, инспирированная лидерами республиканской партии и поддерживавшими эту партию газетами. Активную роль в этой кампании играл бывший американский президент, один из инициаторов экспансионистской внешней политики США Т. Рузвельт, которого связывали с Лоджем давние узы дружбы и совместной борьбы за укрепление военно-морского могущества США. 24 октября в письме сенаторам Лоджу, Джонесу и Пойндекстеру, выступая против мягких условий перемирия, он писал: «Я серьезно надеюсь, что сенат Соединенных Штатов... сделает решительное заявление против переговоров с Германией. Позвольте нам продиктовать условия мира громом пушек, а не во время дружеской беседы под щелканье пишущих машинок» [43]). Против перемирия с Германией на мягких условиях решительно выступал и командующий американскими войсками в Европе генерал Першинг [44]).

Газеты «Вашингтон пост», «Нью-Йорк трибюн», «Нью-Йорк геральд», поддерживавшие республиканскую партию, желая оказать давление на правительство, критиковали его позицию в отношении Германии и требовали продолжения войны до победного конца. В ряде штатов, особенно там, где до войны имелись предприятия, созданные и финансируемые немецкими предпринимателями, антигерманская кампания носила ярко выраженный шовинистический характер. Так, в штате Коннектикут, где были сосредоточены немецкие предприятия по производству анилиновых красителей, различные общества и организации резко выступили против переговоров с Германией. Организация под названием Совет защиты штата Коннектикут писала сенатору Брендиджи, что промышленность Германии и ее бизнес организованы таким образом, что «после войны она может затопить рынки мира своими дешевыми товарами», что торговый флот Германии способен перевозить товары в любые уголки земного шара, поэтому пока Германия не будет полностью разбита, ее планы мирово-

[42]) «CR», vol. 57, part 1, p. 725.
[43]) R. S. Baker. Op. cit., p. 510.
[44]) J. B. Duroselle. From Wilson to Roosevelt. Foreign Policy of United States 1913—1945. Cambridge (Mass.), 1963, p. 86; «Архив...», т. IV, с. 74.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

го господства таят огромную опасность для США. Так называемое военное бюро просило сенатора Брендиджи: «Передайте президенту, что члены нашей организации с недоверием относятся ко всяким переговорам с Германией. Мы надеемся, что наше правительство примет в качестве первого шага для переговоров только безоговорочную капитуляцию»[45]). Об этом же говорилось в письме сенатору Лоджу от Клуба объединенной лиги Чикаго и других организаций.

21 октября 1918 г. сенатор Пойндекстер внес резолюцию о запрещении ведения каких-либо переговоров о перемирии с Германией. В резолюции говорилось: «Поскольку конгресс является единственным органом, полномочным объявлять войну и заключать мир, мобилизовать армию и предписывать действия морского флота... поскольку договор не может быть заключен без согласия и одобрения двух третьих сената, решено, что ни один американский представитель не может обсуждать с правительством Германии условия мира, отвечать на какие-либо ноты, послания или представления немецкого правительства...». В резолюции подчеркивалось, что война против Германии должна быть продолжена до тех пор, пока ее вооруженные силы не сдадутся союзникам и США, что немецкая территория должна быть оккупирована и взята под контроль победителей. Этот контроль будет сохраняться до тех пор, пока на мирной конференции не будут выработаны условия мирного договора[46]).

Но резолюция Пойндекстера не нашла поддержки, так как большинству сенаторов было ясно, что продолжение войны чревато серьезными последствиями для Антанты и Соединенных Штатов. В Германии начиналась революция. Требования свержения кайзера и немедленного подписания перемирия становились все сильнее. В странах Антанты также росло движение за прекращение бессмысленной войны, которая длилась уже пятый год. В конце октября находившийся в Европе представитель американского президента полковник Хауз смог в результате упорной борьбы добиться согласия союзников США на принятие «14 пунктов» Вильсона в качестве основы для перемирия с немцами. Экономическая разруха и рост революционных и антивоенных настроений в странах Антанты заставили премьер-министров Англии и Франции согласиться с рядом пунктов программы американского президента, тем более что Хауз предупредил их, что в случае их отказа от подписания перемирия «США могут пойти на сепаратный мир с Германией», а это, как замечает Ч. Сеймур, имея в виду задолженность европейских стран Соединенным Штатам, «непременно и очень сильно затронуло бы их благосостояние»[47]). После этого, отвергнув принцип «свободы морей» и внеся пункт об уплате Германией репараций за убытки, причиненные гражданскому населению ее противников, союзники согласились на подписание перемирия с Германией. Начало ноябрьской революции в Германии, свержение кайзера ускорили подписание перемирия. 7 ноября 1918 г. пришедшее на смену правительству Баденского правительство правого социал-демократа Эберта назначило комиссию по подписа-

---

[45]) «CR», vol. 56, part 11, p. 11206, 11213.

[46]) Ibid., p. 11402.

[47]) «Архив...», т. IV, с. 128. Во время переговоров с главами правительств и министрами иностранным дел Англии, Франции и Италии в период с 29 октября по 4 ноября 1918 г. полковник Хауз заявил, что если союзники не примут условия перемирия, предложенные Вильсоном, то американскому президенту не останется ничего другого, как заявить противнику, что союзники США не согласны с его, Вильсона, условиями. Тогда, предупреждал Хауз, возникнет вопрос, не следует ли Америке вступить в прямые переговоры с Германией и Австрией. «Это могло бы привести к сепаратному миру между Соединенными Штатами и центральными державами»,— сказал Клемансо. «Да»,— хладнокровно ответил Хауз. См.: В. Джордан. Указ. соч., с. 19.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

нию перемирия со странами Антанты и их союзниками. Начавшиеся 8 ноября в Компьене переговоры между этой делегацией и представителями Антанты завершались 11 ноября 1918 г. подписанием соглашения о перемирии.

Таким образом, на заключительном этапе первой мировой войны американская дипломатия развернула в Европе большую активность, играя посредническую роль между двумя воюющими коалициями и упорно добиваясь подписания перемирия на условиях «14 пунктов» Вильсона, которые отражали интересы американского капитала. Посредническая миссия должна была обеспечить Соединенным Штатам возможность играть роль арбитра при решении вопросов послевоенной Европы как на мирной конференции, так и после подписания мирного договора. Претензии на мировое лидерство проходят через все послания и речи американского президента Вильсона и особенно отчетливо проявляются в попытках американской дипломатии заставить обе воюющие стороны принять американскую программу мира. Но вопреки широко распространенному в американской литературе мнению, что главная заслуга в принуждении Германии к миру принадлежит американской дипломатии, положившей в основу перемирия свои принципы, следует отметить, что перемирие было подписано на крайне зыбкой основе. Союзники не только отвергли ряд пунктов программы Вильсона, но, вынужденные согласиться с некоторыми из этих пунктов, впоследствии на Парижской конференции, отбросили и их и поступили сообразно со своими интересами и целями. В самих США программа мира, разработанная администрацией Вильсона, пользовалась поддержкой весьма незначительной части сенаторов, в то время как республиканское большинство сената считало эту программу слабой и неспособной обеспечить за Соединенными Штатами мировое лидерство и гарантию от революционных потрясений. Правящие круги США уже в период перемирия и особенно во время мирной конференции убедились, что мир оказался не таким, каким они хотели его видеть. Соотношение сил, сложившееся в результате первой мировой войны, неспособно было обеспечить Соединенным Штатам роль мирового лидера. Поэтому уже в период подписания соглашения о перемирии в американском конгрессе начал складываться блок противников подписания мира с Германией на той основе, которую разработала администрация Вильсона. Этот блок впоследствие одержал победу, отказавшись ратифицировать Версальский мирный договор.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 265 Серия историческая

Л. А. ТЫРСА

ДЕБАТЫ В КОНГРЕССЕ США ПО ВОПРОСУ О ВКЛЮЧЕНИИ «ПОМОЩИ» ГОМИНЬДАНОВСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ КИТАЯ В ПЛАН МАРШАЛЛА (март 1948 г.)

Оценка плана Маршалла как одного из орудий политики с позиции силы, проводимой реакционными американскими кругами после второй мировой войны, дана в работах советских историков [1]). Отражена также эволюция дебатов в конгрессе США во время обсуждения плана Маршалла, позиция его защитников и противников [2]). Однако вопрос о том, какие факторы повлияли на исход дебатов, завершившихся включением помощи гоминьдановскому Китаю в рамки плана Маршалла, требует своего рассмотрения. В данной статье делается попытка показать причины возникновения и суть разногласий, проявившихся при обсуждении вопроса об оказании помощи правительству Чан Кай-ши во время весенней сессии 80 конгресса. Источником для написания статьи послужили протоколы американского конгресса, документы госдепартамента и пресса США.

В 1945—1949 гг. в правящих кругах США происходила борьба мнений по вопросам глобальной стратегии. Представители наиболее влиятельных деловых, политических и военных кругов США склонялись к тому, чтобы приоритет в американских планах внешнеполитической экспансии отдавался Европе, а не Азии. В эти же годы сторонники азиатской ориентации значительно усилили свое влияние в США. К их числу относились «изоляционисты» во главе с сенатором Тафтом. Прежний «изоляционизм» претерпел в послевоенное время изменения и выступал под лозунгом «Азия прежде всего».

В первые послевоенные годы среди сторонников усиления азиатской политики существовали две точки зрения на методы укрепления господства США на Дальнем Востоке. Одни рассматривали гоминьдановский Китай как оплот дальневосточной политики США, другие высказывались за превращение Японии в основную опору американского империализма в этом районе Тихого океана. В 1945—1947 гг., пока исход гражданской войны в Китае не был ясен, на первый план среди приверженцев усиления экспансии в страны Азии выдвинулся «китайский блок». «Китайский блок» (термин американских историков) — это группа прочанкайшистски настроенных конгрессменов, выступавших за

---

[1]) «Движущие силы внешней политики США». М., 1965; «Международные отношения после второй мировой войны», т. 1. М., 1962; В. И. Лан. США в военные и послевоенные годы. М., 1964; Н. Н. Иноземцев. Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960.

[2]) См.: Т. А. Бычкова. Обсуждение плана Маршалла в конгрессе США (январь—март 1948 г.).— «Вопросы истории международных отношений», вып. 5. Труды Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева, т. 222. Томск, 1973.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

всестороннюю поддержку гоминьдана. Они представляли интересы монополистических объединений западных штатов, стремившихся укрепить помещичье-феодальный режим Чан Кай-ши, с тем чтобы использовать гоминьдановский Китай в качестве основной базы для борьбы с Советским Союзом, революционным и национально-освободительным движением на Дальнем Востоке. Наиболее активными представителями «китайского блока» были сенаторы Маккарэн (штат Невада), Ноулэнд (штат Калифорния), Бриджес (штат Нью Хэмпшир), Уэрри (штат Небраска), Фергюсон (штат Мичиган), Дженнер (штат Индиана), Уили (штат Висконсин), Батлер (штат Мэрилэнд), члены палаты представителей Джадд (штат Миннесота) и Ворис (штат Огайо). За исключением сенатора-демократа Маккарэна все они большей частью были консервативными республиканцами.

Для того, чтобы добиться утверждения в конгрессе плана Маршалла, правительство Трумэна было вынуждено искать компромисс с приверженцами политики «Азия прежде всего». В конгрессе эта миссия возлагалась на лидера республиканской партии сенатора Ванденберга. В начальный период разработки плана Маршалла, носившего тогда название «европейской восстановительной программы», был проведен ряд специальных совещаний между государственным секретарем США Маршаллом, его заместителем Ловеттом и председателем сенатской комиссии по иностранным делам Ванденбергом. Цель контактов с лидерами оппозиционной республиканской партии заключалась в стремлении госдепартамента преодолеть межпартийные разногласия, которые могли возникнуть в период обсуждения программы в конгрессе. За свою поддержку «европейской восстановительной программы» сенатор Ванденберг и другие республиканские лидеры потребовали с госдепартамента обещания, что помощь будет также предоставлена гоминьдановскому правительству Китая.

10 ноября 1947 г. государственный секретарь США Маршалл объявил на совместной сессии комиссий по иностранным делам сената и палаты представителей о намерении госдепартамента представить в скором времени на рассмотрение в конгресс программу экономической помощи Китаю на сумму 300 млн. долл. сроком на 15 месяцев.

В конце 1947 г. состоялось несколько совещаний между чиновниками госдепартамента США и уполномоченными правительства Чан Кайши. С целью оказания технической помощи в разработке проекта программы в Вашингтон прибыли Артур Янг, американец по происхождению, занимавший пост советника китайского министерства финансов на протяжении 20 лет, и Кэн Ли, специальный представитель министерства иностранных дел Китая. 22 декабря 1947 г. правительство Чан Кай-ши вручило меморандум американскому послу в Китае Стюарту, в котором просило предоставить помощь в объеме 1,5 млрд. долл. в течение четырех лет. Однако американское правительство в это время уже опасалось связывать себя долгосрочными обязательствами о «помощи» гоминьдановскому режиму, поскольку понимало, что это потребовало бы определенных обязательств со стороны США, из которых было бы «чрезвычайно трудно или даже невозможно выбраться» в будущем [3]).

Сам Маршалл признавал, что у госдепартамента имелись большие затруднения в разработке этой программы, шансы которой на осуществление, по оценке государственного секретаря США, равнялись 70% [4]). Журнал «Нью рипаблик» писал, что эксперты дальневосточного отдела

[3]) United States Relations with China. With Special Reference to the Period 1944—1949. Wash., 1949, p. 387 (USR).

[4]) USR, p. 372.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

госдепартамента, которым было поручено разработать программу помощи Китаю, были явно не согласны с ней. Хотя «помощь» Китаю включалась в план правительства Трумэна по «сдерживанию коммунизма», ее рассматривали в Вашингтоне как иную категорию в отличие от плана Маршалла и не только по географическим причинам. Программа экономической помощи Европе предполагала стабилизировать капиталистический строй в западноевропейских странах в течение нескольких лет. Однако никто не претендовал, как замечал журнал «Нэйшн», что сумма в 300 млн. долл. сможет за 15 месяцев существенно помочь восстановлению китайской экономики. Никто не верил, что эта помощь сдержит инфляцию. Никто не допускал, что китайский народ получит пользу от этой помощи в конечном счете[5]).

Первоначально предполагалось выделить на «помощь» Китаю 300 млн. долл., но вскоре эта цифра возросла до 570 млн. долл. Чем это было вызвано? Во-первых, военными поражениями Чан Кай-ши в Китае, и прежде всего в Маньчжурии. Следует отметить, что агрессивные круги США проявляли особый интерес к северному и северо-восточному Китаю, отводя ему важное место в своих военно-стратегических планах. Это наглядно видно на следующем примере. В одном из сентябрьских номеров газеты «Нью-Йорк таймс» за 1947 г. была опубликована статья под красноречивым заголовком: «Базы США в Китае жизненно важны: наша сфера влияния ныне простирается до Синьцзяна, граница с советской Азией». В статье раскрывались планы американских милитаристов относительно использования Китая в качестве антикоммунистического плацдарма в тихоокеанской «модели силы» США. Подчеркивалось, что Китай имеет основные стратегические материалы, включая вольфрам, сурьму, олово, уран. При этом главное внимание уделялось Маньчжурии с ее богатейшими экономическими ресурсами, а также непосредственной близостью к границам Советского Союза. В статье указывалось, что со стратегической точки зрения Маньчжурия и Синьцзян могут служить авиабазами на воздушном пути от Окинавы через западный Китай к важному промышленному району Советского Союза у озера Байкал. Естественно, что успехи, которые одерживали народно-освободительные силы в северном и северо-восточном Китае в конце 1947 г., наносили серьезный удар по замыслам американских милитаристов использовать Маньчжурию как основной стратегический пункт на материковом Китае.

Во-вторых, увеличение планировавшейся «помощи» объяснялось возросшим нажимом на государственного секретаря США Маршалла со стороны представителей «китайского блока» и лидеров «изоляционистской» оппозиции в конгрессе, грозивших сокращением ассигнований, выделяемых на «помощь» Европе, если не будет срочно предоставлена эффективная поддержка гоминьдану. В нажиме на официальных лиц госдепартамента сыграла отнюдь не последнюю роль финансовая миссия во главе с бывшим управляющим Центрального банка Китая Пэй Цзу-у — специального эмиссара Чан Кай-ши, направленного в Вашингтон с целью убедить американское правительство увеличить помощь Китаю.

Один из наиболее активных представителей «китайского блока» в американском конгрессе республиканец Джадд по возвращении из поездки по двадцати двум странам Европы и Азии выступил с пространным докладом перед комиссией по иностранным делам палаты представителей 14 ноября 1947 г. Прочанкайшистски настроенный конгрессмен

[5]) «The Nation», February 7, 1948, p. 153.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

предлагал оказать военную, моральную и экономическую помощь гоминьдановскому правительству. Под военной помощью он подразумевал поставки из Соединенных Штатов боеприпасов и снаряжения по минимальной цене или бесплатно, а также обеспечение гоминьдановских войск на всех уровнях американскими военными советниками. Моральная помощь, по словам Джадда, должна была означать прямое заявление правительства США о поддержке режима Чан Кай-ши в борьбе против китайских революционных сил. В рамках экономической помощи предлагалось предоставить Китаю займы, субсидии и специалистов[6]).

Вне стен конгресса кампанию под лозунгом «помочь» Китаю развернули «китайские лоббисты» — ряд организаций и лиц, действовавших по прямой просьбе чанкайшистов в направлении усиления поддержки гоминьдановского правительства. Руководитель одной из таких организаций миллионер Кольберг направил 11 ноября 1947 г. послание Локвуду, секретарю губернатора Нью-Йорка Дьюи, в котором излагал соображения, каким образом можно избежать потери Китая для Соединенных Штатов[7]). Кольберг рассчитывал, что Дьюи, один из лидеров республиканской партии, с которым чанкайшисты связывали большие надежды в предстоящей президентской кампании, ознакомится с этим посланием и примет его во внимание. В послании, в частности, обсуждались требования другого «китайского лоббиста» бывшего дипломата Буллита о выделении гоминьдану 600 млн. долл. на военные расходы, 150 млн. долл. на стабилизацию денежной системы, а также предоставления кредитов на сумму 600 млн. долл. Несомненно, что усилия Кольберга не пропали даром. Спустя две недели, Дьюи, выступая на обеде в отеле «Уолдорф-Астория», данном в его честь как кандидата в президенты от республиканской партии, предложил разработать программу «помощи» Китаю, рассчитанную на 3—4 года, с тем чтобы на экономические нужды ежегодно выделялось 250 млн. долл.; о сумме, выделяемой на военные расходы, кандидат в президенты умолчал. Он предложил направить в Китай военное снаряжение, огромное количество которого находилось на тихоокеанских базах США — Филиппинах, Гуаме, Окинаве и Японии. Кроме того, Дьюи рекомендовал направить в Китай генерала Макартура, хотя и не называл его имени: «Нам нужен человек для выполнения работы в Китае, который бы не только знал Китай, но имел бы широкую экономическую, социальную и правительственную подготовку, столь необходимую для задачи такой величины»[8]).

Таким образом, давление, оказанное на госдепартамент со стороны республиканских лидеров, представителей монополистического капитала западных штатов в американском конгрессе, связанных интересами с Дальним Востоком, не могло не сказаться на решении Маршалла предоставить Чан Кай-ши 570 млн. долл. Журнал «Нью рипаблик» так комментировал этот шаг государственного секретаря США: «Он окончательно пошел на компромисс с китайским блоком в республиканской партии[9]).

В-третьих, на решение правительства Трумэна увеличить помощь гоминьдану повлияла атмосфера воинствующего антикоммунизма, антисоветская истерия, поднятая реакционерами в США в связи с успехами китайских революционных сил. Антикоммунистические газеты пугали

---

[6]) «Congressional Record», 80-th Congress, vol. 94, Pt. 12, p. A4562 (C. R.).
[7]) J. Keely. The China Lobby Man. The Story of Alfred Kohlberg. N. Y., 1969, p. 160.
[8]) C. R., vol. 93, Pt. 12, p. A4787.
[9]) «The New Republic», February 16, 1948, p. 4.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

американского обывателя возможностью третьей мировой войны, «если русские не будут сдержаны в Китае». Реакционная пресса Скрипс-Говарда пригласила «китайского лоббиста» генерала Ченнолта дать оценку событиям в Китае. Статья прочанкайшистски настроенного генерала появилась в газете «Вашингтон дейли ньюс» 2 февраля 1948 г. и неоднократно цитировалась ярыми антикоммунистами в американском конгрессе. Прибегая к антисоветским выпадам, генерал Ченнолт писал: «Россия не осмелится атаковать на западе, пока не будет уверена, что ее промышленные районы и жизненно важные коммуникации к востоку от Урала не будут защищены от нападения с воздуха... с баз, находящихся в северных и северо-восточных районах Китая» [10]).

Следует отметить, что сам государственный секретарь США вряд ли был встревожен угрозой «советской интервенции» в Китае. Как писал журнал «Нью рипаблик», Маршалл был склонен считать, что если Соединенные Штаты останутся в стороне, русские не предпримут интенсивных мер [11]). Однако развернувшаяся в США кампания «помочь» Китаю заставила госдепартамент пойти на уступки. Ради того, чтобы программа помощи Европе прошла в конгрессе без осложнений, госдепартамент дал отступного на сумму 570 млн. долл. тем, кто выступал под лозунгом «Азия прежде всего», и тем, кто ратовал за проведение активной политики как в Европе, так и на Дальнем Востоке. По словам английского журнала «Экономист», эта сумма помогла бы «умиротворить профессиональных китаефилов и тех, кто боялся, что план Маршалла закроет парадную дверь, оставив черный вход распахнутым настежь» [12]).

Проект программы «помощи» Китаю, разработанный в госдепартаменте США, не содержал планов поставки военного снаряжения и боеприпасов гоминьдановским армиям. Официальные лица в госдепартаменте опасались, что военная помощь пойдет не «по назначению». Эти опасения возросли еще больше, как только в Вашингтоне стало известно, что половина из 130 млн. винтовочных патронов, предназначавшихся солдатам Чан Кай-ши, была продана гоминьдановцами летом 1947 г. представителям Народно-освободительной армии прямо в доках Шанхая [13]). Поэтому предполагалось, что правительство США не будет увеличивать собственные военные обязательства в Китае. По замыслу госдепартамента, чанкайшистское правительство должно будет использовать собственные ресурсы для приобретения военного снаряжения.

Первоначальная цель программы носила экономический характер. Предусматривалось, что 510 млн. долл. будут использованы для ввоза необходимых товаров гражданского потребления в Китай, а 60 млн. долл. предназначались на восстановление экономики, т. е. для осуществления некоторых транспортных и промышленных проектов. Вряд ли эта сумма могла поддержать истощенную войной экономику Китая, тем более что несостоятельность правительства Чан Кай-ши использовать ассигнования для экономических нужд страны признавалась американскими государственными деятелями. Однако предложение о предоставлении 570 млн. долл. гоминьдану прошло через Национальный консультативный совет и бюджетное управление США без особых затруднений.

---

[10]) C. R., vol. 94, Pt. 1, p. 1071.
[11]) «The New Republic», November 24, 1947.
[12]) «The Economist», February 14, 1948, p. 266.
[13]) «The New Republic», February 9, 1948, p. 5. Этот журнал писал, что чанкайшистские генералы продавали американские боеприпасы по цене, в 10 раз превышавшей цену, по которой они были получены из США, и тем самым наживались.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

18 февраля 1948 г. президент США Трумэн направил послание конгрессу, в котором просил рассмотреть проект программы помощи Китаю в объеме 570 млн. долл. сроком на 15 месяцев. Хотя президент указывал, что цель программы носит экономический характер, тем не менее, по справедливому замечанию журнала «Нэйшн», заем являлся скорее политическим по характеру, чем экономическим. В своем послании конгрессу Трумэн уточнял, что 570 млн. долл. освободят китайский платежный баланс для более срочных нужд, т. е., как подразумевалось, для борьбы с революционным движением.

Комиссия по иностранным делам палаты представителей во главе с Итоном сразу же предприняла активные действия, пригласив ряд влиятельных лиц высказать мнение по вопросу о положении в Китае и послании Трумэна. Первым заслушали государственного секретаря Маршалла, который предстал перед комиссией 20 февраля 1948 г. Он пояснил, что, поскольку политические, экономические и финансовые условия в Китае неустойчивы и неопределенны, поэтому невозможно развивать «практическую, эффективную, долгосрочную всеобъемлющую программу для восстановления экономики»[14]). Касаясь многочисленных предложений о поддержке просьбы гоминьдановского правительства поставить в Китай военного снаряжения на сумму 100 млн. долл. в течение 1948 г., Маршалл заметил: «Легко сказать, да чрезвычайно трудно и опасно сделать»[15]). В конце своего выступления Маршалл подчеркнул, что он не рекомендует правительству США предпринимать попытки стабилизировать китайскую экономику и гарантировать военные успехи гоминьдана. Официальные лица в госдепартаменте опасались, что такой курс действий явится бременем для экономики Соединенных Штатов и повлечет за собой военную ответственность с их стороны.

Сторонники усиления китайской политики не были удовлетворены доводами Маршалла. Генералы Ведемейер и Ченнолт, бывшие дипломаты Буллит и Гаусс высказались за оказание военной помощи Чан Кайши. Буллит потребовал выделить 100 млн. долл. на прямую военную помощь гоминьдану и направить в Китай «самого лучшего человека, какого можно найти», с целью координации военных действий гоминьдановских армий[16]). Буллит имел в виду генерала Макартура, который был также приглашен комиссией по иностранным делам палаты представителей выразить свою точку зрения. Макартур, находившийся в то время в Японии, послал телеграмму 3 марта 1948 г. из Токио в Вашингтон, в которой, назвав Китай «основным краеугольным камнем тихоокеанской арки», указал, что в основании всех проблем в Китае лежит военный вопрос.

Программа экономической «помощи» Китаю, не подкрепленная военными мерами, вызвала ожесточенную критику в адрес администрации Трумэна со стороны реакционно настроенных конгрессменов. Характерно в этом отношении выступление конгрессмена Сайкса (от штата Флорида): «Мы зарыли свои головы в песок, думая о Китае»[17]). Лидер «изоляционистской» оппозиции в конгрессе сенатор Тафт заявил: «Сегодня мы в Китае продолжаем политику, которая угрожает свести на нет на Дальнем Востоке все то, что план Маршалла стремится осуществить в Западной Европе. Если не будет предпринято энергичное действие, вся Маньчжурия будет захвачена коммунистами»[18]). По мнению

[14]) The Department of State Bulletin, February 29, 1948, p. 270.
[15]) USR, p. 380.
[16]) China and U. S. Far East Policy 1945—1967. Wash., 1967, p. 44.
[17]) C. R., vol. 94, Pt. 2, p. 1872.
[18]) W. White. The Taft Story. N. Y., 1954, p. 160.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

члена палаты представителей Кокса (от штата Джорджия), госдепартамент проявил незначительный интерес к судьбе Китая. «Придет время, — грозил он, — когда конгресс и страна будут думать независимо по этому вопросу и не будут слепо следовать руководству, которое, по всем признакам, идет в неверном направлении»[19]). Сторонники «горячего» решения китайской проблемы добивались от правительства США принятия более решительных мер, направленных против народно-освободительных сил Китая. Смысл их требований был раскрыт наиболее откровенно Сайксом: «Мы сейчас предлагаем другой заем, как будто доллары вернут Мукден и спасут Маньчжурию. Китаю нужны пули. У нас есть пули. Ему нужно стрелковое оружие. У нас есть стрелковое оружие. Ему нужны самолеты, а тысячи годных к использованию американских боевых самолетов портятся повсюду в мире»[20]).

Прочанкайшистски настроенные конгрессмены-республиканцы настолько жаждали включить раздел о военной поддержке гоминьдановского правительства в законопроект, что фактически свернули слушания вопроса о «помощи» Китаю, в комиссии по иностранным делам палаты представителей. По свидетельству конгрессмена-демократа Мэнсфильда, на слушания вопроса о военной и экономической «помощи» Китаю было затрачено 2 часа 10 минут, в то время как интенсивные слушания по «европейской восстановительной программе» продолжались в течение семи недель[21]). Объяснение столь поспешных действий комиссии крылось в стремлении республиканских лидеров палаты представителей лишить оппозицию возможности воспрепятствовать выделению военных кредитов Чан Кай-ши. Намерение республиканского большинства представить на обсуждение «запакованный билль», как окрестили этот законопроект его противники, вызвало недовольство среди членов демократической партии в палате представителей. Демократ Садовски говорил, что многие конгрессмены были почти шокированы, узнав о представлении комиссией доклада по законопроекту о помощи Китаю без должного обсуждения.

Законопроект о «помощи» Китаю был внесен комиссией по иностранным делам на рассмотрение палаты представителей 23 марта 1948 г. Согласно решению комиссии помощь Китаю включалась в рамки плана Маршалла наряду с «программой европейского восстановления», а также военной помощью Греции и Турции. Комиссия рекомендовала ассигновать правительству Чан Кай-ши 570 млн. долл., из них на экономические нужды — 420 млн. долл., на военные расходы — 150 млн. долл. Это решение получило одобрение реакционной прессы США. В частности, газета «Нью-Йорк геральд трибюн» писала: «Комиссия по иностранным делам палаты представителей заслуживает похвалы за превосходное умение разбираться в сложных вопросах, которое было проявлено в выработке планов помощи китайцам».

Решение комиссии палаты представителей внести на обсуждение законопроекты о «помощи» Китаю, Греции и Турции, включенные в рамки плана Маршалла, противоречило намерению госдепартамента и рекомендациям государственного секретаря США. Стратегия Маршалла заключалась в том, чтобы рассмотреть планы помощи этим странам отдельно с той целью, чтобы борьба в конгрессе против какого-нибудь из них не осложнила принятие «европейской восстановительной программы». Журнал «Нью рипаблик», прогнозируя возможный ис-

[19]) C. R., vol. 94, Pt. 2. p. 2332.
[20]) Ibid., p. 1872.
[21]) Ibid., Pt. 3, p. 3859.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ход дебатов, считал, что, если республиканская оппозиция и разгадает маневр Маршалла, тот вряд ли рискнет усилить антагонизм партии большинства в конгрессе и замедлить принятие плана помощи Западной Европе, настаивая на собственной китайской программе. Как показали дебаты, прогноз журнала оказался верен.

Обсуждение законопроекта в палате представителей проходило в атмосфере воинствующего антикоммунизма. Республиканские лидеры были непреклонны, отстаивая включение билля о «помощи» Китаю в план Маршалла. Особое рвение проявлял ярый антикоммунист Джадд, заявлявший: «Как можно говорить, что спасти Европу более важно, чем Китай, и наоборот. Я боюсь, что мы должны спасти обоих, с тем чтобы спасти каждого из них. Это равносильно тому случаю, когда у человека поражены гангреной обе ноги»[22]). В подкрепление своих аргументов он привел вышеупомянутую телеграмму генерала Макартура, являвшегося вдохновителем «китайского блока». Макартур считал китайскую проблему частью вопроса глобальной стратегии, который, по его мнению, Соединенные Штаты должны осуществлять во всей полноте. «Фрагментарные решения в разобщенных частях света, — цитировал Джадд Макартура, — не принесут целого решения»[23]). Джадда поддержали конгрессмены Смит (от штата Висконсин), Кокс и другие. Кокс, например, утверждал, что не имеет смысла пытаться остановить коммунизм в Европе, позволив ему возобладать в Китае. «Помочь Европе, — соглашался он, — но и помочь Китаю».

Ряд конгрессменов-«интернационалистов», которые представляли интересы монополистических кругов южных и восточных штатов, выступавших за осуществление экспансии в Западной Европе, выражали озабоченность тем, во что обойдется помощь такой огромной стране, как Китай. Они опасались, что включение расходов на Китай в план Маршалла отрицательно скажется на программе стабилизации капиталистических стран Западной Европы. Кроме того, они полагали, что одногодичная программа помощи Китаю, будучи включенной в план Маршалла, может превратиться впоследствии в долгосрочную программу по подобию проекта восстановления Европы. Это, считали они, повлечет за собой новые неминуемые расходы, которые нанесут ущерб американской экономике, вследствие чего осуществление экономических и политических целей плана Маршалла в Европе будет поставлено под угрозу. Демократ Мэнсфильд напомнил членам палаты представителей, что в годы второй мировой войны Соединенные Штаты Америки, понимая, что их резервы ограничены, сделали правильный выбор между Европой и Дальним Востоком. Мэнсфильд доказывал, что самые срочные вопросы необходимо решать в первую очередь, а китайская проблема, на его взгляд, не являлась первоочередной во внешней политике США. Конгрессмен Ричардс (от штата Южная Каролина) указывал, что, хотя в интересах США вести борьбу с коммунизмом на всех фронтах, тем не менее членам палаты представителей придется признать, что богатство Соединенных Штатов не беспредельно, и поэтому главные усилия по борьбе с коммунизмом следует сосредоточить на Европе и районе Средиземного моря.

Республиканские лидеры палаты представителей зачастую шли на прямой нажим, требуя от конгрессменов одобрить включение помощи Китаю в план Маршалла. Демократ Селлер расценил поведение членов комиссии по иностранным делам как действия рода «кошелек или

---

[22]) Ibid., p. 3329.
[23]) Ibidem.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

жизнь»[24]). Он заметил, что будет голосовать за план Маршалла, но выразил сожаление, что эта программа связана с помощью Китаю, Греции и Турции. «Честная политика дала бы нам два или три билля, каждый из которых мы могли бы рассмотреть в соответствии с его достоинствами. Но для того, чтобы дать экономическую помощь Европе, я должен голосовать за помощь Китаю, Греции и Турции. Это явно нечестная, плохая и презренная тактика», — резюмировал Селлер[25]).

Законопроект, внесенный на обсуждение в сенат 30 марта 1948 г., в отличие от законопроекта, разработанного комиссией по иностранным делам палаты представителей, не предполагал включение помощи Китаю в рамки плана Маршалла. Председатель сенаторской комиссии Ванденберг указывал, что США не могут иметь дело с возрождением китайской экономики на такой широкой основе, как в «программе европейского восстановления». «Китай слишком огромен. Проблема слишком велика», — пояснял Ванденберг[26]).

Другим вопросом, вызвавшим острую дискуссию в палате представителей, являлся вопрос об оказании помощи военного характера правительству Чан Кай-ши. В течение нескольких месяцев государственному секретарю США пришлось вести борьбу внутри госдепартамента со сторонниками включения в план Маршалла программы военной помощи гоминьдану, среди которых были генерал Ведемейер, адмирал Леги и другие высокопоставленные чины. Ту же борьбу пришлось вести с силами конгресса, возглавлявшимися Джаддом. Позиция государственного секретаря вполне понятна. Маршалл остерегался раньше времени связывать «программу европейского восстановления» с военными замыслами Вашингтона[27]).

Стремясь оправдать решение о выделении гоминьдану ассигнований на военные нужды, составители доклада комиссии по иностранным делам палаты представителей утверждали, что успешное проведение политических и экономических реформ в Китае, не будучи подкрепленное военными мерами, практически невозможно. Истинные мотивы этого решения в полной мере выявились в выступлениях Джадда, неоднократно напоминавшего конгрессменам о близости Китая к границам Советского Союза.

Джадд приложил максимум усилий, чтобы привлечь в свой стан лиц из числа колеблющихся конгрессменов, которые выражали сомнение, являются ли предполагаемые размеры военной помощи гоминьдану «подходящими и достаточными», чтобы достичь своих целей. В связи с этим в палате представителей был поднят также вопрос о том, в каком количестве и какого рода следует оказать военную поддержку Чан Кай-ши. Сторонники активизации китайской политики требовали предоставить военную помощь гоминьдановскому режиму по «модели» Греции. Джадд разъяснял, что это означает: во-первых, поставки гоминьдановским армиям по минимальной цене боеприпасов и легкого мобильного оружия, наиболее пригодного в условиях партизанской войны; во-вторых, обеспечение сил Чан Кай-ши американскими военными советниками с целью обучения гоминьдановских солдат, а также оказания помощи в планировании и проведении боевых операций. Тех конгрессменов, которые проявляли озабоченность, насколько велики будут расходы США в связи с принятием обсуждаемого раздела законопроекта, Джадд заверял, что, по его подсчетам, потребуется три

[24]) Ibid., p. 3871.
[25]) Ibid., p. 3620.
[26]) Ibid., p. 3668.
[27]) Об этом пишет, в частности, Т. А. Бычкова. См. указ. соч., с. 15—16.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

года, чтобы выиграть войну в Китае. «Если мы будем действовать решительно, — твердил он, — потребуется не более 1,5 млрд. долл.»[28]). Поэтому метод прочанкайшистски настроенных конгрессменов-республиканцев заключался в том, чтобы попытаться трансформировать экономическую помощь в военную. Джадд предложил использовать 420 млн. долл., предназначавшихся на экономические нужды, для военных целей, а 150 млн. долл., выделяемых на военные расходы, использовать соответственно на экономические проекты.

В палате представителей группа конгрессменов возражала против оказания военной помощи Чан Кай-ши по ряду причин. Одни боялись, что более активное вмешательство США в гражданскую войну в Китае не принесет успеха и только усилит стремление китайского народа к коммунизму. Другие считали, что предоставление военной поддержки гоминьдановскому режиму будет рассматриваться в азиатских странах как осуществление американской военной интервенции в Китае, что подорвет престиж США на Дальнем Востоке. Третьи, отстаивая позицию госдепартамента, стремившегося представить план Маршалла экономическим мероприятием, настаивали на передаче этого вопроса на рассмотрение комиссии по делам вооруженных сил. С таким предложением выступил член демократической партии в палате представителей Ричардс. Это действие вызвало ответную реакцию со стороны агрессивно настроенных конгрессменов. Кокс обвинил Ричардса в том, что тот «копает яму под бедным Китаем»[29]).

В сенате вопрос об оказании военной помощи решался несколько иначе. Согласно законопроекту, разработанному сенатской комиссией по иностранным делам, Китаю выделялось 463 млн. долл. сроком на 12 месяцев, причем из них 363 млн. долл. предназначались на экономические нужды, а остальные 100 млн. долл. выделялись в качестве «дара» чанкайшистскому правительству и могли быть использованы по его усмотрению, т. е. для военных целей. Ванденберг, отметив, что данный раздел программы предполагает поставки военного снаряжения в Китай, при этом подчеркнул, что «этот процесс должен быть очищен от любого намека, что США поддерживают военную кампанию националистического правительства»[30]). Вместе с тем Ванденберг заверил, что по другому закону США будут направлять в Китай военных советников. Демократ Коннэли, поддерживавший позицию госдепартамента, так объяснил мотивы, которыми руководствовались члены комиссии, исключив из законопроекта упоминание о военной помощи гоминьдану: «Мы не можем в программе такого рода предугадать все нужды и потребности. Мы не можем связывать руки администратора, требуя выполнить то, другое и третье»[31]). Здесь проявилось стремление творцов американской внешней политики замаскировать военный и политический характер программы «помощи» Китаю, представив ее экономическим мероприятием.

Ряд конгрессменов-демократов не одобряли законопроект об экономической и военной «помощи» Китаю по причине коррупционного характера правительства Чан Кай-ши. Противники предоставления новых займов гоминьдану с сарказмом отзывались об этой программе, назвав ее «операция мышиная нора»[32]). Они приводили факты, свидетельство-

[28]) C. R., vol. 94, Pt. 3, p. 3332.
[29]) Ibid., p. 3431.
[30]) Ibid., p. 3668.
[31]) Ibid., p. 3693.
[32]) Ibid., p. 3564. Это название было позаимствовано у бывшего протестантского миссионера в Китае Р. Кеннарда, который писал: «1948 г. известен в китайском ка-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

вавшие о том, что миллионы долларов, полученных правительством Чан Кай-ши от США, «съедены инфляцией или исчезли в карманах коррупционных чиновников». В ответ прочанкайшистски настроенные республиканские лидеры палаты представителей заявляли, что конгрессмены должны смириться с помощью данному правительству, в противном случае Соединенные Штаты ожидает перспектива потери в лице гоминьдановского Китая — основного союзника в борьбе с национально-освободительным движением на Дальнем Востоке. Такова была суть рассуждений Джадда, к которому присоединился Джавитс, призывавший конгрессменов отбросить все сомнения в решении обсуждаемого вопроса. «Каждый член палаты представителей должен запомнить, — наставлял Джавитс, — что одно дело иметь правительство, с которым мы можем попытаться... осуществить демократические реформы, и совсем другое дело, когда занавес падет и у нас не останется никого»[33]).

Следует отметить, что высказывания о коррупционном и бюрократическом характере правительства Чан Кай-ши и отсутствии доверия к нему со стороны китайского народа попали в доклад сенатской комиссии по иностранным делам. Этот доклад привел в замешательство ее председателя Ванденберга и он потребовал исключить из текста критические замечания в адрес гоминьдановского правительства. Как писал журнал «Каррент хистори», причина отвода доклада Вандербергом состояла в том, что он мог создать у сенаторов «нежелательное впечатление» о гоминьдановском режиме, чего естественно стремились избежать составители доклада[34]).

Из доклада сенатской комиссии было изъято упоминание о продажном характере правительства Чан Кай-ши. Однако в США и без этого отлично знали о полном разложении гоминьдановского режима. Сенатор Морзе спрашивал Ванденберга, известно ли ему о существовании черных рынков, подкупе, взяточничестве, кражах и других злоупотреблениях, сопровождающих процесс распределения американских товаров в Китае. Ванденберг вынужден был сослаться на доклад комиссии по иностранным делам палаты представителей, в котором отмечалось расстройство финансовой системы Китая. Морзе, отметив удивительное противоречие двух докладов, предложил дать понять гоминьдановскому правительству, чтобы оно прекратило практику коррупции, если желает сотрудничать с США. В качестве одной из мер давления на правительство Чан Кай-ши Морзе предложил, чтобы доллары, вырученные Национальной китайской корпорацией от продажи в США американских товаров, предназначавшихся для поставки в Китай, были взяты в расчет, когда будет подсчитываться сумма на экономическую помощь. Сенатор требовал гарантий, что деньги американских налогоплательщиков не идут в карманы небольшой группы, стоящей во главе китайского правительства. Вряд ли забота о простых людях Китая двигала сенатором из Орегона, представлявшим интересы монополистических кругов западных штатов, заинтересованных в том, чтобы средства, ассигнуемые правительством США на «помощь», шли на достижение их истинных целей — на борьбу с революционным и национально-освободительным движением в странах Азии. О том, каких результатов ждали американ-

---

лендаре как год мыши. Мышь является символом полуночи, а действительное положение дел в Китае никогда не было мрачнее, чем в настоящее время. Если есть какой-либо смысл в этих символах, пусть он придаст нам мужества, что за мышью в китайской хронологии следует преданный работяга-вол, геральд нового дня».

[33]) Ibid., p. 3426.

[34]) «The Current History», May 1948, p. 324.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ские монополистические круги от осуществления политических целей программы «помощи» Китаю, четко было сказано в газете «Нью-Йорк геральд трибюн» от 24 марта 1948 г.: «Если такая программа нашла бы активную поддержку в Нанкине и Вашингтоне, она бы улучшила условия жизни в сельскохозяйственных районах Китая и дала бы китайскому крестьянину сильный повод для борьбы с коммунистами. Она помогла бы обеспечить широкую поддержку генералиссимусу Чан Кай-ши, что было бы намного лучше, чем вся американская помощь, которую он еще может получить».

Как в палате представителей, так и в сенате конгрессмены проявили незначительный интерес к экономической части программы. Внимание сенатора Магнусона (от штата Вашингтон) привлекло лишь одно примечание в списке товаров, предназначавшихся для отправки в Китай. Оно касалось поставок 225 тыс. тонн зерновых продуктов. Примечание гласило: примерно 40% от этого количества поставят США, 40% — Австралия и 20% — Канада, причем $^3/_4$ объема поставок зерновых продуктов должно быть отправлено в виде муки[35]). Именно последняя часть примечания близко затрагивала сенатора Магнусона, представлявшего интересы деловых кругов северо-западных штатов тихоокеанского побережья, которые издавна специализировались на экспорте муки и крупяных продуктов в страны Дальнего Востока. Сенатор выразил озабоченность тем, что 65% объема поставок зерновых продуктов идет в азиатские страны в виде пшеницы, а не муки, вследствие чего мукомольные предприятия северо-западных штатов заняты всего на 40%, что также отразилось на тех отраслях пищевой промышленности, которые используют побочные продукты производства мукомольной промышленности. В преддверии ожидавшегося в США экономического кризиса деловые круги северо-западных штатов (вплоть до Калифорнии) были обеспокоены возможностью сокращения объема экспорта традиционных товаров в страны Дальнего Востока. Поэтому сенатор Магнусон предложил, чтобы не менее 75% от общего объема поставок зерновых продуктов в Китай шло в виде муки, причем контроль за соблюдением этого соотношения следовало возложить на администрацию плана помощи Китаю.

Немногочисленная группа конгрессменов, критиковавшая обсуждаемый законопроект слева, протестовала против помощи любого рода правительству Чан Кай-ши. Демократ Блэтник назвал решение комиссии по иностранным делам палаты представителей об оказании военной поддержки гоминьдану трагическим поворотом от китайской политики покойного Рузвельта. Он говорил, что забор, который стремились воздвигнуть в Китае республиканские лидеры конгресса, не спасет феодальный режим Чан Кай-ши от нараставшего потока революции. Конгрессмен Садовски (от штата Мичиган) резко критиковал тех, кто стремился скрыть позорные военные расходы под так называемой «помощью бедным китайцам и грекам».

Сенатор-демократ Пеппер подверг критическому разбору содержание экономического раздела законопроекта. Согласно плану, предусматривалось поставить в Китай 225 тыс. тонн зерновых продуктов. 451 300 тонн риса, 75 тыс. кип хлопка, 25 198 тыс. баррелей нефти и нефтяных продуктов, 40 тыс. тонн растворимых фосфатных удобрений, 84 500 тыс. фунтов табака и т. д.[36]). Пеппер назвал эту помощь времен-

[35]) C. R., vol. 94, Pt. 3, p. 3692.

[36]) Ibid., p. 3701. Г. В. Астафьев отмечает, что экономическая помощь США Китаю преследовала ограниченные цели. См.: Г. В. Астафьев. Интервенция США в Китае и ее поражение (1945—1949). М., 1958, с. 426—427.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ной мерой, поскольку то, что предполагалось поставить в Китай, не могло, в действительности, существенно поддержать китайскую экономику. «Табак скоро будет исчерпан. Удобрения попадут в почву и растворятся. Другие товары исчезнут через несколько месяцев», — замечал сенатор [37]).

Предложение, с которым выступил сенатор-демократ Пеппер, вызвало аплодисменты на галереях зала заседаний сената. Оно заключалось в том, чтобы США потребовали от гоминьдановского правительства соблюдения основных черт демократии. И только в том случае следовало предоставить помощь Китаю, если американцы будут убеждены, что поставленные требования выполняются. Однако республиканское большинство в конгрессе проявило немалую склонность к тому, чтобы сорвать даже эти слабые усилия, направленные на то, чтобы заставить правительство Чан Кай-ши провести некоторые реформы.

В конце дебатов противники объединения «помощи» Китаю с «европейской восстановительной программой» предприняли попытку исключить этот законопроект из плана Маршалла. 31 марта 1948 г. член палаты представителей Ричардс внес поправку, предлагавшую рассмотреть отдельно законопроект о помощи Китаю, как это было сделано сенатом. Довод, который приводил Ричардс, мотивируя свое предложение, заключался в том, что у конгрессменов имелось слишком мало времени в распоряжении, чтобы детально обсудить положение в Китае. Поправку Ричардса поддержал демократ Кэррол, заметивший, что в ходе обсуждения законопроекта в палате представителей во многих случаях «мудрость и благоразумие были пущены на ветер» [38]). Демократ Селлер выразил надежду, что на предстоящем совместном обсуждении в конгрессе члены сената откажут в помощи Чан Кай-ши и Франко, вернув конгрессменам план Маршалла «чистым и здоровым». Против поправки Ричардса выступил представитель от штата Пенсильвания Фултон, выразивший недоумение по поводу действий конгрессменов-демократов. Он заявил: «Демократическая партия в конгрессе пытается исключить программу, специально посланную государственным секретарем США комиссии по иностранным делам. Я не понимаю это» [39]). Джадд также отверг поправку, доказывая, что включение помощи гоминьдану в план Маршалла «скорее усилит и поддержит программу европейского восстановления».

Сторонники европейской ориентации, пытаясь склонить конгрессменов на сторону поправки Ричардса, сулили разработать проект четырехгодичной помощи Китаю, аналогичный плану Маршалла для Европы. Обещалось тщательное изучение любого проекта программы «помощи» Китаю в свете условий на Тихом океане. Однако посулы не прельстили прочанкайшистски настроенных конгрессменов, которые добивались принятия незамедлительных мер для спасения реакционного буржуазно-помещичьего режима в Китае. Поправка Ридчарса была отвергнута 113 голосами против 31 [40]).

Как отмечалось, законопроекты сената и палаты представителей отличались друг от друга степенью ответственности, которую они налагали на правительство США в решении военного вопроса в Китае. Это различие было сглажено на совместном заседании конгресса. Согласно Закону о «помощи» Китаю, принятому конгрессом США 2 апреля 1948 г., правительству Чан Кай-ши предоставлялось 463 млн. долл.,

[37]) C. R., vol. 94, Pt. 3, p. 3701.
[38]) Ibid., p. 3871.
[39]) Ibidem.
[40]) Ibid., p. 3873.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

из них 338 млн. долл. — на экономические нужды. Остальные 125 млн. долл. предназначались на военные расходы и предоставлялись гоминьдану в виде «дара», т. е. был сохранен стиль сенатского законопроекта, с тем чтобы попытаться замаскировать военную помощь. Таким образом, Закон о «помощи» Китаю был включен в план Маршалла, став составной частью «Закона о помощи иностранным государствам 1948 г.», который подвел финансовую основу под план Маршалла, использовавшийся американским империализмом для борьбы с революционным и коммунистическим движением.

Анализ хода дебатов в конгрессе США по названному вопросу дает возможность сделать вывод о том, что руководящие круги правящих американских партий были едины в своем стремлении удушить революционное движение в Китае. Однако между ними имелись определенные расхождения по вопросу о путях борьбы с революцией. Американские дипломаты знали о той ненависти, которую испытывал китайский народ к продажному режиму Чан Кай-ши, терпевшему поражение от Народно-освободительной армии Китая. В таких условиях агрессивно настроенная группа лидеров республиканской партии, выступавших под лозунгом «Азия прежде всего», добивалась более крупной военной помощи США гоминьдану. Тем не менее правительство президента Трумэна, активно поддерживавшее китайскую контрреволюцию, опасалось прямого вовлечения США в военные действия в Китае. Большую сдерживающую роль в то время сыграла позиция Советского Союза, твердо выступавшего против вмешательства империалистических держав во внутренние дела Китая.

6. Заказ 2922.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 265 Серия историческая

В. С. ШУТОВ

ОБСУЖДЕНИЕ ВОПРОСА О ПОСЛЕВОЕННОЙ ПОЛИТИКЕ В ГЕРМАНИИ В ПРАВЯЩИХ КРУГАХ США в 1943—1944 гг.

Проблема послевоенной политики в Европе стала обсуждаться правящими кругами США уже в первые годы второй мировой войны. В решение этой задачи были вовлечены президент, обе палаты конгресса, многие учреждения исполнительной власти, включая государственный департамент, а также руководство вооруженных сил.

В государственном департаменте в январе 1940 г. была создана Совещательная комиссия по проблемам внешней политики под председательством заместителя государственного секретаря С. Уэллеса. Год спустя в помощь Совещательной комиссии был создан отдел специальных исследований для сбора и анализа информации о послевоенных планах союзных и нейтральных правительств [1]).

В мае 1942 г. начала работу созданная правительством президента Ф. Рузвельта Совещательная комиссия по проблемам послевоенной внешней политики, в которую вошли представители госдепартамента и других министерств, эксперты, а также представители от обеих палат конгресса. Введение членов конгресса в Совещательную комиссию должно было обеспечить политическое планирование на двухпартийной основе, а в будущем гарантировать поддержку конгрессом послевоенной внешней политики США. Члены комиссий по иностранным делам сената и палаты представителей стали постоянными участниками совещаний в государственном департаменте [2]).

В правящих кругах США имелись влиятельные силы, выступавшие против полного разгрома фашистской Германии. Они доказывали, что уничтожение германского милитаризма не соответствует американским интересам. Такой точки зрения придерживалось руководство Управления стратегических служб (орган американской разведки). Реакционные круги в США стремились к сделке с немецкой буржуазией при условии устранения Гитлера и других главарей нацизма от власти. Руководители американской разведки решили способствовать деятельности верхушечной «генеральской» оппозиции Гитлеру в Германии с тем, чтобы после устранения Гитлера от власти заключить с новым немецким правительством сепаратный мир [3]).

Однако президент Ф. Рузвельт считал, что заключение сепаратного мира с Германией не соответствует интересам США и не может быть достигнуто в связи со все возрастающей ролью Советского Союза в борьбе против фашистской Германии. Как пишет, основываясь на своих на-

---

[1]) Р. Заллет. Дипломатическая служба. М., 1956, с. 298—300.

[2]) N. A. Graebner (ed.). An Uncertain Tradition. American Secretaries of State in the Twentieth Century. New York—Toronto—London, 1961, p. 207.

[3] J. de Launau. Secret Diplomacy of Warld War 11. N. Y., 1963, pp. 66—70.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

блюдениях, Р. Шервуд, Ф. Рузвельт «никогда серьезно не рассчитывал на возможность краха гитлеровской Германии «в результате какого-либо восстания германских генералов». Он полагал, что США смогут достичь выгодного для себя решения германской и других проблем в Европе только в результате «полной победы». 16 июля 1942 г. в инструкции американским дипломатам в Лондоне Ф. Рузвельт указывал, что «общей целью Объединенных Наций должен быть разгром держав оси. Никаких компромиссов по этому вопросу быть не должно». Достижение мира «путем переговоров» и «компромисса с нацизмом» исключалось. В связи с этим президент поддержал принцип «безоговорочной капитуляции» Германии, который должен был укрепить антигитлеровскую коалицию. Этот принцип был провозглашен на англо-американской конференции в Касабланке в январе 1943 г. Ф. Рузвельт считал, что германскую военную мощь следует уничтожить, а Германию расчленить на несколько государств. Промышленность Германии нужно будет контролировать и инспектировать, чтобы «исключить возможность тайного перевооружения» и «гарантировать себя от новой агрессии» с ее стороны [4]).

Правительство США наряду с планами политического урегулирования вырабатывало основы американской послевоенной экономической политики. Планированием послевоенных экономических программ занялся созданный в ноябре 1942 г. правительственный отдел помощи и восстановления во главе с бывшим губернатором штата Нью-Йорк Г. Лименом. Как пишет американский автор У. Макнейл, требовалось определить роль побежденной Германии в будущей реконструкции так, чтобы она наилучшим образом соответствовала американским интересам, — задача, которую осложнял главный вопрос, мучивший политиков: «Каково будущее большого союза?», «Какую позицию следует занять по отношению к СССР?» [5]).

Героическая борьба советского народа, продемонстрировавшая силу советского строя, заставила правительство США изменить свои взгляды на роль СССР в послевоенном урегулировании в Европе. В начале июня 1942 г. ближайший советник Ф. Рузвельта Г. Гопкинс в письме американскому послу в Лондоне Вайнанту вынужден был признать: «Мы попросту не можем организовать мир вдвоем с англичанами, не привлекая русских в качестве равноправных партнеров».

Разгром немецких войск под Сталинградом свидетельствовал о неизбежном поражении фашистской Германии. «Завершение грандиозной русской победы в Сталинграде, — пишет Р. Шервуд, — изменило всю картину войны и перспективы ближайшего будущего... Россия стала в ряды великих мировых держав, на что она давно имела право по характеру и численности своего населения. Рузвельт понял, что должен теперь заглянуть в более отдаленное будущее, чем военная кампания 1943 года, и заняться рассмотрением послевоенного мира» [6]).

В правительстве США развернулось энергичное обсуждение послевоенных проблем. Ф. Рузвельт, Г. Гопкинс, заместитель государственного секретаря С. Уэллес, министр финансов Г. Моргентау и другие считали необходимым укреплять антигитлеровскую коалицию и путем переговоров добиться выгодного для США урегулирования послевоенных проблем.

---

[4]) Р. Шервуд. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. II, М., 1958, с. 176, 194, 233, 354, 358, 380—381, 386, 487.

[5]) W. H. McNeil. America, Britain and Russia. Their Co-Operation and Conflict, v. III, London — New York — Toronto, 1953, pp. 313—315.

[6]) Р. Шервуд. Указ. соч., с. 202, 362.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Многие из советников Ф. Рузвельта, однако, выступили против дальнейшего развития сотрудничества с СССР в антигитлеровской коалиции и требовали, чтобы американские планы носили «антирусский характер». Стремясь предотвратить усиление Советского Союза в послевоенный период, ближайший советник президента У. А. Гарриман, американский посол в Москве адмирал У. Стендли и другие призвали американское правительство сократить поставки по ленд-лизу СССР и занять по отношению к нему «жесткую позицию». Это требование поддержали многие руководители вооруженных сил и госдепартамента США. К. Хэлл выступил против всяких переговоров с Советским Союзом по вопросам послевоенного урегулирования.

Усилили свою деятельность, как о том пишет Дж. Барнс, «консервативный конгресс, окопавшиеся лобби и организованный капитал», которые наряду с сенатской комиссией по иностранным делам во главе с сенатором А. Ванденбергом «контролировали» действия президента. Весной 1943 г. А. Ванденберг был занят изучением различных высказываний конгрессменов по вопросам послевоенного урегулирования и высказал при этом чрезвычайную заинтересованность в восстановлении антисоветского санитарного кордона в Восточной Европе.

В январе 1943 г. в Вашингтоне уже начались споры по поводу термина «безоговорочная капитуляция». Руководители госдепартамента и военного министерства, хотя открыто и не возражали против принципа полного поражения противника, увидели в нем крупнейшую «пропагандистскую ошибку», которая усиливает отчаянное сопротивление немцев, излишне удлиняет войну и увеличивает издержки. Руководители разведки и их единомышленники «решительно выступили против самого принципа» полного разгрома Германии, полагая, что это уменьшит возможности США в будущей борьбе против Советского Союза. Они утверждали, что политика «безоговорочной капитуляции» подрывает сопротивление Гитлеру внутри Германии» со стороны генералов-заговорщиков и «создает вакуум силы в Центральной и Восточной Европе, который может быть заполнен русскими» [7]).

Госдепартамент выступил за мягкое обращение с нацистами после войны, против судебного процесса над Гитлером и его приспешниками, на чем настаивал Ф. Рузвельт. К. Хэлл предлагал «получить в свои руки тех, кто должен быть расстрелян, и сделать это без шума». Часть руководителей госдепартамента выступила против ослабления Германии путем расчленения. К. Хэлл утверждает в мемуарах, что был «с самого начала против расчленения Германии», как «фатального для европейской стабильности» [8]).

В США раздались громкие требования обеспечить «справедливый мир», исходившие от так называемых «друзей Германии» — представителей делового мира, вложившего капиталы в немецкую промышленность и поддерживавшего фашизм. Выражая мнение капиталистов, один из руководителей «старой гвардии» республиканской партии бывший президент Г. Гувер выступил против «победы, которая сопровождалась бы местью», против наказания нацистов и выплаты Германией репараций. Д. Даллес в книге «Шесть столпов мира», вышедшей в марте 1943 г., выдвинул и обосновал идеи о необходимости послевоенного сотрудни-

[7]) М. Мэтлофф. От Касабланки до «Оверлорда». М., 1964, с. 354, 355; J. M. Burnes. Roosevelt. The Soldier of Freedom. 1940—1945. N. Y., 1970, pp. 358—359, 365, 387—388; C. Hull. Memoirs, v. II. N. Y., 1948, pp. 1171, 1254—1255; Р. Шервуд. Указ. соч., с. 356—357, 371, 558; N. A. Graebner (ed.). Op. cit., p. 206; W. A. Williams. American—Russian Relations. N. Y., 1952, p. 266; R. Dallek (ed.). The Roosevelt Diplomacy and World War II. N. Y., 1970, p. 89.

[8]) Р. Шервуд. Указ. соч., с. 385; C. Hull. Op. cit., p. 1287.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

чества США с Германией и Японией. Его поддержал Ч. Тафт, член президентской тройки по контролю над военной помощью, который доказывал, что «Германия и Япония должны стать партнерами Объединенных Наций в послевоенном восстановлении. Мы не должны ненавидеть наших противников из лагеря «оси». Нужно после войны как можно скорее «ликвидировать у немцев и японцев чувство собственной неполноценности» [9]).

В условиях обострения политической борьбы президент Ф. Рузвельт занял неопределенную, выжидательную позицию. Однако, по мнению Дж. Бирнса, такая позиция имела свои недостатки. «Проблема заключалась не просто в оттягивании планирования и отказе вопреки совету» лидера левого крыла республиканской партии У. Уилки создать механизм для сотрудничества США и СССР в решении послевоенных проблем, не дожидаясь окончания военных действий. «Наиболее серьезной проблемой была проблема политической борьбы». Отказ Ф. Рузвельта возглавить движение за достижение прочного мира «ограничивал его шансы» в борьбе с коммунистами, которые стремились к революционному переустройству мира, — пишет Дж. Барнс. Г. Гопкинс заявил, что победы Советского Союза ставят под угрозу само существование капитализма в Европе, и призвал побыстрее открыть второй фронт во Франции. Правительство США почувствовало острую необходимость достигнуть договоренности с СССР и Англией о зонах оккупации, о том, «где армии должны находиться, особенно в том случае, если Германия потерпит крах до того, как американцы и англичане глубоко проникнут во Францию», а также о характере администрации для оккупированной Германии. Г. Гопкинс предложил создать единый фронт США и Англии в переговорах с Советским Союзом. Госдепартамент должен был выработать соответствующие планы [10]).

В марте 1943 г. Ф. Рузвельт и К. Хэлл решили, что наступило время «начать серьезное изучение вопроса» о политике по отношению к Германии непосредственно после окончания военных действий. Президент поручил К. Хэллу и Г. Стимсону выяснить с англичанами «вопрос, каковы должны быть наши планы в отношении Германии и Италии в течение нескольких месяцев после краха Германии», чтобы иметь что-нибудь в руках при переговорах с СССР по урегулированию германской проблемы. Обсуждение вопросов послевоенной политики и ее планирование вступили в новую стадию. Правительство США усилило работу, направленную на поиски решения послевоенных проблем. В госдепартаменте и военном министерстве, в переговорах с английскими представителями в течение нескольких месяцев интенсивно обсуждался и разрабатывался план оккупации Германии.

Американские стратеги в 1943 г. серьезно задумались над тем, как предотвратить усиление Советского Союза в послевоенный период. Многие «эксперты и в госдепартаменте и в армии» выдвинули планы предотвращения «русского господства в Европе» в соответствии с широко распространившимся в это время в правящих кругах западных держав мнением, что «германская агрессивная мощь уничтожена» и что естественным следствием дальнейшего разрушения милитаристской машины Германии «будет установление подавляющего военного превосходства Красной Армии» в Европе. Однако, пишет А. Армстронг,

---

[9]) Hoover H. and Gibson H. The Problems of Lasting Peace. N. Y., 1943, p. 247; И. Стоун. Закулисная история войны в Корее. М., 1953, с. 41; «New York Times», February 8, 1943.

[10]) J. M. Burnes. Op. cit., pp. 359—361, 365, 387—388; Р. Шервуд. Указ. соч., с. 385.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

требования этих экспертов «не повлияли на политику», и их планы «не были приведены в действие» правительством США [11]).

Коренной перелом, достигнутый в ходе второй мировой войны на советско-германском фронте в 1943 г., выдающиеся успехи советских вооруженных сил постепенно заставили большинство представителей правящих кругов США осознать громадную мощь Советской страны и привели их к выводу, что необходимо укреплять сотрудничество с СССР для нанесения полного военного поражения Германии.

Осенью 1943 г., пишет М. Мэтлофф, «американские военные руководители признали необходимость улучшения сотрудничества с СССР». Посол У. Стендли был отозван из Москвы, вместо него был послан А. Гарриман с целью «познакомиться с советскими планами и установить более тесное сотрудничество в войне с Германией», а также «для привлечения Советского Союза к участию в войне на Тихом океане» [12]). На переговорах в Квебеке (Канада) между руководителями правительств США и Англии в августе 1943 г. Г. Гопкинс имел с собою документ, подготовленный руководством военного министерства, произведшего новую переоценку роли Советского Союза после победы советских войск под Курском. В этом документе указывалось, что СССР «является решающим фактором в войне» и «по окончании войны будет занимать господствующее положение в Европе». Вследствие этого, а также потому, что помощь Советского Союза будет необходима для победы на Тихом океане, ему «надо оказывать всяческую помощь» и развивать с ним «самые дружественые отношения». Этой оценкой США руководствовались, когда принимались решения на Московской конференции, в Тегеране и позже — в Ялте. Военные руководители также считали, что США после войны должны будут опираться при решении европейских проблем на Великобританию [13]).

В правящих кругах США в это время широко обсуждались планы расчленения Германии. При этом выдвигались различные аргументы за и против. Победило «общее настроение в пользу расчленения», хотя многие опасались, что это уменьшит возможности использования Германии в борьбе против СССР [14]). Официальные предложения Совещательной комиссии по вопросам послевоенной политики, выработанные к 1943 г., предусматривали расчленение Германии на несколько государств. В ходе переговоров с английским министром иностранных дел А. Иденом в марте 1943 г. Ф. Рузвельт предложил расчленить Германию. А. Иден согласился с позицией американского президента в вопросе о будущем Германии, но заявил, что в таком случае желал был видеть Францию «сильным в военном отношении государством, могущим в сочетании с Великобританией послужить противовесом России», — пишет У. Макнейл. На первой Квебекской конференции в августе 1943 г. делегации США и Англии подтвердили свое намерение расчленить Германию [15]).

4—6 октября 1943 г. президент и государственный секретарь тщательно обсудили рекомендации госдепартамента по германскому вопросу, которые К. Хэлл намеревался представить на конференции министров иностранных дел СССР, США и Англии в Москве (19—30 октября 1943 г.). Госдепартамент, исходя из принципа «безоговорочной капитуляции», предлагал условия такой капитуляции и меры по деми-

[11]) C. Hull. Op. cit., pp. 1284—1285, 1287; R. Dallek (ed.). Op. cit., pp. 94—95.
[12]) М. Мэтлофф. Указ. соч., с. 360, 361.
[13]) Р. Шервуд. Указ. соч., с. 431—432; R. Dallek (ed.) Op. cit., p. 73.
[14]) C. Hull. Op. cit., pp. 1284—1285, 1287; R. Dallek (ed.). Op. cit., pp. 94, 95.
[15]) W. H. Mc Neil. Op.cit., p. 320.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

литаризации и демократизации Германии, децентрализации ее политической структуры и управлению ею с помощью межсоюзнического механизма. Руководители госдепартамента стремились сохранить военно-промышленный потенциал Германии, ее вооруженные силы. Предусматривалось оказание помощи побежденной Германии с целью предотвращения революции. Планы не содержали каких-либо предложений о действительной демократизации Германии. Выдвигалось требование установить в Германии буржуазную «демократию на широкой основе», обеспечить «вполне удовлетворительный уровень жизни», принять лишь ограниченные меры контроля над немецкой военной промышленностью. Госдепартамент призывал добиться «единства целей и политики американского, британского и советского правительств».

Несколько позже госдепартаментом было выдвинуто предложение, чтобы Германия выплатила репарации и сделала это не деньгами, а в виде услуг и товаров в течение времени, которое займет первый этап европейского восстановления. Репарации не должны были рассматриваться в качестве основного инструмента контроля над немецкой военной мощью, размер их не должен был быть слишком велик с тем, чтобы сохранить промышленность Германии в качестве одной из основ «экономического и политического порядка» в послевоенном мире.

Ф. Рузвельту слишком «мягкий» подход госдепартамента к военно-промышленному потенциалу Германии показался неправильным. Он категорически высказался за расчленение немецкого государства и выплату им репараций в виде рабочей силы и промышленного оборудования [16]).

19—30 октября 1943 г. в Москве по предложению советского правительства была созвана первая за время войны конференция министров иностранных дел СССР, США и Англии, решениями которой, в частности, были подтверждены обещания Ф. Рузвельта и У. Черчилля об открытии второго фронта в 1944 г., отклонены в результате позиции СССР предложения К. Хэлла и А. Идена о расчленении Германии, создана Европейская консультативная комиссия (ЕКК) для выработки согласованной политики трех великих держав в вопросах европейского урегулирования. США неохотно пошли на создание ЕКК, ибо это противоречило их желанию сохранить за собой право единолично решать послевоенные европейские политические вопросы.

Руководители США решили опираться на армию при проведении своей политики в Германии. Так, 10 ноября 1943 г. Ф. Рузвельт пришел к выводу, что «военные организации будут ответственны за работу по оказанию помощи в течение приблизительно восьми месяцев» после разгрома Германии. Впоследствии США и Англия объединились, создав при англо-американском штабе Отдел гражданских дел «для оказания помощи и других действий в отношении гражданского населения освобожденных и завоеванных наций». Большинство членов палаты представителей и сената конгресса, поддерживавших участие США в будущей Организации Объединенных Наций, хотели, чтобы эта организация «обязывала» американское правительство «применить военную силу при чрезвычайных обстоятельствах» [17]). На конференции глав правительств СССР, США и Англии в Тегеране (28 ноября—1 декабря 1943 г.) Ф. Рузвельт выразил уверенность, что ООН сможет предотвратить повторение тайного перевооружения Германии, если будет иметь в своем распоряжении в Европе английскую и русскую пехоту и американские суда и самолеты.

[16]) C. Hull. Op. cit., pp. 1265, 1266, 1284—1287, 1304.
[17]) W. H. Mc Neil. Op. cit., p. 315; Р. Шервуд. Указ. соч., с. 530—531.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

На Тегеранской конференции, на которой впервые за годы войны встретились И. В. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль, обсуждались военные вопросы и проблемы послевоенного устройства мира, в частности, германский вопрос. К этому времени стало очевидно, что Советский Союз может победить Германию собственными силами. Это, а также настойчивость советского правительства, стремившегося к скорейшему окончанию войны с наименьшими жертвами, вынудило руководителей США и Англии указать окончательную дату открытия второго фронта во Франции — май 1944 г. Советская делегация заявила, что СССР вступит в войну с Японией после капитуляции Германии. Советский Союз отклонил предложения Ф. Рузвельта и У. Черчилля о расчленении Германии.

Конференция явилась вкладом в укрепление антигитлеровской коалиции. В результате позиции советской делегации, выступившей за принятие решительных мер, которые исключили бы опасность возрождения германского милитаризма и повторение агрессии, на конференции была принята «Декларация трех держав», в которой указывалось, что СССР, США и Англия исполнены решимости «работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время». Были согласованы планы «уничтожения германских вооруженных сил» и установления такого мира, который «устранит бедствия и ужасы войны на многие поколения»[18]).

Вступление войны против Германии в 1944 г. в решающую фазу явилось причиной активизации обсуждения в правительстве США германского вопроса, связанного с общими проблемами послевоенного урегулирования. В это время в правительстве Ф. Рузвельта с особой отчетливостью выявились две точки зрения на послевоенное устройство. «Вильсонианцы», как их называет А. Шлезингер, предлагали добиваться «открытого, единого мира», а сторонники раздела послевоенного мира на«сферы влияния» считали, что США должны создать для себя выгодное равновесие сил, которое обеспечило бы им «национальную безопасность».

Возглавляли лагерь «вильсонианцев» Ф. Рузвельт, К. Хэлл, С Уэллес, А. Берли, У. А. Гарриман, Д. Даллес, Ч. Болен и другие. Они стремились распространить доктрину «открытых дверей» не только на Азию, но и на Европу, сохранив в то же время «доктрину Монро». Для послевоенной Европы ими планировалась политика, похожая на ту, которая проводилась Соединенными Штатами в Западном полушарии и называлась политикой «доброго соседа». Они пропагандировали свое отрицание «сфер влияния» на том основании, что системы международных отношений, основанные на равновесии сил, нестабильны и в прошлом всегда несли в себе зерна войны, заставляли нации перенапрягаться, вовлекая их в гонку вооружений, а также приводили к созданию «закрытых торговых районов», мешая утвердить принципы свободной торговли, низких тарифов и доктрины «открытых дверей».

Сторонники же системы «равновесия сил», такие как военный министр Г. Стимсон, вице-президент США Г. Уоллес, Дж. Кеннан, бывший в то время работником посольства США в Москве, и другие сомневались в том, что Соединенные Штаты смогут заполнить вакуум, который образуется в случае лишения Англии и других капиталистических держав их традиционных сфер влияния.

И «вильсонианцы» и их оппоненты были едины в стремлении сохранить капитализм в Центральной Европе независимо от степени влияния

---

[18]) «Тегеран, Ялта, Потсдам». Сборник документов. М. 1971, с. 60, 98.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Советского Союза в Восточной Европе. Вопрос состоял в том, каким образом наиболее полно обеспечить империалистические интересы США в Европе, лишить советский народ плодов своей победы в Великой Отечественной войне.

В условиях, когда роль Советского Союза как великой державы неуклонно возрастала, Ф. Рузвельт в течение войны тщетно пытался найти способ «уменьшить роль великих держав, стремясь расширить принципы Антлантической хартии», проведение которых в жизнь должна была обеспечить будущая Организация Объединенных Наций. Однако действительность заставила президента, все еще продолжавшего провозглашать «мир между народами, расширяющуюся торговлю и открытые рынки» в качестве основы благосостояния США, выбрать средний путь, который привел его к признанию и «сфер влияния и роли ООН»[19]).

В конце 1943 г. Ф. Рузвельт доверительно сообщил архиепископу Ф. Спеллману, что будет стремиться к разделу мира «на сферы влияния: Китай получит Дальний Восток, США — Тихий океан, Британия и Россия — Европу и Африку». США, полагал президент, будут иметь после войны мало влияния на европейском континенте и Советский Союз, вероятно, будет «преобладать в Европе». Он считал, как о том пишет Б. Бернштейн, что «европейские страны будут вынуждены претерпеть огромные изменения с тем, чтобы адаптироваться к России», но и сами повлияют на общественный строй СССР, который через десять, двадцать лет также изменится. В 1944 г. Рузвельт признал установление сфер влияния в Европе, — считает Б. Бернштейн[20]).

К. Хэлл упрекал Ф. Рузвельта за его склонность к признанию «сфер влияния», но сам же предлагал усилить гоминьдановский Китай, чтобы заполнить «вакуум», который образуется в связи с поражением Японии на Дальнем Востоке, в Европе — восстановить Францию с тем, чтобы она заняла традиционное место в системе континентальных государств, а что касается Германии — не разрушать ее военно-промышленный потенциал. Все это в той или иной мере соответствовало стремлению восстановить или создать «европейское равновесие сил», отведя США, конечно, роль «балансира»[21]).

Особенно острые разногласия по вопросу о послевоенной политике США в Германии выявились летом 1944 г. Одни полагали, что экономику Германии следует восстановить под контролем США — в противном случае пострадает экономика капиталистической Европы и мира в целом. Они отвергали доктрину коллективной вины немецкого народа и протестовали против планов наказания всех немцев « за преступления руководителей государства». Другие утверждали, что промышленная Германия всегда будет представлять опасность, защищали тезис о «тотальной виновности» и выступали за наказание всего немецкого народа. В правительстве США за суровое обращение с побежденной Германией выступили министр финансов банкир Г. Моргентау и его помощник Г. Уайт. Их поддерживал Б. Барух, видный представитель финансового капитала. К. Хэлл, как пишет Д. Макками, колебался, «временами склонен был одобрить карательную политику, временами — более мягкую»[22]). В конце концов после многочисленных консультаций с военным министерством госдепартамент остановился на тех рекомендациях, ко-

[19]) R. Dallek (ed.). Op. cit., pp. 72, 78—80, 85—87.
[20]) B. J. Bernstein (ed.). Politics and Policies of the Truman Administration. Chicago, 1970, pp. 18, 19.
[21]) N. A. Graebner (ed.). Op. cit., p. 205—206.
[22]) J. L. McCamy. Administration of American Foreign Affairs. N. Y., 1950, p. 136; J. M. Burnes. Op. cit., p. 520.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

торые уже обсуждались К. Хэллом и Ф. Рузвельтом перед Московской конференцией в октябре 1943 г.[23]).

Военный министр Г. Стимсон считал, что следует наказать нацистских руководителей, уничтожить германскую армию и, возможно, разделить Германию, но он не хотел уничтожать сырье и промышленные предприятия, имевшие, по его мнению, решающую роль в европейском восстановлении. В 1944 г. в брошюре «Что должно быть сделано в отношении Германии после войны» военное министерство призвало к возможно более быстрому и полному восстановлению производственных мощностей Германии[24]). Объединенный комитет начальников штабов представил президенту меморандум 1067 в качестве основы для выработки директивы американским оккупационным властям в Германии. Меморандум рекомендовал «мягкое обращение» с побежденной Германией.

В течение нескольких недель Г. Моргентау, К. Хэлл и Г. Стимсон обсуждали вопрос, что делать с Германией после ее капитуляции. Они не пришли к единому мнению. К. Хэлл и Г. Стимсон считали предложение Г. Моргентау «слишком суровым», а министр финансов отвергал планы государственного секретаря и военного министра как «слишком мягкие»[25]).

Ф. Рузвельт надеялся достичь американских целей в Европе без опоры на возрожденную милитаристскую Германию. Он придерживался точки зрения, что все немцы виноваты в преступлениях нацистского режима и должны быть наказаны. 26 августа 1944 г. он направил меморандум Г. Стимсону и К. Хэллу, в котором протестовал против инструкций, изложенных в брошюре военного министерства «Что должно быть сделано в отношении Германии после войны». Дж. Бирнс, впоследствии ставший государственным секретарем США, вспоминает, что в конце августа 1944 г. Ф. Рузвельт, обсуждая в Белом доме послевоенную политику, резко высказался против планов «мягкого мира» для Германии, выдвинутых госдепартаментом[26]).

В июне 1944 г. был открыт второй фронт. К сентябрю 1944 г., когда армии западных союзников продвинулись к границам Германии, еще более остро назрела необходимость дать генералу Д. Эйзенхауэру конкретную директиву об американской политике по отношению к Германии. 1 сентября 1944 г. президент создал правительственную комиссию по Германии из представителей государственного департамента, военного и финасового министерств. Возглавил комиссию Г. Гопкинс, которому Ф. Рузвельт поручил в течение последующих нескольких недель заниматься только германским вопросом и приготовить для генерала Д. Эйзенхауэра директиву по послевоенной политике. В этой комиссии вновь проявились те разногласия, которые всплывали и раньше.

Госдепартамент следующим образом сформулировал основные цели экономической политики США в Германии: понижение уровня жизни до уровня, позволяющего немцам выжить; уничтожение немецкого экономического господства в Европе; создание такой зависимости немецкой экономики от импорта и экспорта, которая предотвратила бы возможность выпуска военной продукции собственными силами. Это бы позволило Соединенным Штатам сохранить военно-промышленный потенциал Германии, установив над ним свой контроль.

---

[23]) C. Hull. Op. cit., p. 1602.
[24]) J. M. Burnes. Op. cit., p. 520; Н. Н. Иноземцев. Американский империализм и германский вопрос (1945—1954). М., 1954, с. 20.
[25]) J. M. Burnes. Op. cit., p. 519; C. Hull. Op. cit., pp. 1602, 1606.
[26]) J. F. Byrnes. Speking Frankly. New-York—London, 1947, p. 182.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Госдепартамент указывал, что США не имеют прямой заинтересованности в получении репараций с Германии. Он советовал занять гибкую позицию в вопросе о репарациях, от решения которого, по мнению американских дипломатов, зависело восстановление СССР, Англии и ряда малых государств. Госдепартамент предостерегал от уступок в вопросе о территориальных изменениях, пока не выяснена ситуация в Европе, внутри Германии, а также позиции СССР и Англии.

Планы военного министерства почти не отличались от планов госдепартамента. Они предусматривали разделение Германии или децентрализацию ее политической структуры, установление контроля над немецкой восстановленной промышленностью. Позиция, занятая госдепартаментом и военным министерством, соответствовала стремлению определенных групп в правящих кругах США использовать промышленность и население Германии для установления американского господства в Европе. Вместе с тем их планы провозглашали некоторые общие демократические положения, которые впоследствии нашли свое отражение в Потсдамских соглашениях.

План министерства финансов, выдвинутый в противовес планам К. Хэлла и Г. Стимсона, предлагал «уменьшить или расчленить Германию, демонтировать и вывезти или уничтожить все заводы и оборудование, закрыть шахты» и в Руре и Сааре, «установить контроль над образованием и печатью»[28]). План был направлен на установление американского господства в Европе путем устранения Германии как конкурента на мировых рынках посредством «существенного сокращения» ее военно-промышленного потенциала. Одним из авторов его были министр финансов США Г. Моргентау, его помощник Г. Уайт, банкир Б. Барух.

Как писал американский журнал «Нейшн», уничтожением немецкой промышленности правящие круги США хотели бы также лишить Советский Союз возможности получения репараций с Германии в условиях, когда США были единственной страной, могущей предоставить кредиты для восстановления советской экономики, которой гитлеровская агрессия нанесла громадный ущерб[28]). «Для разрушенной войной советской экономики было только два возможных источника экономической помощи — американский заем и германские репарации», — указывает Б. Бернштейн и обращает внимание на то, что «трудность в достижении и проведении программы германских репараций была более тревожащей в длительной перспективе», нежели все другие вопросы, угрожавшие «непрочному союзу» великих держав во время войны.

Американское правительство во главе с Ф. Рузвельтом стремилось использовать экономические трудности СССР для обеспечения такого послевоенного урегулирования германской проблемы, которое было бы выгодным для монополистического капитала США, поэтому проблеме репараций в правящих кругах придавалось большое значение.

Г.Моргентау выступал против предоставления главнокомандующему американскими оккупационными войсками в Германии полномочий, позволяющих предпринимать шаги по созданию централизованного германского государства, пусть даже во имя обеспечения огромных репараций победителям из текущей продукции восстановленной немецкой промышленности. Поскольку уничтожение немецкой тяжелой промышленности лишало Советский Союз значительной части репараций, которые можно было бы получить в виде промышленной продукции, то

[27]) C. Hull. Op. cit., pp. 1602—1610.
[28]) «The Nation», March 18, 1944, p. 366.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Г. Моргентау предлагал президенту «купить» согласие СССР на превращение Германии в страну сельского хозяйства, заплатив кредитами. Они, по его мнению, имели то достоинство, что «привязывали Советы к американскому экономическому планированию». Г. Моргентау был уверен, что английские руководители также вынуждены будут одобрить идею «слабой Германии» взамен на экономическую помощь.

Ф. Рузвельт поддержал Г. Моргентау. Более того, он взял его с собой на Квебекскую конференцию, которая происходила 11—16 сентября 1944 г. Конференция была посвящена в основном вопросам войны в Европе и на Тихом океане. Ф. Рузвельт и У. Черчилль рассмотрели также некоторые вопросы послевоенного устройства Европы и решили вопрос о распределении между Англией и США зон оккупации в Германии. На этой конференции министр финансов изложил У. Черчиллю свой план, предлагающий уничтожение промышленности в Руре и Саарe, на оккупацию которых претендовала Англия. План Г. Моргентау не понравился премьер-министру, и он резко возразил против его принятия. У. Черчиль считал, что демонтаж немецких предприятий ослабит Германию и изменит равновесие сил в Европе в пользу Советского Союза, «тем более что промышленное оборудование могло попасть в советскую страну».

У. Черчилль и А. Иден полагали, что «сильная Германия могла бы быть частичным противовесом России и помогла бы восстановить равновесие сил, от которого традиционно зависела оборона Британии». У. Черчиллю хотелось иметь какой-нибудь «барьер между белыми снегами России и белыми скалами Дувра». У. Черчилль воспринимал возросшее влияние СССР как «неизмеримое несчастье» для «культуры и независимости древних государств Европы» и надежный противовес «подавляющей мощи» Красной Армии видел в сильной Британской империи, твердом англо-американском союзе и Объединенных Штатах Европы.

Ф. Рузвельт и Г. Моргентау оказали на У. Черчилля сильный нажим. Они воспользовались тем, что английский премьер-министр одну из своих главных целей в Квебеке видел в получении жизненно важной для Англии послевоенной экономической помощи со стороны США, и предложили кредит в 6 млрд. долл. в качестве задатка в обмен на принятие своего плана. У. Черчилль согласился, тем более что, как подчеркивал Г. Моргентау, принятый план обещал уничтожить торговое соперничество со стороны германской промышленности после войны, в чем чрезвычайно нуждалась отягощенная долгами экономика Британской империи.

15 сентября Ф. Рузвельт и У. Черчилль парафировали текст «свободно сформулированного» плана Моргентау, в заключительной части которого говорилось, что США и Англия преследуют цель «превратить Германию в страну прежде всего земледелия и животноводства».

А. Иден был крайне раздосадован результатами Квебекских переговоров: его особенно тревожила мысль, что лишение Германии значительной части тяжелой промышленности не только исключит возможность ее использования в борьбе против СССР на европейском континенте, но и обеспечит ресурсы для экономического восстановления Советского Союза, который мог получить часть германского промышленного оборудования.

Руководители государственного департамента также были недовольны. С экономической точки зрения решения, принятые в Квебеке, казались им «безумием». Они считали, что их реализация оставит большую часть Европы, пострадавшей от военных действий, без средств для экономического восстановления, а 40% немецкого населения — без

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

средств к существованию и превратит Германию в «обузу» для американских налогоплательщиков. Квебекская программа, доказывали они, вызовет «вечное сопротивление немцев», что может повлечь потерю тысяч американских солдат. Руководители США испытывали страх при мысли о возможных социальных последствиях ослабления системы капиталистического хозяйства — о революции. Преобладающим настроением в администрации Ф. Рузвельта была боязнь коммунизма в Западной Европе и расширявшегося влияния Советского Союза в Восточной Европе. Г. Моргентау, который пытался найти широкую поддержку своему плану в администрации, заключил после длительных споров со многими чиновниками, что они желают восстановления сильной Германии «как бастиона против большевизма» [29]).

20 сентября 1944 г. К. Хэлл на совместном заседании руководителей госдепартамента, военного министерства и министерства финансов назвал Квебекские решения «трагедией» и заявил, что «не считает дело оконченным». Он выразил протест против нарушения прерогатив госдепартамента министерством финансов. Особенно возмутил государственного секретаря тот факт, что, употребив экономические рычаги без его, Хэлла, санкции, президент не сделал при этом никакой попытки заставить У. Черчилля отказаться от системы имперских преференций. Представители министерства финансов дали понять, что расценивают действия президента как указание на то, что госдепартаменту следует консультироваться с министерством финансов не только по экономическим, но и по всем вопросам, касающимся Германии.

В конечном итоге представители госдепартамента, военного министерства и министерства финансов пошли на компромисс и выработали совместные рекомендации об обращении с Германией, которые К. Хэлл с неохотой формально одобрил несколько дней спустя [30]). Меморандум 1067 был изменен и некоторые его положения стали более жесткими. Представляет интерес та часть этого меморандума, которая касалась репараций. Будущий командующий американскими вооруженными силами в Германии должен был руководствоваться следующим указанием: «Не будет предпринято никаких действий при выполнении репарационной программы либо другим образом, направленных на поддержание основных жизненных условий в Германии или вашей зоне на более высоком уровне, нежели тот, который существует в какой-либо из соседних стран Объединенных Наций» [31]).

Экономические отделы госдепартамента «сделали предварительные подсчеты сумм, которые были необходимы для послевоенного восстановления Европы». Германия из этих расчетов была исключена [32]). Меморандумы госдепартамента президенту от 25 и 29 сентября 1944 г. предлагали 25—30-летний военный контроль в Германии, более жесткие по сравнению с ранее предлагавшимися ограничения для военной промышленности, более низкий, чем в соседних с немецким государством странах, уровень жизни.

Но компромисс не ослабил разногласий по вопросу о будущем немецкой промышленности. «Жесткие» положения можно было истолковать по-разному, чем и воспользовались противоположные стороны. Каждая отстаивала свою интерпретацию. Многие предлагали вообще изменить меморандум 1067.

---

[29]) B. J. Bernstein (ed.). Op. cit., pp. 5, 18, 21, 22, 114—115; C. Hull. Op. cit., pp. 1611, 1614, 1617; J. M. Burnes. Op. cit., p. 520; R. Dallek (ed.). Op. cit., p. 76.

[30]) C. Hull. Op. cit., pp. 1614—1616.

[31]) J. K. Pollok, J. H. Meisel. Germany Under Occupation. Michigan, 1947, p. 107.

[32]) J. L. McCamy. Op. cit., p. 32.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

К. Хэлл заявил президенту, что США и Англия не могут планировать политику в Германии без Советского Союза и что попытка сделать это чревата серьезными последствиями. «...Ни эксперты, ни соответствующие чиновники нашего правительства, ни президент, ни правительства других стран не имеют ничего общего» с выработкой плана Моргентау, который «бессмыслен», — указывал государственный секретарь и предупреждал, что если предложения Моргентау станут известны общественности и будут связаны с именем президента, это «принесет ему огромный политический вред». В мемуарах К. Хэлл пишет, что Ф. Рузвельт отказался признать, что Квебекские решения воплощают идеи Г. Моргентау: «Никто не хочет превратить Германию в страну полностью сельскохозяйственную... никто не хочет полного искоренения немецкой промышленной мощи в Руре и Сааре. Возможно, однако, установление в этих двух особых районах более полного контроля. Нельзя также забывать, что кроме Рура и Саара в Германии есть много других районов и возможностей для обеспечения большого экспорта».

Одной из целей США в Европе Ф. Рузвельт считал «спасение Британии от полного банкротства в конце войны» и усиление ее позиций за счет уничтожения конкуренции со стороны Германии. Восстановление же «потенциальной машины перевооружения» Германии наряду с полным подрывом британских экономических позиций «сделает возможной другую войну через двадцать лет. Простая инспекция заводов не предотвратит ее». К. Хэлл в ответ на это указывал, что само правительство Великобритании желает восстановить «сильную Германию».

Ф. Рузвельт отклонил требование К. Хэлла о достижении соглашения о Германии с СССР на том основании, что руководители советской страны будут, мол, все равно «поступать более или менее так, как им хочется» в оккупированной советскими войсками части Германии. «Я не думаю, — писал он государственному секретарю 29 сентября 1944 г., — что в настоящее время госдепартаментом или любым другим министерством будет достигнута какая-либо полезная цель путем зондирования британских и русских взглядов на то, как поступить с немецкой промышленностью».

Ф. Рузвельт был убежден, что отсутствие соглашения с Советским Союзом не должно препятствовать «переговорам с советским правительством о ленд-лизе», который «не имеет непосредственного отношения к будущему германской промышленности»[33]). Рекомендации А. Гарримана и его сторонников занять «жесткую позицию», прекратив поставки по ленд-лизу Советскому Союзу, были отклонены.

К. Хэлл летом 1944 г. вступил в переговоры с Д. Ф. Даллесом, советником по внешнеполитическим вопросам республиканского кандидата в президенты Т. Дьюи и достиг соглашения о «двухпартийном» подходе к внешнеполитическим вопросам[34]). Планирование политики по отношению к Германии тем не менее стало предметом межпартийной борьбы. Уже 21 сентября 1944 г. противники Ф. Рузвельта организовали «утечку информации» о плане Г. Моргентау. «Был пущен слух, что Рузвельт собирается демонтировать всю немецкую промышленность и превратить Германию в «картофельное поле» — предложение, которое американский историк А. Маттиас считает полностью относящимся к «области пропаганды». Этот слух был подхвачен геббельсовской пропагандой в Германии и так называемыми «друзьями Германии» в США[35]).

---

[33]) C. Hull. Op. cit., pp. 1617—1620.
[34]) N. A. Graebner (ed.). Op. cit., p. 208.
[35]) А. Маттиас. Оборотная сторона США. М., 1968, с. 166, 169.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Ф. Рузвельт попытался принять свои меры. 28 сентября 1944 г. он отдал распоряжение привлечь экспертов и правительственные органы и ускорить подготовку рекомендаций по вопросу о том, что должно быть сделано с Германией с экономической точки зрения, чтобы установить контроль над ее военным потенциалом [36]).

Обсуждение планов Моргентау американской печатью превратилось в пропаганду идей «мягкого мира» для Германии, антикоммунизма и антисоветизма. В связи с приближающимся окончанием второй мировой войны американская реакция начала переходить в наступление. Политика Ф. Рузвельта подвергалась ожесточенным нападкам. Президент «особенно возмущался кампанией распространения слухов, которая, по его мнению, безусловно носила организованный характер».

«Изоляционисты» имели большое влияние в американском конгрессе, в котором «соотношение сил... определялось позицией консервативной оппозиции», для которой «война на Дальнем Востоке была всегда более популярна, чем война в Европе». Несмотря на отход лидера изоляционистов сенатора А. Ванденберга от своих традиционных убеждений и поддержку им планов правительства, направленных на активное вмешательство в европейский конфликт, сенаторы Болл, Бартон, Хэтч, Хилл и Х. Джонсон, участвовавший еще в 1919 г. в кампании против внешнеполитической программы Вудро Вильсона, возглавляли сплоченный лагерь. Совместно с сенаторами П. Брауном и М. Тайдингсом они выступили с критикой усилий администрации Рузвельта, направленных на укрепление антигитлеровской коалиции. Они распространяли нелестные слухи о политике правительства У. Черчилля и об использовании английским правительством американского ленд-лиза «в своих собственных политических целях», клеветали на Советский Союз.

Члены палаты представителей Д. Мартин, Д. Табер, Д. Шорт и другие резко критиковали политику правительства Ф. Рузвельта. В палате представителей против Г. Гопкинса, Г. Моргентау и других советников президента было выдвинуто обвинение в «измене» и организации «заговора» против американского образа жизни с целью «коммунизации Америки». Руководители демократической партии «были глубоко встревожены тем, что кандидат в президенты от республиканской партии Т. Дьюи «может добиться успеха в своей кампании, приклеивая правительству Ф. Рузвельта ярлык коммунизма».

По адресу Ф. Рузвельта выдвигались обвинения, что «после окончания войны он закончит процесс передачи системы американского свободного предпринимательства под контроль коммунистов». Высказывались подозрения, что великие державы заключили «секретные соглашения за счет интересов малых стран» [37]). Т. Дьюи заявил, что план Г. Моргентау заставит Германию ожесточенно бороться против США [38]). Д. Эйзенхауэр 20 октября 1944 г. предложил пересмотреть принцип «безоговорочной капитуляции» в связи с усилившимся сопротивлением немцев на Западном фронте [39]).

Нажим противников «тяжелого мира» наряду с изменившейся обстановкой на европейском театре военных действий вынудил Ф. Рузвельта отказаться от плана Моргентау. Президент США решил воздержаться от четкого определения своей позиции в германском вопросе

---

[36]) J. F. Byrnes. Op. cit., p. 186.
[37]) Р. Шервуд. Указ. соч., с. 244—247, 371, 434—435, 443, 446, 454, 523, 535, 536, 538, 554.
[38]) «The New York Herald Tribune», November 4, 1944.
[39]) C. Wilmot. The Struggle for Europe. L., 1952, p. 570.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

независимо от того, что его советники говорят или делают. В меморандуме от 20 октября 1944 г. он писал К. Хэллу: «Не люблю я разрабатывать подобные планы для страны, которую мы еще не оккупировали», и добавил при этом, что разработка деталей «зависит от того, что мы и союзники увидим, когда вступим в Германию, а пока там нас нет» [40]).

На выборах с небольшим перевесом победила демократическая партия, президентом был избран Ф. Рузвельт, пост вице-президента занял сенатор Г. Трумэн, ставленник реакционного крыла демократической партии. Г. Трумэн никогда не скрывал своего враждебного отношения к СССР.

В конце ноября 1944 г. К. Хэлл вышел в отставку. Назначенный вместо него Э. Стеттиниус получил от президента указание усилить пропаганду внешней политики США, используя средства массовой информации [41]). Подобные действия президента преследовали цель обеспечить поддержку со стороны наиболее влиятельных кругов монополистической буржуазии действий администрации в предстоящих переговорах по германскому вопросу.

Конец 1944— начало 1945 гг. был периодом энергичной подготовки американского правительства к Ялтинской конференции, назначенной на февраль 1945 г. Ф. Рузвельт решил, что следует достигнуть соглашений с СССР по Германии. Президент также признавал «жизненную заинтересованность Франции в прочном решении германской проблемы и вклад, который она сможет внести в дело достижения международной безопасности», восстановив «свое положение сильной и ведущей державы» [42]).

Однако борьба в правящих кругах США по вопросам послевоенного урегулирования продолжалась. Объединенный комитет начальников штабов высказался против признания реальностей, сложившихся в Восточной Европе в результате побед советского оружия. Многие придерживались точки зрения бывшего государственного секретаря К. Хэлла, который считал, что нужно заставить СССР искать обеспечения своей безопасности в «сильной послевоенной мирной организации», находящейся в подчинении у США, но не на пути подлинно демократических изменений в освобожденных странах Восточной Европы. Они опасались, что признание правительством США своего бессилия что-либо изменить в этом районе усилит позиции «изоляционистов» в США. Они не хотели примириться с последствиями исторических побед СССР, поставивших под угрозу все планы безудержной экономической экспансии США.

В США развернулась широкая прогерманская и антисоветская кампания. Д. Даллес и А. Ванденберг выступили против усилий СССР обеспечить безопасность своих западных границ. Американским политикам хотелось бы воссоздать антисоветский кардон, который мог ослабить влияние Советского Союза в Европе. Д. Даллеса раздражала склонность некоторых членов администрации согласиться с неизбежными последствиями разгрома гитлеровской Германии.

Оживили свою деятельность сторонники создания какого-нибудь нового равновесия сил в Европе, главная роль в котором принадлежала бы США . Г. Стимсон в 1945 г. потребовал приобретения баз, которые США «могут считать необходимыми для своей собственной безопасности», прежде чем создавать Организацию Объединенных Наций. Он считал, пишет А. Шлезингер, что СССР в Восточной Европе имеет преимущество перед США и предостерегал от преобладающей тенденции

[40]) C. Hull. Op. cit., pp. 1621, 1622.
[41]) N. A. Graebner (ed.). Op. cit., pp. 213—214, 216—217.
[42]) Р. Шервуд. Указ. соч., стр. 560.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

«цепляться за преувеличенное значение доктрины Монро и в то же время вмешиваться в каждый вопрос, возникающий в Центральной Европе». Признание реального соотношения сил казалось Стимсону средством избежать «глобального столкновения» с СССР, могущего быть гибельным для США. Сотрудник американского посольства в Москве Дж. Кеннан высказался за «быстрое и ясное признание раздела Европы на сферы влияния» и принятие «политики, основанной на факте такого разделения». В то же время он предлагал прекратить сотрудничество с Советским Союзом, отказать ему в моральной и экономической поддержке, принять меры для предотвращения роста влияния СССР в Европе. А. Гарриман и Э. Стеттиниус поддерживали призыв Дж. Кеннана прекратить поставки по ленд-лизу Советскому Союзу. Они желали использовать экономическую мощь США, чтобы заставить Советский Союз пойти на уступки притязаниям американского империализма на мировую гегемонию.

В конечном итоге правительство Соединенных Штатов Америки приняло решение укреплять американские позиции в Европе, не считаясь с интересами Советского Союза. Как пишет А. Шлезингер, посол США в Москве У. А. Гарриман утверждал: «Если драка с Россией неизбежна, все соображения осторожности требуют, чтобы она произошла в Восточной, а не в Западной Европе». В результате обсуждения целей послевоенной внешней политики Соединенных Штатов в правительственных кругах было решено «отстаивать американскую заинтересованность в послевоенной судьбе всех наций, включая нации Восточной Европы» [43]).

Г. Моргентау пытался склонить президента Ф. Рузвельта на использование средств финансового давления для достижения внешнеполитических целей США. Он выдвинул план подчинения политики СССР интересам американского финансового капитала путем предоставления советской стране займа в 10 млрд. долларов на тяжелых условиях. Зная о стремлении Ф. Рузвельта сохранить отношения сотрудничества с Советским Союзом, Г. Моргентау в своих доводах подчеркивал тот факт, что быстрого экономического восстановления Германии после войны хотели прежде всего противники такого сотрудничества, угрожавшие планам и надеждам президента. Л. Гарднер цитирует письмо Г. Моргентау Ф. Рузвельту от 10 января 1945 г., в котором министр финансов предлагал «вырвать с корнем» стремление восстановить Германию как «бастион против большевизма». Если правительство США не сделает этого, писал он, следовательно, «мы намерены поддаться потоку лживой и лицемерной пропаганды, стремящейся заставить нас восстановить сильную Германию и создать врага для России».

Однако Ф. Рузвельт решил не обсуждать на Ялтинской конференции вопрос о предоставлении Советскому Союзу кредита. Этим решением президент вызвал большое недовольство Г. Моргентау. Министр финансов, пишет Б. Бернштейн, считал неправильной тактику грубого экономического нажима Э. Стеттиниуса и А. Гарримана, частично одобренную президентом, и подчеркивал, что если руководители американского правительства «желают заставить русских пойти на какие-нибудь уступки, они должны... сделать это тонко».

4—11 февраля 1945 г. на конференции трех великих держав в Крыму в обстановке новых блестящих побед Советской Армии главами правительств СССР, США и Англии были приняты важнейшие решения

[43]) R. Dallek (ed.). Op. cit., pp. 79, 80—87; A. Vandenberg. Private Papers of Senator Vandenberg. Boston, 1952, p. 136.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

о демилитаризации и демократизации Германии, которые соответствовали интересам СССР и всего миролюбивого человечества. Планы расчленения и «аграризации» Германии были отвергнуты.

Л. Гарднер указывает, что Г. Моргентау был возмущен, ознакомившись с протоколом Ялтинской конференции, в котором специально указывалось, что одним из способов взимания репараций будут ежегодные изъятия из текущего германского производства после войны. Это положение было расценено им как явный отказ Рузвельта от линии на полное ослабление Германии [44]).

Сторонники сохранения сильной капиталистической Германии считали, что американская делегация на Крымской конференции допустила ошибку, согласившись на очень большую, по их мнению, сумму репараций в 20 млрд. долларов, которые должна была выплатить Германия. Они также считали, что интересам США противоречит военное ослабление Германии. «Важнейшее решение уничтожить германский милитаризм, — писал один из советников президента адмирал Леги, — принятое на конференции, сделает Россию господствующим государством в Европе. Само по себе это несет в себе возможность будущих разногласий в мире» [45]).

Заинтересованные в быстром вовлечении Германии в мировую капиталистическую экономику, американские реакционные политики опасались, что «президентская щедрость» в вопросе о репарациях предвещает возвращение к «лоскутному финансированию 20-х годов, когда частные и общественные займы Германии» способствовали экономическому кризису. Сумма репараций в 20 млрд. долларов, из которых 10 млрд должен был получить Советский Союз, казалась им чрезмерной. Они считали, что выплата такой большой суммы репараций окончательно подорвет позиции немецкой буржуазии, усугубит кризис в Германии и подготовит тем самым условия для революции, которой они и так сильно боялись [46]). Ф. Рузвельт под давлением руководителей военного министерства и государственного департамента в конечном итоге пошел на уступки и 26 марта 1945 г. одобрил окончательный вариант меморандума 1067 о политике американских оккупационных властей в Германии, в котором теперь предусматривалась более «мягкая» политика в тех районах Германии, которые подлежали американской оккупации» [47]).

Следует сказать, что те, кто стремился создать в центре Европы бастион против Советского Союза, осознавали возможность того, что возрожденная в военном отношении Германия может вновь развязать агрессию против западных стран [48]). Но слишком велик был страх перед коммунизмом и ненависть к первому государству трудящихся — Советскому Союзу. И в то время, когда на полях сражений в Европе в борьбе с гитлеровской Германией еще гибли солдаты, в том числе и американские, могущественные группы в правящих кругах США добивались сохранения германского милитаризма, надеясь использовать его для сохранения капитализма в Европе, подавления революционного движения трудящихся и борьбы против Советского Союза.

---

[44]) B. J. Bernstein (ed.). Op. cit., pp. 30—31, 115—116; W. A. Williams. Op. cit., p. 274.

[45]) W. Leachy. I Was There, L., 1950, p. 323.

[46]) B. J. Bernstein (ed.). Op. cit., p. 116.

[47]) J. Snell (ed.). The Meaning of Yalta. Baton Rouge, 1956, p. 47; W. Rostow. The United States in the World Arena. An Essay in Resent History. N. Y., 1960, p. 99; J. F. Byrnes. Op. cit., p. 187.

[48]) B. J. Bernstein (ed.). Op. cit., p. 116.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 265 Серия историческая

С. П. ЦЫГАНКОВА

ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА США В СВЯЗИ С ЯПОНСКОЙ АГРЕССИЕЙ В КИТАЕ в 1933—1934 гг.

В 1931 г. милитаристская Япония захватила Маньчжурию и превратила ее в свою колонию. В 1932—1933 гг. Япония, продолжая военно-политическую и экономическую экспансию, укрепилась в некоторых районах Северного Китая. Экспансия Японии подрывала позиции США на Дальнем Востоке и наносила серьезный удар американским империалистическим интересам в Восточной Азии. Тем не менее правительство ставленника республиканской партии — президента Гувера проводило по отношению к Японии политику умиротворения. Мало что изменилось в дальневосточной политике Соединенных Штатов Америки и в первые годы президентства Ф. Рузвельта, выдвинутого на пост президента демократической партией.

Вопросы дальневосточной политики стали предметом обсуждения в окружении Рузвельта еще до его вступления в должность президента в марте 1933 г. В январе 1933 г. Рузвельт в беседе с государственным секретарем Стимсоном, а затем в заявлении в печать высказался в поддержку «доктрины непризнания» японских захватов в Северо-Восточном Китае, провозглашенной правительством Гувера 7 января 1932 г. Позиция Рузвельта вызвала ожесточенную критику со стороны изоляционистски настроенных членов его «мозгового треста», профессоров Колумбийского университета Р. Моли и Р. Тагвелла. Они считали, что США не должны вмешиваться в японо-китайский конфликт, должны отказаться от политики «непризнания» и пойти на другие уступки Японии для того, чтобы избежать с ней войны [1]). Р. Моли и Р. Тагвелл приложили максимум усилий для того, чтобы убедить Рузвельта в неразумности его решения продолжать политику «непризнания» японских захватов, но Рузвельт категорически отверг их предложения [2]).

В американской исторической литературе, посвященной исследованию дальневосточной политики Рузвельта, непременно отмечаются его прокитайские настроения, которые якобы были традицией семьи Рузвельтов. Дед президента по материнской линии был членом бостонской компании «Рассел энд компани», участвовавшей в торговле с Китаем и получившей немалый доход от нее. Мать Рузвельта в детстве жила в Китае и много рассказывала ему об этой стране, ее древней культуре и традициях. Эти воспоминания детства, по словам американских историков, и оказали решающее влияние на политику президента Рузвельта в Китае и на Дальнем Востоке [3]). Такие объяснения неубедительны, но

[1]) B. Sternsher. The Stimson Doctrine: FDR Versus Moley and Tugwell. «Pacific Historical Review», vol. 31, № 3, 1962, p. 285.

[2]) R. Moley. After Seven Years. N. Y.—L., 1939, p. 94.

№ 2, 1933, pp. 143—144.

[3]) W. Neumann. FDR and Japan 1913—1933. Pacific Historical Review, vol. 22,

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

несомненно, что Рузвельт разделял взгляды тех, кто считал, что дальневосточная политика США должна ориентироваться на Китай. Одобрение Рузвельтом «доктрины непризнания» объясняется не сентиментальными воспоминаниями детства и не ловкостью бывшего при Гувере государственным секретарем Стимсона, сумевшего навязать ему свою политику. Этот шаг соответствовал рузвельтовскому пониманию целей и методов американской внешней политики. Рузвельт принадлежал к «интервенционистскому» крылу в правящем лагере США, представители которого выступали за проведение активной внешней политики в целях укрепления позиций американского империализма на международной арене.

Государственный секретарь в правительстве Рузвельта Хэлл был сторонником укрепления позиций США в Восточной Азии. Он считал, что Соединенные Штаты должны предотвратить «установление полного господства Японии на Дальнем Востоке» [4]).

На выработку дальневосточного внешнеполитического курса оказал влияние ряд факторов внутреннего и внешнего порядка. Обстановка в США к моменту прихода Рузвельта к власти была настолько критической из-за тяжелого экономического положения, что нужно было принимать экстренные меры для спасения капиталистического строя в стране. Поэтому основные усилия новой администрации были направлены на решение внутриполитических проблем, связанных с проведением в жизнь «нового курса». Это обязательство не могло не сказаться на снижении активности внешней политики США в целом и дальневосточной, в частности. Следует отметить сравнительную слабость военно-стратегических позиций США на Тихом океане. Американский тихоокеанский флот был недостаточен для того, чтобы вести успешные операции против японского флота, а американские военно-морские базы и военно-воздушный флот на Тихом океане также не были готовы к военному столкновению с Японией.

7 марта 1933 г. на заседании правительства обсуждался поставленный президентом вопрос о возможности войны с Японией. Проанализировав обстановку на Дальнем Востоке, министры пришли к заключению, что США должны предпринять все усилия для того, чтобы избежать вовлечения в войну с Японией [5]). Однако это не означало отказа американских правящих кругов от борьбы с Японией за сохранение и укрепление позиций американского монополистического капитала в Китае и других районах Дальнего Востока. Американские дипломаты рассчитывали за счет экономической, военной и политической поддержки режима Чан Кай-ши укрепить гоминьдановское буржуазно-помещичье правительство Китая и, опираясь на него, воспрепятствовать установлению японской гегемонии в Восточной Азии. В мае 1933 г. Рузвельт говорил, что надо сделать все возможное, «кроме войны, чтобы остановить японцев от завоевания всего Китая» [6]). Правительство Рузвельта пыталось выработать такую внешнеполитическую линию на Дальнем Востоке, которая могла бы обеспечить США более благоприятные условия для занятия господствующего положения в экономике Китая и укрепления их политических позиций в этой стране.

Гоминьдановское правительство Чан Кай-ши, которое, заключив с Японией соглашение в Тангу, фактически признало японские захваты в Китае, в то же время стремилось получить поддержку США и Велико-

---

№ 2, 1933, p. 143—144.

[4]) «The Memoirs of C. Hull.», vol. 1, N. Y., 1948, p. 270.

[5]) J. A. Farley. Jim Farley's Story. The Roosevelt Years. N. Y., 1948, p. 39.

[6]) «Fifty Years in China». The Memoirs of John Leigton Stuart. N. Y., 1954, p. 93.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

британии для борьбы против дальнейшей агрессии Японии. Весной 1933 г. в США и Европу отправился министр финансов гоминьдановского правительства Сун Цзы-вэнь с целью получения финансовой и другого рода помощи. В конце мая — начале июня 1933 г. ему удалось заключить соглашение с американской правительственной организацией «Реконстракшн файнэнс корпорейшн» о предоставлении Китаю «хлопково-пшеничного кредита» в 50 млн. долларов. Предполагалось, что 40 млн. долларов будет использовано на покупку в США хлопка, а остальная часть — для покупки муки и пшеницы. В качестве обеспечения кредита были установлены налоговые поступления от продажи в Китае сигарет, табака, муки, спичек. Срок погашения кредита определялся в три года. Кредит был представлен из 5% годовых.

Правительство США заявило, что кредит носит чисто экономический характер, его целью является избавление американской экономики от излишков сельскохозяйственных продуктов[7]). В свою очередь гоминьдановское правительство утверждало, что средства, полученные от реализации в Китае американского хлопка и пшеницы, будут использованы для развития промышленности, сельского хозяйства и средств сообщения[8]).

Помимо желания избавиться от излишков сельскохозяйственной продукции, американский кредит, несомненно, преследовал политические цели. Представленный кредит должен был улучшить положение антинародного правительства Чан Кай-ши, которое оказалось бессильным в борьбе с китайской революцией. Следует отметить, что часть средств, полученных от продажи в Китае американского хлопка и пшеницы, Чан Кай-ши использовал для организации очередного похода против Красной Армии Китая.

Американский заем Китаю был враждебно встречен правящими кругами Японии и Великобритании. С критикой кредита выступила английская группа банкового консорциума, созданного в 1920 г. для финансирования Китая, заявив, что он противоречит соглашению о консорциуме[9]). Против американского кредита выступали те политические силы в Китае, которые вели борьбу против реакционной политики Чан Кай-ши. Так, из Кантона в адрес «Реконстракшн файнэнс корпорейшн» была направлена телеграмма о том, что нанкинское правительство использует полученные средства для ведения борьбы против своих политических противников в стране, а следовательно, кредит означает вмешательство США в гражданскую войну в Китае. В телеграмме предлагалось воздержаться от подобных шагов до тех пор, пока Китай не будет представлять в политическом отношении одно целое[10]).

Наибольшую оппозицию американский кредит вызвал в Японии. В японских правящих кругах считали, что США, поддерживая режим Чан Кай-ши, стремятся не только к удушению революционного движения в Китае, но и ставят своей задачей укрепить там свои экономические и политические позиции.

10 августа 1933 г. японский посол в США Сайто встретился с государственным секретарем Хэллом для того, чтобы выразить недовольство Японии американским займом. Посол сказал, что заем вызвал большие опасения в Японии, так как все считают, что Китай использует доходы от займа в антияпонских целях. Сайто выразил «горячую надежду», что правительство США будет иметь это в виду и в будущем

[7]) «New York Times», June 5, 1933.
[8]) «The China Weekly Review», June 24, 1933, p. 4.
[9]) «New York Times», June 7, 1933.
[10]) «New York Times», June 11, 1933.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

будет консультироваться с Японией перед принятием любых шагов, которые касаются ее интересов. В ответ Хэлл сказал, что цель кредита — разместить излишние запасы продуктов для улучшения обстановки в США и что американское правительство не намерено добиваться ухудшения японо-китайских отношений[11]).

В начале 30-х годов Соединенные Штаты сделали много для развития гражданской и военной авиации в Китае. Объяснялось это не только желанием получить экономические выгоды, но и политическими соображениями. Правительство США рассчитывало, что с американской помощью армия Чан Кай-ши сможет превратиться в силу, способную вести успешные военные действия против китайской Красной Армии и остановить японскую экспансию в Китае.

В 1931 г. американской авиационной компании «Пан американ эйрус» удалось приобрести 45% капитала Китайской национальной авиационной компании. Основная доля перевозки пассажиров и грузов падала на эту смешанную китайско-американскую авиакомпанию. В первой половине 30-х годов американские монополии увеличили продажу Китаю военных и гражданских самолетов и авиационного оборудования. В 1933 г. США вышли на первое место по снабжению Китая самолетами. Если в 1932 г. ими было продано Китаю самолетов и авиаоборудования на 157 тыс. долл., то в 1933 г. — на 1 млн. 762 тыс. долл., а в 1934 г. — на 3 млн. 778 тыс. долл.[12]). В 1933—1935 гг. Китай приобрел в США 287 самолетов и 107 авиационных моторов, а в течение девяти месяцев 1936 г. —112 самолетов и 157 моторов[13]). Американский капитал принимал участие в сооружении авиационного завода в Китае. 8 декабря 1933 г. авиационная компания «Куртис райт» объявила о заключении контракта с китайским правительством о строительстве авиазавода в городе Ханьчжоу, предполагая затратить на его сооружение 5 млн. долл. Вскоре завод стал выпускать по 60 военных самолетов в год[14]). С ведома американского правительства происходила вербовка американских инструкторов для обучения китайских летчиков. В начале 1932 г. нанкинское правительство заключило контракт на 3 года с группой американских летчиков в количестве 11 человек во главе с Д. Джонеттом, полковником запаса ВВС США, об организации военно-авиационной школы в Ханьчжоу. За три года существования этой школы американские инструкторы подготовили 335 китайских летчиков[15]).

Мероприятия США, направленные на развитие авиации гоминьдановского правительства, вызывали большое недовольство в Японии. На зимней сессии японского парламента в 1934 г. члены нижней палаты обвиняли американское правительство в посылке «многих летчиков в Китай в качестве инструкторов» с целью создания мощных воздушных сил и установления контроля над китайской авиацией, которая, по их мнению, представляла угрозу для Японии. В японской печати указывалось, что Америка ищет военные базы в Китае и снабжает китайскую армию всеми видами западного вооружения для того, чтобы она служила американским целям[16]).

---

[11]) «Foreign Relations of the United States». Diplomatic Papers. (FR), 1933, vol. 3, p. 508. Заявление Хэлла, 10 августа 1933 г.

[12]) US Senate. Hearings Before the Special Commitee Investigating the Munitions Industry, part 6, p. 1465—1469.

[13]) «The Far Eastern Survey», vol. 5, № 24. December 2, 1936, p. 262.

[14]) Ibid., vol. 5, № 17, August 12, 1936, p. 178.

[15]) FR, 1935, vol. 3, p. 225. Генеральный консул в Шанхае—Хэллу. 10 июля 1935 г.

[16]) Ibid., 1933, vol. 3, p. 388. Посол США в Японии Грю—Хэллу, 14 августа 1933 г.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

О намерениях Вашингтона способствовать укреплению реакционного режима Чан Кай-ши свидетельствует отношение американского правительства к проектам оказания Китаю технической и финансовой «помощи», которые стали предметом обсуждения в Лиге наций летом 1933 г. 28 июня 1933 г. Сун Цзы-вэнь по поручению правительства Чан Кай-ши обратился к Совету Лиги наций с просьбой направить в Китай технического советника. Собравшийся на очередную сессию в Женеве Совет принял решение о создании специального комитета для принятия «всех необходимых мер» для оказания технической помощи Китаю. 14 июля 1933 г. генеральный секретарь Лиги наций Д. Авенол сообщил Хэллу о создании этого комитета и выразил надежду, что американский представитель будет присутствовать на первом заседании комитета. Госдепартамент принял приглашение, и одному из членов американского посольства во Франции было предложено присутствовать на заседании комитета. Что же касается вопроса о сотрудничестве с Лигой наций по оказанию технической «помощи» Китаю, то было решено обсудить этот вопрос после того, как Лига наций официально пригласит США сотрудничать и когда в распоряжении госдепартамента будет больше информации о характере и содержании программы технического сотрудничества Лиги с Китаем.

Планы правительства Чан Кай-ши в отношении получения финансовой помощи на Западе не ограничивались американскими кредитами. Оно стремилось найти замену международному банковскому консорциуму 1920 г., в который входили Англия, Франция, США и Япония. Консорциум был создан для предоставления займов и кредитов Китаю, но фактически бездействовал из-за противодействия Японии и революции в Китае. Гоминьдановское правительство выдвинуло предложение передать права, которые получил в свое время консорциум 1920 г., консультативному комитету. Предполагалось, что в этот комитет должны были войти представители Китая, три американца, три англичанина и по одному французу и итальянцу. Консультативный комитет должен был бы получить исключительное право на предоставление займов для развития экономики в тех районах Китая, которые контролировало правительство Чан Кай-ши.

Министр финансов гоминьдановского правительства Сун Цзы-вэнь приложил немало усилий для осуществления этого проекта. С предложением войти в консультативный комитет он обратился к банкиру Ламонту, члену финансовой группы Моргана и главе американской группы в международном банковском консорциуме, и Аддису, главе английской группы. Те, в свою очередь, написали Д. Нохаре, возглавлявшему японскую группу в консорциуме, с целью выяснить намерения японцев на этот счет. Нохара ответил, что без японского участия консультативный комитет не может быть эффективным ввиду специальной роли и влияния Японии на Дальнем Востоке. Более того, создание подобного комитета, по его мнению, могло «легко породить чувство недовольства в Японии» и привести к ухудшению отношений между Японией и Китаем, что угрожало бы миру на Дальнем Востоке. В заключение Нохара писал, что японская группа с «мрачным предчувствием и неодобрением рассматривает создание консультативного комитета»[17]). Японский нажим заставил американскую и английскую группы банкиров отказаться от принятия предложения Сун Цзы-вэня.

Попытки американского и европейского капитала усилить свои позиции в Китае вызывали активное противодействие со стороны Япо-

[17]) Ibid., p. 505. Нохара—Аддису, 31 июля 1933 г.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

нии. 25 июля 1933 г. советник японского посольства в Вашингтоне имел длительную беседу с главой дальневосточного отдела госдепартамента Хорнбеком. Он, в частности, сказал, что на японцев «неблагоприятное впечатление» произвел комитет по техническому сотрудничеству между Лигой и Китаем потому, что западные страны собираются оказывать помощь Китаю без японского участия. Указав на японскую психологию и темперамент, он заявил, что японский народ не считает, что «настало время для западных стран участвовать в оказании помощи Китаю», так как это все усложняет дело урегулирования отношений между Японией и Китаем [18]). Японская пресса проводила кампанию нападок на Лигу наций и США за предполагаемое участие в оказании «помощи» Китаю. Поводом для нападок явилось назначение Лигой наций техническим агентом в Китае Райхмана. Дело в том, что во время нападения Японии на Маньчжурию в 1931 г. Райхман, находившийся в Китае по поручению Лиги наций, выступил в поддержку Китая. В Японии Райхмана называли «политическим агентом нанкинского правительства». Представитель японского министерства иностранных дел заявил, что в связи с назначением Райхмана техническим агентом Япония должна быть «готова предпринять шаги» для защиты своих интересов, если комитет попытается подорвать ее позиции на континенте политическими маневрами [19]).

В японской прессе был опубликован текст инструкции по вопросу об иностранной помощи Китаю, которая была разослана министерством иностранных дел Японии японским посольствам за границей. В инструкции указывалось, что сотрудники посольств должны напомнить правительствам, политическим партиям, бизнесменам и финансовым группам в государствах, где они аккредитованы, что денежные средства, предоставляемые Китаю, будут употреблены, вероятно, на военные цели, чтобы оказать сопротивление Японии и Маньчжоу-го. Они также должны заявить, что если создастся обстановка, при которой Китай таким образом будет злоупотреблять денежными средствами, то японское правительство предпримет решительные меры против китайцев, как в случае с Маньчжурией, и будет считать страны, оказывающие финансовую помощь Китаю, частично ответственными за повторение японо-китайских конфликтов [20]). Таким образом, японские империалисты претендовали на монопольное господство в Китае.

Каково же было отношение официальных кругов США к финансовым проектам правительства Чан Кай-ши? В связи с предполагавшимся посещением Сун Цзы-вэнем Вашингтона дальневосточный отдел госдепартамента решил, что США «должны в принципе занять благосклонное отношение к усилиям Лиги» и в то же время использовать китайскую просьбу о помощи для того, чтобы предложить китайскому правительству предпринять более эффективную попытку заплатить долги правительству США и его гражданам [21]).

В начале августа 1933 г. по прибытии Сун Цзы-вэня в Вашингтон состоялось несколько его встреч с главой дальневосточного отдела госдепартамента Хорнбеком. Сун Цзы-вэня интересовала проблема получения средств для консультативного комитета. В своем отчете Хорнбек писал, что Сун Цзы-вэнь был более расположен вести речь о получении новых займов, чем о выполнении обязательств по прежним.

---

[18]) Ibid., p. 502—505. Запись беседы Хорнбека с советником японского посольства в Вашингтоне, 25 июля 1933 г.
[19]) D. Borg. The United States and the Far Eastern Crises. Cambridge, 1964, p. 67.
[20]) FR, 1933, vol. 3, p. 510. Грю—Хэллу, 18 августа 1933 г.
[21]) D. Borg. Op. cit., p. 68.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Более того, указывал Хорнбек, относительно новых займов Сун Цзы-вэнь стремится заключить такое соглашение, при котором иностранные государства и их граждане будут предоставлять Китаю помощь, но не будут осуществлять контроль над экономическим и политическим развитием Китая, весь контроль должен остаться в китайских руках [22]).

В памятной записке от 25 августа Хорнбек писал, что правительство США не должно допустить, чтобы позиция Японии оказывала существенное влияние на американское отношение к китайским проектам. Касаясь консультативного комитета, он отмечал, что «имеется достаточно причин для того, чтобы мы заняли благосклонное отношение к этому проекту». «Единственным средством создания стабильного положения на Дальнем Востоке является усиление Китая, — писал Хорнбек. — Этот курс провозглашен в договоре девяти держав, заключенном в феврале 1922 г., и лежит в основе традиционной политики США. Мы должны продолжать придерживаться принципов, содержащихся в нем, не обращая внимания, но и не забывая принимать во внимание японское несогласие с этими принципами и усилий Японии диктовать миру отмену их» [23]).

7 августа 1933 г. состоялась встреча Сун Цзы-вэня с Рузвельтом, в ходе которой эмиссар Чан Кай-ши говорил о трудностях в «деле получения поддержки со стороны американских банкиров идее консультативного комитета» [24]). Рузвельт отнесся с сочувствием к усилиям Сун Цзы-вэня и назвал американских финансистов, к которым советовал обратиться за поддержкой.

Планы создания консультативного комитета так и не осуществились, хотя правительственные круги США, Англии и Франции положительно отнеслись к проекту. Через несколько месяцев после возвращения из Европы и США в Китай Сун Цзы-вэнь получил отставку с поста министра финансов. В июне 1934 г. был создан банковский синдикат «Чайна девелопмент файнэнс корпорейшн». В его создании активное участие принял представитель французских финансов Моннэ. В заявлении синдиката, выпущенном по случаю начала существования, было сказано, что он является китайским «по замыслу, капиталу и управлению» и что его цель — быть «орудием для осуществления реконструкции Китая» [25]). Синдикат не исключал участие иностранного капитала, а, напротив, способствовал его привлечению. Что касается американского «хлопково-пшеничного» кредита Китаю, то правительство Чан Кай-ши встретилось с большими трудностями по реализации хлопка и пшеницы, полученных в силу кредита, в связи с японской конкуренцией. В марте 1934 г. сумма кредита была снижена до 20 млн. долл. [26]).

Заинтересованность западных держав в более активном участии в программе экономической реконструкции Китая, проявленная во время визита Сун Цзы-вэня в Европу и США, вызвала большую тревогу в Японии, которая усматривала в различных проектах «помощи» Китаю угрозу собственным планам установления монопольного господства в этой стране. Японское правительство решило положить конец проектам западных держав по вопросам сотрудничества с Китаем и

---

[22]) FR, 1933, vol. 3, p. 512. Запись беседы Хорнбека с Сун Цзы-вэнем 25 августа 1933 г.
[23]) D. Borg. Op. cit., p. 71.
[24]) FR, 1934, vol. 3, p. 414. Меморандум Хорнбека, 19 сентября 1934 г.
[25]) Ibid., p. 377.
[26]) «The China Weekly Review», March 31, 1934, p. 169.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

одновременно напомнить о своих «специальных» интересах в Китае. 17 апреля 1934 г. глава информационного бюро министерства иностранных дел Японии Амо выступил с заявлением, которое в то время получило в печати название «21 требования в новом издании» и «доктрины Монро для Азии». Амо утверждал, что, исходя из «особой ответственности за сохранение мира в Восточной Азии», Япония окажет противодействие любой попытке Китая воспользоваться влиянием какой-либо иностранной державы для оказания противодействия Японии.

Не вызывает сомнения тот факт, что это заявление было направлено в первую очередь против США и что оно было ответной мерой со стороны Японии на активизацию американской деятельности в Китае. В заявлении Амо указывалось, что «Япония будет противодействовать обеспечению Китая иностранными военными самолетами, сооружению аэродромов в Китае, направлению инструкторов и военных советников или предоставлению займов Китаю для политических целей, которые явно будут мешать дружественным отношениям Японии с Китаем и другими странами и приведут к нарушению мира и порядка в Восточной Азии»[27]). В этом заявлении были открыто провозглашены претензии японского империализма на монопольное господство в Китае, что в корне противоречило политике «открытых дверей», в проведении которой были заинтересованы Соединенные Штаты. Японская газета «Асахи» писала об этом заявлении как об «эпохальной отправной точке отмены Японией ее прежней политики сотрудничества с Западом в Китае» и «началом политики, исходящей из того принципа, что дальневосточные дела должны решаться только Японией и Китаем»[28]).

Заявление Амо вызвало большой резонанс и рассматривалось как серьезный дипломатический шаг со стороны Японии, направленный против США. В телеграмме полпреда СССР в Вашингтоне А. А. Трояновского в НКИД СССР от 26 апреля 1934 г. указывалось: «В конфиденциальных беседах с журналистами подчеркивается исключительная серьезность созданного японским заявлением положения»[29]). Журнал «Форин афферс» отмечал, что случай с заявлением Амо «имеет, по крайней мере, положительный результат в том, что еще раз напомнил миру об определенной тенденции японской континентальной политики»[30]).

Стремление японского империализма полностью вытеснить своих конкурентов из Китая вызвало недовольство в американских правящих кругах и повело к обострению японо-американских отношений. 21 апреля 1934 г. сенатор Кинг, выступая в конгрессе, сказал, что токийская декларация «явно рассчитана на то, чтобы нарушить мир на Дальнем Востоке и во всем мире». «Япония, — продолжал Кинг, — заключила договоры с другими странами, в которых обязалась уважать территориальную целостность Китая. Однако последние ее действия свидетельствуют о стремлении не только установить протекторат над Китаем, но, если представится необходимость, контролировать при помощи силы всю китайскую территорию и любое китайское правительство»[31]). Исследователи американского общественного мнения Таппер и Макрейнольдс пришли к выводу, что японская политика в отношении Китая осуждалась всеми независимо от экономической, политической, географической принадлежности. «Специалисты и преподаватели универ-

[27]) «Известия», 20 апреля 1934 г.
[28]) Survey of International Affairs 1934. Ed. by Toynbee. L., 1935, p. 652.
[29]) «Документы внешней политики СССР», Т. 17, М., 1971, стр. 795.
[30]) «Foreign Affairs», vol. 13, № 1. October, 1934, p. 61.
[31]) «Правда», 23 апреля 1934 г.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ситетов возражали против еще одного нарушения американских договорных прав с его угрозой миру, бизнесмены были встревожены перспективой, содержащейся в японской доктрине Монро, быть исключенными из огромного китайского рынка»[32]). Они отмечают, что за исключением «нескольких газет, которые занимали прояпонскую позицию или были известны своими изоляционистскими настроениями, американская пресса была единой в своем осуждении японского дипломатического выступления»[33]). 75% американских газет резко осуждали японское заявление от 17 апреля 1934 г.[34]).

«Интернационалистская» пресса в Соединенных Штатах осуждала претензии японского империализма на безраздельное господство в Китае, ссылаясь на политику «открытых дверей». Что же касается путей противодействия японской агрессии со стороны США, то, в отличие от решительной позиции, занимаемой этими газетами в период маньчжурского кризиса 1931 г., сейчас они главный упор сделали на то, чтобы избежать войны с Японией. «Милуоки джорнэл» предлагала, чтобы США признали японские специальные политические, социальные и экономические интересы в Китае и ограничились «дружественным» убеждением японцев в необходимости приведения в соответствие их требований международным интересам. «Крисчен сайенс монитор» предлагала «сотрудничество между Японией и комитетами Лиги наций для того, чтобы определить совместно, какие виды технической помощи Китаю могут быть оказаны, а какие будут действительно вредными для дела мира на Дальнем Востоке». «Кливленд пресс» обратилась с призывом проводить осторожную политику: «В конце концов, если Япония твердо намерена установить контроль над Китаем, только Китай может предотвратить это»[35]). «Нью-Йорк таймс» высказала мнение, что договор девяти держав обязывает США, Англию и других участников обменяться мнениями о ситуации, создавшейся на Дальнем Востоке, на основе статьи 7. «В данном случае, — писала газета, — имеется достаточное основание для совместного дипломатического выступления США, Англии и других участников договора девяти держав, за исключением Японии и Китая. Для Англии и США речь идет не только о поддержке их национальных интересов, но и о соблюдении договорных условий. Если британское, американское и другие заинтересованные правительства не обменяются мнениями относительно шагов, которые следует предпринять в связи с явным нарушением договора Японией, то они сами окажутся виновными в нарушении»[36]).

Таким образом, «интернационалистская» пресса высказывалась в основном за консультации между участниками договора девяти держав. В то же время, как справедливо отмечал американский журнал «Чайна уикли ревью», «нынешняя японская декларация сделала многое для ослабления в США позиций противников сильной политики на Тихом океане»[37]). В частности, «Нью-йорк геральд трибюн» писала, что Япония будет делать все, что ей угодно, если ее не обуздают «угрозой применения силы... Такая ситуация проливает новый свет на предстоящие переговоры о возобновлении Вашингтонского договора. Вопрос о продлении нынешних квот морских вооружений ставится совершенно

[32]) E. Tupper, G. McReynolds. Japan in American Public Opinion. N. Y., 1937, p. 391.
[33]) Ibid., p. 386.
[34]) «Правда», 4 мая 1934 г.
[35]) D. Borg. Op. cit., p. 90—91.
[36]) «New York Times», April 25, 1934.
[37]) «The China Weekly Review», June 2, 1934, p. 5.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

иначе, чем это было бы, если бы Япония оставила неизменным статус-кво»[38]).

«Изоляционистская» пресса в основном продолжала оправдывать японскую политику. Пресса Херста выступила с призывом к американскому народу попытаться понять насущные проблемы Японии. Журналы «Уолл стрит джорнэл» и «Джорнэл оф коммерс», выражавшие интересы деловых кругов, связанных с Японией, выступали за продолжение политики умиротворения, которая поощряла японские империалистические круги на продолжение агрессии[39]).

В правительственных кругах США заявление Амо вызвало, по словам Хэлла, «сильное удивление, если не шок»[40]). В течение 12 дней в госдепартаменте обсуждался вопрос о том, что должны предпринять США в ответ. На этот счет высказывались разные точки зрения. Посол США в Японии Грю записал в дневнике, что заявление Амо «точно выразило политику, которую Япония будет осуществлять». И все же Грю предостерегал от принятия каких-либо мер, могущих вызвать антагонизм со стороны Японии[41]). Его взгляды поддерживал дальневосточный отдел госдепартамента. Глава отдела Хорнбек 25 апреля писал: «Я за то, чтобы не отвечать на японское заявление... Американские интересы в Китае, по моему мнению, менее важны, чем интересы Великобритании, России и Франции. Я не думаю, что США должны... становиться острием оппозиции против Японии»[42]). Иных взглядов придерживался американский посланник в Китае Н. Джонсон. Он писал в Вашингтон о том, что заявление Амо «не должно пройти незамеченным, так как оно прямо противоположно духу и букве договора девяти держав, являющегося одним из серии договоров, которые должны рассматриваться как одно целое». По предложению Джонсона, заинтересованные страны должны информировать Японию, что аннулирование одного из Вашингтонских договоров означает аннулирование всех. Джонсон считал, что осуществление объявленной Японией политики ограничит американские политические и торговые отношения с Китаем. Джонсон подчеркивал при этом, что не китайская независимость интересует США, а независимость действий США в Тихом океане как сейчас, так и в будущем[43]).

Госдепартамент решил занять позицию выжидания в расчете на то, что инициативу в борьбе против японских притязаний проявит правительство Великобритании. Когда посол Англии в Вашингтоне попытался выяснить намерения американского правительства, Хорнбек ответил, что «деятельность различных правительств на основе совместных действий с позиций общего фронта является благоприятным фактором, но мы не намереваемся занять или быть поставленными в положение руководителя в выдвижении предложений о совместных действиях»[44]). Примерно так же ответил заместитель госсекретаря Филиппс на запрос министра иностранных дел Англии Саймона по вопросу о возможности англо-американского сотрудничества с целью сдерживания японских притязаний в Китае[45]).

---

[38]) «New York Herald Tribune», April 20, 1934.
[39]) E. Tupper, G. McReynolds. Op. cit., p. 342, 388.
[40]) «The Memoirs of C. Hull», vol. 1, p. 279.
[41]) J. Grew. Ten Years in Japan 1932—1942. N. Y., 1944, p. 130.
[42]) D. Borg. Op. cit., p. 79.
[43]) FR, vol. 3, p. 143—144. Джонсон-Хэллу, 27 апреля 1934 г.
[44]) Ch. Tansill. Back Door to War. The Roosevelt Foreign Policy. Chicago, 1952, p. 133.
[45]) FR, 1934, vol. 3, p. 126. Филиппс—Линдсею, 23 апреля 1934 г.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Ни Соединенные Штаты, ни Англия не хотели брать на себя инициативу в борьбе против японских гегемонистских планов на Дальнем Востоке. По этой причине, а также в силу существования в английских правящих кругах стремлений достичь сговора с Японией правительство Великобритании решило ограничиться «дружественным запросом» относительно подлинного смысла заявления Амо. Такой запрос был сделан 23 апреля 1934 г. британским послом в Токио. В ответ японское министерство иностранных дел заверило английское правительство, что Япония будет соблюдать договор девяти держав и продолжать придерживаться политики «открытых дверей» в Китае. Англия удовлетворилась подобным ответом. Более того, выступая в палате общин, Саймон заявил, что Япония имеет специальные права в Маньчжурии и других частях Китая [46]).

Позиция английского правительства вызвала возмущение государственного секретаря США Хэлла, которое он высказал на встрече с послом Англии в Вашингтоне Линдсеем [47]). Глава дальневосточного отдела госдепартамента Хорнбек заявил, что американское правительство «не может рассчитывать на то, что Великобритания выступит совместно с ним против Японии и можно ожидать, что она пойдет на компромисс с Японией как в отношении Китая, так и в решении морских проблем» [48]).

Позиция правящих кругов США и Англии в связи с заявлением Амо показала японским империалистам, что они могут не опасаться совместного выступления Соединенных Штатов и Великобритании против японской агрессии. Провозглашая политику протектората над Китаем, Япония одновременно хотела дипломатическим путем определить, как далеко она может идти в своей политике захвата Китая, не рискуя вызвать совместный отпор США и Англии .Заявление Амо принесло ей самые благоприятные результаты. В беседе с американским послом в СССР Буллитом народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов сказал, что «США и Великобритания заняты перебрасыванием шара ответственности на Дальнем Востоке от одного к другому, причем каждая страна надеется, что другая займет ведущую позицию. До тех пор, пока так будет обстоять дело, японцы будут свободны делать все, что захотят... Единственным эффективным методом сдерживания их является совместная акция всех стран, имеющих интересы в бассейне Тихого океана» [49]).

Японское правительство 27 апреля 1934 г., отвечая на запрос английского и американского послов, подтвердило те далеко идущие претензии, которые содержались в заявлении Амо. В таких условиях государственный департамент не мог уклониться от официального заявления по этому вопросу. 29 апреля 1934 г. американский меморандум был вручен японскому министру иностранных дел. В нем говорилось, что в свете недавних заявлений о японском отношении к правам и интересам других стран в Китае американское правительство желает вновь подтвердить свою позицию. В меморандуме указывалось, что США участвуют с Китаем и Японией в многочисленных договорах, относящихся к Дальнему Востоку, и в «одном многостороннем договоре», участниками которого являются почти все страны мира. Заключенные договоры, говорилось в заявлении, могут быть изменены только про-

[46]) «Parliamentary Debates». House of Commons. April 30, 1934, vol. 289, p. 14.
[47]) «The Memoirs of C. Hull», vol. 1, p. 280.
[48]) FR, 1934, vol. 3, p. 193.
[49]) Ibid., p. 180. Буллит—Хэллу, 14 марта 1934 г.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

цедурой, на которую согласны все их участники, а не в одностороннем порядке[50]).

При составлении заявления от 29 апреля в госдепартаменте руководствовались двумя соображениями. Во-первых, чтобы сам факт его появления свидетельствовал о недовольстве США провозглашенной Японией политикой в отношении Китая, во-вторых, чтобы оно не вызвало недовольства в Японии. Поэтому в заявлении международные договоры не назывались своими именами. Посол США в Японии Грю прислал Хэллу письмо, выражая восхищение меморандумом, которому он дал восторженную характеристику: «Полностью замечательный, абсолютно отвечающий обстоятельствам, составленный мастерским образом, совершенно ясный по содержанию, умеренный и дружелюбный по тону»[51]).

Стремление «умиротворить» Японию продолжалось и дальше. На пресс-конференции 1 мая государственный секретарь Хэлл обратился к корреспондентам с просьбой воздержаться от написания статей, которые могут вызвать антагонизм Японии. «Администрация в Вашингтоне считает, что, чем меньше агитации по поводу любых разногласий, которые возникают между Японией и США, тем легче решать эти разногласия в духе лучшего взаимопонимания и гармонии», — заявил он[52]). Реакционные круги в США в это время рассматривали Японию как ударную силу для борьбы против Советского Союза и революции в Китае.

Государственный секретарь Хэлл поручил дальневосточному отделу госдепартамента проанализировать политику США в отношении Китая с целью определить, можно ли ее изменить так, чтобы избежать дальнейшего обострения отношений с Японией. В результате в середине мая 1934 г. отдел представил Хэллу документ, содержащий предложения об оказании помощи Китаю. В отношении финансовой помощи говорилось, что, принимая во внимание возражения против 50-миллионного кредита Китаю, правительство и граждане США должны отказаться от дальнейшей финансовой помощи Китаю вне сотрудничества с другими странами. В отношении военной помощи указывалось, что обвинения Японии против США были необоснованы, так как продажа самолетов Китаю была настолько несущественна, что не может «оправдать опасения со стороны Японии, что Китай якобы усиленно готовится к вооруженному нападению на нее». Тем не менее, говорилось в документе, определенные меры должны быть приняты, чтобы избежать в будущем столкновения с Японией по вопросу об оказании военной «помощи» Китаю. Госдепартамент должен продолжать осуществлять твердый контроль над экспортом оружия в Китай и не должен поощрять его[53]).

17 мая 1934 г. в Вашингтоне была получена телеграмма от профессора Роджерса, посланного в Китай министерством финансов США с целью обследования финансового положения Китая. Роджерс сообщал, что китайский министр финансов намеревается обратиться к американскому правительству за займом, который будет использован на претворение в жизнь планов реконструкции Китая, т. е. на сооружение шоссейных дорог, реорганизацию финансов и т. д.[54]). Госде-

---

[50]) «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States with Japan», 1931—1941, vol. 1. Wash., 1943, p. 231—232. (FR, Japan).
[51]) J. Grew. Op. cit., p. 133.
[52]) FR, 1934, vol. 3, p. 153. Заявление Хэлла, 1 мая 1934 г.
[53]) D. Borg. Op. cit., p. 81—82.
[54]) FR, 1934, vol. 3, p. 383—385. Памятная записка Хорнбека, 8 июня 1934 г.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

партамент, убедил министерство финансов заставить Роджерса прекратить обсуждение вопросов, связанных с займами правительству Чан Кай-ши на том основании, что Япония, рассматривающая как «политические» любые займы или кредиты Китаю со стороны западных держав, будет возражать против американского займа.

В связи с позицией Японии правительство США отказалось от оказания финансовой поддержки гоминьдановскому режиму, но одновременно предприняло усилия для сохранения банковского консорциума 1920 г., вопрос о самороспуске которого широко обсуждался в то время. С ведома Хэлла Хорнбек послал телеграмму Ламонту, собиравшемуся в Лондон для ведения переговоров относительно роспуска консорциума. В ней говорилось о том, что правительство хочет, чтобы консорциум продолжил свое существование, но не желает, чтобы «американская банковская группа выступила инициатором» его сохранения. «Лучше пребывать в состоянии наблюдения и ожидания до тех пор, пока Китай не обратится за помощью, а Япония или Великобритания не выскажутся за положительный ответ со стороны консорциума, — рекомендовал госдепартамент [55]). Расчет американских дипломатов состоял в том, что, придерживаясь подобной тактики, удастся избежать конфликта с Японией и одновременно, опираясь на финансовую мощь американских монополий, оттеснить других участников консорциума, не располагавших достаточными капиталами, от участия в финансировании Китая и получения соответствующих экономических и политических выгод.

На заседании американской банковской группы Ламонт сказал, что, с точки зрения госдепартамента, «настоящий момент не является благоприятным для обсуждения вопроса о роспуске консорциума». Американские банкиры с этим согласились [56]).

В мае 1934 г. правящие круги Японии предприняли дипломатический шаг, цель которого состояла в заключении двустороннего соглашения с США на основе принципа невмешательства США в азиатские дела при условии определенных компенсаций с японской стороны. 16 мая японский посол Сайто посетил государственного секретаря Хэлла и вручил ему секретный меморандум, озаглавленный как «сугубо частные» соображения самого Сайто по вопросу об улучшении японо-американских отношений. Центральным пунктом меморандума было предложение опубликовать совместную декларацию, содержащую три статьи. В первой статье обе стороны должны подтвердить свое желание сотрудничать друг с другом в развитии торговли и в соблюдении принципа «открытых дверей» в тихоокеанском бассейне. Во второй статье оба правительства должны заявить, что они не имеют агрессивных устремлений где-либо, подтвердить обязательства уважать территориальные владения, права и интересы друг друга. Основной смысл содержался в третьей статье: «Оба правительства взаимно признают, что США в восточной части Тихого океана, а Япония — в западной являются главными стабилизирующими силами и в соответствии с этим оба правительства все силы, имеющиеся в их распоряжении, направят на то, чтобы в районах, географически примыкающих к их странам, создать царство закона и порядка» [57]).

Эта попытка правящих кругов Японии договориться о разделе сфер влияния не достигла цели, ибо американских империалистов, стремив-

---

[55]) Ibid., p. 394. Хорнбек—Ламонту, 18 июня 1934 г.

[56]) Ibid., p. 421. Ламонт—Хорнбеку, 11 октября 1934 г.

[57]) FR, Japan, vol. 1, p. 232—233; FR, 1934, vol. 3, p. 650. Меморандум Хэлла, 16 мая 1934 г.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

шихся, в свою очередь, к установлению господства на всем Тихом океане, вовсе не устраивало подобное разграничение сфер влияния, при котором им нужно было признать господство Японии в Восточной Азии. Государственный департамент отклонил это предложение. Хэлл в своих мемуарах пишет, что для США дать согласие на предложение Сайто значило бы «дать наше благословение» на японское завоевание Китая и других соседних стран и на запрещение торговли между Западом и территориями, находящимися под ее контролем [58]).

Американские историки-ревизионисты, осуждая всю дальневосточную политику Рузвельта, подвергли ожесточенной критике и эту акцию. Так, например, Тэнзилл, сравнивая возможное соглашение с Японией на основе предложения Сайто с японо-американскими соглашениями Рут-Такахира (1908 г.) и Лансинг-Исии (1917 г.), пишет, что «соглашение о признании специальных прав Японии в Северном Китае изменило бы историю наших тихоокеанских отношений и предотвратило бы трагедию Пирл-Харбора» [59]). Однако признание специальных интересов Японии в Северном Китае не могло предотвратить японо-американского конфликта, поскольку Япония претендовала на господство в обширных районах Юго-Восточной Азии.

В 1933—1934 гг. целью политики Рузвельта в Китае было укрепление режима Чан Кай-ши с тем, чтобы последний мог дать отпор японской экспансии и подавить революционное движение китайского народа. Осуществление этих замыслов натолкнулось на ожесточенное японское сопротивление. В результате в американском правительстве на время возобладала точка зрения о том, что нужно отказаться от поддержки гоминьдановского режима в такой форме, в какой она вызывала японское противодействие.

Правительство США фактически взяло курс на невмешательство в японскую агрессию против Китая. Американские историки трактуют этот курс как свидетельство ухода США с Дальнего Востока. На самом деле цели дальневосточной политики американского империализма остались прежними. Правительство президента Рузвельта не дало согласия на японские притязания на господство в западной части Тихого океана. Поскольку пассивность США в Китае объяснялась неподготовленностью к борьбе за свои интересы в Китае, то американское правительство большое внимание стало уделять усилению военно-морской мощи США, усматривая в этом средство, которое поможет укрепиться и в Китае. В то же время американские политики надеялись на то, что экспансия Японии в Китае, а возможно, и нападение японских милитаристов на СССР ослабят силы государств, которые будут вовлечены в войну, и обеспечат укрепление позиции Соединенных Штатов Америки.

---

[58]) «The Memoirs of C. Hull.», vol. I, p. 281.
[59]) Ch. Tansill. Op. cit., p. 139.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 265 Серия историческая

С. Б. ВОЛЬФСОН

ОБОСНОВАНИЕ Дж. Ф. ДАЛЛЕСОМ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПАРТИИ НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ В США в 1952 г.

Личность Джона Фостера Даллеса, государственного секретаря США в 1953—1959 гг., одного из ведущих американских деятелей самого острого периода «холодной войны» привлекала и привлекает по-прежнему внимание как советских, так и зарубежных исследователей. С именем Д. Ф. Даллеса связан целый этап послевоенной политики американского империализма, и, в частности, разработка и попытка претворения в жизнь крайне авантюристической доктрины «массированного возмездия» и концепции «освобождения» («отбрасывания»). Оценки буржуазными историками роли и места Д. Ф. Даллеса в истории послевоенной американской внешней политики весьма различны и зачастую противоположны.

В американской политологии и историографии внешней политики США принято подразделять политических и государственных деятелей на «интернационалистов» (сторонников глобального характера внешнеполитической экспансии, подчеркивающих значение военно-политических союзов с империалистическими государствами, прежде всего со странами Западной Европы) и «изоляционистов», которые настаивали на приоритете экспансии американского империализма в Азии. Большинство американских историков утверждает, что Д. Ф. Даллес олицетворял интернационализм и глобализм в американской внешней политике. В свою очередь Н. Грэбнер заявляет, что «новый изоляционизм» в выдвинутой Д. Ф. Даллесом в 1952 г. внешнеполитической программе получил свое конечное выражение [1]).

В соответствии с другой принятой в американской политологии и историографии градации как политические деятели, так и историки делятся на сторонников «политического идеализма» и сторонников «политического реализма». Широко распространена точка зрения, изображающая Д. Ф. Даллеса в качестве классического примера «политического идеалиста» — государственного деятеля, руководствующегося определенными «моральными» принципами. Впрочем, и по этому вопросу имеются разногласия — относить ли Даллеса к сторонникам «либерального идеализма» или к сторонникам «консервативного идеализма».

Если в 50-е годы приверженность Д. Ф. Даллеса к определенной «моральной концепции» рассматривалась в качестве источника силы даллесовской дипломатии, то с течением времени именно в этом боль-

[1]) N. Graebner. The New Isolationism. A Study in Politics and Foreign Policy Since 1950. N. Y., 1956, p. 88, 91.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

шинство буржуазных историков стало видеть источник ее слабости, так как, по их мнению, находясь в плену «моральных принципов», Д. Ф. Даллес ослаблял эффективность прагматического подхода к анализу реальной действительности.

Автор недавно вышедшей книги о Д. Ф. Даллесе М. А. Гьюэн оспаривает подобного рода оценки. Он утверждает, что подход Даллеса к международным проблемам не являлся результатом воздействия каких-либо «идеологических» или «моральных» заповедей — Д. Ф. Даллес якобы не является идеологом «холодной войны». Взгляды и действия Даллеса, по мнению Гьюэна, соответствовали критериям «реалистической школы и реалистического либерализма» и, в конечном счете, определялись политическими условиями и международной обстановкой его времени [2]).

Противоречивые оценки деятельности и взглядов Д. Ф. Даллеса не случайны — это не только отражение методологической путаницы, но и результат острой политической борьбы в правящих кругах США по важнейшим вопросам внешней политики. Поиск тех, кто ответствен за провалы и поражения периода «холодной войны», сказался и на определении роли и места Д. Ф. Даллеса в истории американской послевоенной внешней политики.

При исследовании роли Д. Ф. Даллеса в формировании внешнеполитического курса американского империализма несомненный интерес представляют события 1952 г. — года президентских выборов в США. Завершался пятый срок пребывания у власти администрации демократической партии. В Соединенных Штатах Америки отмечалась острая политическая борьба. В отличие от прошлого, острота внутриполитической борьбы определялась прежде всего провалом внешнеполитического курса США, воздействием этого фактора на внутриэкономическое и политическое положение в стране. Безудержная гонка вооружений и вызванный ею громадный рост налогов, зашедшая в тупик война в Корее и сообщения о гибели десятков тысяч американских юношей на этом далеком от американского континента полуострове, антикоммунистическая истерия и ставшие постоянными сообщения об успехах стран социализма и внешнеполитических неудачах США — все это вызывало у миллионов американцев чувства растерянности и недовольства.

Сложившуюся ситуацию стремилось использовать в собственных целях руководство республиканской партии. «Говорят, что мы должны избегать упоминания о внешней политике и согласиться с мудростью Трумэна и Ачесона, — заявлял, выступая 16 апреля 1952 г., один из ведущих лидеров республиканской партии сенатор Р. Тафт. — В настоящее время внешняя политика определяет каждую черту внутренней политики. Она принуждает каждого парня служить в вооруженных силах в течение 2-х лет, приводит к расходованию неограниченных средств, к величайшим в истории нации налогам и экономическому контролю, осуществляемому правительством над каждым предприятием и каждой фермой» [3]).

Руководство демократической партии в ходе избирательной кампании стремилось выдвинуть на первый план проблемы внутренней политики, доказывая, что администрация Г. Трумэна обеспечила стране высокую степень экономической активности и материального благосостояния. Лидеры республиканской партии, в свою очередь, выдвигали

---

[2]) M. A. Guhin. John Foster Dulles. A Statesman and His Times. N. Y., L., 1972, p. 1—2, 10.

[3]) «Congressional Record», vol. 98, April 28, 1952, p. A2653.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

в качестве важнейших вопросов предвыборной борьбы такие проблемы, в отношении которых позиция демократической партии была наиболее уязвима. Показательна в этом отношении точка зрения уже тогда влиятельного в кругах республиканской партии сенатора Р. Никсона, который говорил: «Если мы позволим другой партии избрать проблему предвыборной борьбы, мы будем побеждены и мы заслуживаем того, чтобы потерпеть поражение. Наша задача состоит в том, чтобы донести до нашей страны тот факт, что существует проблема более важная, чем временное материальное просперити, в том, чтобы доказать, что республиканская администрация может решить эту проблему более эффективно, чем нынешняя администрация». Никсон, как и другие лидеры республиканской партии, доказывал, что главная задача, стоящая перед Соединенными Штатами — это определение внешнеполитического курса. «Давайте посмотрим, что произошло в период администрации Трумэна. Шесть лет тому назад Соединенные Штаты были наиболее могущественной нацией на земном шаре. У нас была сильнейшая в мире армия, сильнейший военно-морской флот, сильнейшие в мире военно-воздушные силы. Мы обладали монополией на атомную бомбу»[4]). Р. Никсон подчеркивал, что происшедшие за последние шесть лет изменения в соотношении сил на международной арене были явно не в пользу Соединенных Штатов Америки. «Неопровержимый факт состоит в том, что наша политика потерпела провал», — говорил он[5]).

В 1952 г. в США создались благоприятные условия для прихода республиканской партии к власти. В этих условиях при определении тактики предвыборной борьбы многие лидеры республиканской партии и особенно крыло, возглавляемое сенатором Р. Тафтом, настаивали на том, чтобы республиканская партия выдвинула свою альтернативу внешней политике правительства Г. Трумэна. «Республиканская партия не должна санкционировать политику, которая продолжит существование этой трагической ситуации», — говорил в одном из предвыборных выступлений сенатор Р. Тафт. «Ее кандидат не должен говорить, что он одобряет внешнюю политику Ачесона, но будет делать это лучше. В этом состояла фатальная ошибка во время трех последних выборов. Мы не можем позволить себе выставить кандидата, который не выступит с осуждением полного банкротства администрации мистера Трумэна»[6]).

Логика внутриполитической борьбы в правящих кругах США в условиях конкретной ситуации 1952 г. заставляла различные группировки американской империалистической буржуазии сосредоточить усилия на поиске более эффективной внешней политики. Характерной особенностью этих усилий было то, что они велись в направлении разработки более агрессивных, более авантюристических и воинствующих внешнеполитических программ. Голоса тех, кто выступал за разумный и трезвый анализ международной обстановки и за выдвижение соответствующего альтернативного курса, были немногочисленны, в республиканской партии эти люди влияния не имели. Реакционные лидеры республиканской партии стремились аккумулировать широко распространенные среди американцев настроения с тем, чтобы направить их на поддержку крайне агрессивной внешнеполитической программы. Особенно усердствовала в этом отношении группировка, возглавляемая сенатором Р. Тафтом, бывшим президентом США Г. Гувером и бывшим командующим вооруженными силами на Дальнем Востоке Д. Макартуром. Сенатор Р. Тафт добивался своего выдвижения в качестве кандидата на

[4]) «Congressional Record», vol. 98, April 17, 1952, p. A2479.
[5]) Ibid., p. A2480.
[6]) «Congressional Record», vol. 98, June 3, 1952, p. A3562.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

пост президента США. Он пользовался серьезным влиянием в аппарате республиканской партии и был особенно известен своей критикой внутренней политики правительства Г. Трумэна. В годы войны в Корее Р. Тафт особенно часто выступал по вопросам внешней политики. В свою очередь лидеры республиканской партии из восточных штатов выдвинули генерала Д. Эйзенхауэра в качестве возможного кандидата в президенты США. Генерал Д. Эйзенхауэр был популярен в США как герой второй мировой войны. Партия, выдвинувшая его в качестве кандидата, получала шансы на успех. Именно поэтому президент Г. Трумэн предлагал Д. Эйзенхауэру баллотироваться в президенты в качестве кандидата от демократической партии. Но Эйзенхауэр предпочел пойти навстречу предложениям лидеров республиканской партии. В этих условиях группировке, поддерживающей кандидатуру Д. Эйзенхауэра, нужен был деятель, достаточно авторитетный в вопросах внешней политики и способный привлечь к ним внимание американских избирателей. Таким политическим деятелем явился Джон Фостер Даллес, бывший сенатор и эксперт республиканской партии по внешнеполитическим вопросам.

Последовательно антикоммунистические, откровенно реакционные взгляды Д. Ф. Даллеса, всегда выступавшего за агрессивный внешнеполитический курс, составили ему имя в республиканских кругах. Его считали своим единомышленником не только лидеры республиканской партии из восточных штатов, но и сторонники Р. Тафта и генерала Д. Макартура. Правительство Г. Трумэна неоднократно призывало Д. Ф. Даллеса для выполнения важных дипломатических поручений. Его роль в подготовке сепаратного Сан-Францисского мирного договора с Японией и военных союзов с Японией, Австралией, Новой Зеландией и Филиппинами, подписанных в августе—сентябре 1951 г., позволили создать в глазах воинствующе настроенных американцев образ неколеблющегося и решительного политического деятеля.

Весной 1952 г. Д. Ф. Даллес подал в отставку с дипломатической службы. Это развязывало ему руки и позволяло включиться в предвыборную борьбу. Хотя не исключалось, что Р. Тафт, как один из ведущих претендентов на выдвижение своей кандидатуры на пост президента, может попытаться привлечь Даллеса на свою сторону, более широко было распространено мнение, что Даллес станет государственным секретарем, если генерал Д. Эйзенхауэр будет избран президентом США[7]).

Весной 1952 г., когда в США разворачивалась кампания по выдвижению Д. Эйзенхауэра кандидатом в президенты США, близкие к генералу политические деятели стали настойчиво знакомить его со взглядами Д. Ф. Даллеса по внешнеполитическим вопросам. Один из друзей Д. Эйзенхауэра генерал Л. Клей направил ему написанные Д. Ф. Даллесом два меморандума. В ответном письме генералу Л. Клею Д. Эйзенхауэр отмечал сходство своей позиции с точкой зрения Д. Ф. Даллеса в отношении поддержания «национальной военной мощи и влияния» путем перехода к новой военно-стратегической доктрине «массированного возмездия». В то же время Д. Эйзенхауэр подчеркивал присущее Д. Ф. Даллесу стремление к упрощению роли «теории возмездия» для решения возникающих в сложных внешнеполитических ситуациях проблем[8]).

---

[7]) C. L. Sulzberger. A Long Row of Candles. Memoirs and Diaries (1934—1954). Toronto, 1969, p. 746.

[8]) D. D. Eisenhower. Mandate for Change. 1953—1956. L., 1963, p. 23.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

В начале мая 1952 г. по инициативе генерала Л. Клея в Париже состоялась встреча Джона Фостера Даллеса с генералом Д. Эйзенхауэром. В течение двух продолжительных бесед Эйзенхауэр и Даллес обсуждали вопросы внешней политики. Впоследствие американские историки по-разному оценят значение этих бесед. Один из биографов Даллеса Ф. Р. Бил утверждал, что целью поездки Даллеса в Париж было не столько изложение и аргументация собственной позиции, сколько ознакомление со взглядами Эйзенхауэра [9]). На деле Даллес использовал любую возможность, чтобы высказать свою точку зрения как в отношении критического анализа внешнеполитического курса правительства Г. Трумэна, так и в отношении политики будущей республиканской администрации — во встречах с Д. Эйзенхауэром, а также в доверительных беседах с адмиралом Д. Рэдфордом (занимавшим впоследствии пост председателя объединенного комитета начальников штабов США), генералом Л. Клеем, известным американским журналистом К. Л. Сульцбергером. 5 мая 1952 г. во Французском национальном институте политических наук Даллес выступил с большой речью, положившей начало серии его широко разрекламированных внешнеполитических выступлений, завершившихся публикацией в журнале «Лайф» статьи «Политика смелости».

Ссылаясь на свидетельство одного из известных деятелей республиканской партии Г. Браунелла, американский историк М. Гьюэн стремился доказать, что главная цель выступлений Д. Ф. Даллеса в Париже состояла в том, чтобы убедить Д. Эйзенхауэра, насколько опасно существование «изоляционистских настроений» в республиканской партии [10]). Содержание выступлений Д. Ф. Даллеса, утверждает М. Гьюэн, определялось соображениями предвыборной борьбы. Даллес, чтобы утвердить свое положение в республиканской партии, должен был отмежеваться от администрации Г. Трумэна, с политикой которой он был связан в течение ряда лет. «Более чем какие-либо другие факторы, политическая необходимость и приемлемость объясняет типичные преувеличения предвыборного сезона середины столетия», — пишет М. Гьюэн [11]). Отсюда вывод — содержание выступлений Д. Ф. Даллеса весной 1952 г. определялось факторами межпартийной и внутрипартийной борьбы в правящих кругах США, а не стремлением выдвинуть еще более агрессивную внешнеполитическую программу. Главное в подобного рода утверждениях — преуменьшить самостоятельное значение выдвинутой в 1952 г. Д. Ф. Даллесом программы и в конечном счете опровергнуть тот прочно укоренившийся образ Даллеса, который, по мнению М. Гьюэна, возник в период между 1951 и 1954 гг. и, особенно, в период предвыборной кампании 1952 г. [12]). При этом анализ содержания выступлений Даллеса М. Гьюэн подменяет перечислением факторов, оказавших влияние на его позицию.

Конечно, нельзя отрицать влияния факторов политической борьбы на содержание выступлений Д. Ф. Даллеса, как и на содержание выступлений других политических деятелей. Речь, произнесенная Даллесом в Париже, была посвящена американской политике на Дальнем Востоке и в других районах Азии. Выбор азиатской проблематики был не случайным. Именно по этим вопросам республиканская оппозиция вела наступление на внешнеполитический курс правительства Г. Трумэна. Это позволяло Д. Ф. Даллесу преждевременно не настраивать

[9]) J. R. Beal. John Foster Dulles. A Biography. N. Y., 1957, p. 129.
[10]) M. A. Guhin. John Foster Dulles, p. 164—165.
[11]) Ibid., p. 159.
[12]) Ibidem.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

против себя сторонников Тафта и в то же время прощупать реакцию американской прессы.

Вообще характерно, что в первых своих программных выступлениях Д. Ф. Даллес почти в равной степени расточал похвалы как генералу Д. Эйзенхауэру, так и генералу Макартуру. На данном этапе предвыборной кампании Даллес стремился сохранить хорошие отношения как с группировской деятелей республиканской партии, выдвинувшей кандидатуру Д. Эйзенхауэра, так и с группировской Р. Тафта — Г. Гувера — Д. Макартура. Как отмечал журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», Даллес в течение длительного времени был главным советником губернатора Т. Дьюи по внешнеполитическим вопросам [13]). В 1952 г. Дьюи был одним из инициаторов выдвижения кандидатуры Д. Эйзенхауэра, противопоставив ее кандидатуре Р. Тафта. Но все это не мешало Даллесу в течение ряда лет сохранять личные дружественные отношения с сенатором Р. Тафтом [14]). По возвращении из Парижа Д. Ф. Даллес в Нью-Йорке встретился с генералом Макартуром. От имени Р. Тафта Макартур предложил Даллесу пост государственного секретаря в правительстве Р. Тафта в случае победы последнего на выборах (подобного предложения Даллесу от группировки Д. Эйзенхауэра еще не поступало). Вслед за этим в Вашингтоне состоялась беседа Даллеса с сенатором Тафтом, которого в США многие считали символом так называемого «неоизоляционизма».

«Антиизоляционистская» тема в этих условиях не могла быть и не была главной в речах и статьях Д. Ф. Даллеса. В мае 1952 г. Даллес делал ставку не на критику позиции Р. Тафта, а на выдвижение такой программы, которая, отражая позицию наиболее воинствующих империалистических кругов США, получила бы поддержку различных фракций республиканской партии. Выдвинутый М. Гьюэном тезис об «антиизоляционистской» позиции Даллеса, якобы определяющей главное содержание его выступлений в предвыборной кампании 1952 г., слишком очевидно подчинен определенной схеме. Главное в этой схеме — преуменьшить самостоятельное значение программы внешнеполитической экспансии, отстаиваемой Д. Ф Даллесом.

Обычно свои статьи и речи Д. Ф. Даллес начинал с критики внешней политики правительства президента Г. Трумэна. От выступления к выступлению эта критика становилась все более резкой и категоричной. Даллес говорил, что внешняя политика администрации Трумэна вызывает все большее разочарование и недовольство как в США, так и в зарубежных странах. «Все возрастающее число людей отворачивается от нашей политики, как слишком милитаристской, слишком дорогостоящей, слишком неустойчивой и слишком неубедительной для них, чтобы они могли ее придерживаться». Отмечая, что американские «обширные, расточительные и тайно разработанные планы пугают многих», Даллес говорил: «Жестокая правда состоит в том, что многие народы мира менее опасаются Красной Армии, чем того, что Соединенные Штаты могут опрометчиво ускорить атомную войну». Далее Даллес подчеркивал, что милитаристский характер внешней политики США, «концентрация на военных вопросах» оказывают воздействие как на внутреннее положение США, так и на международные отношения [15]). Подобного рода заявления были не только данью моде, уместной в условиях острой предвыборной борьбы. Все эти негативные моменты, по

---

[13]) «U. S. News and World Report», November 28, 1952, p. 25.
[14]) R. Goold-Adams. John Foster Dulles. A Reappraisal. N. Y., 1962, p. 54.
[15]) «Congressional Record», vol. 98, May 19, 1952, p. 5554; Ibid., May 14, 1952, p. 5231.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

мнению Даллеса, были присущи именно политике «сдерживания», в соответствии с которой правительство Соединенных Штатов через посредство «чрезвычайных акций пыталось сдержать коммунизм, то препятствуя ему в одном месте, то блокируя его в другом»[16]).

Под трафаретными для того времени формулировками о «сдерживании коммунизма» подразумевалась борьба против сформировавшейся во второй половине 40-х годов системы социализма, против революционного движения рабочего класса в капиталистических странах, против национально-освободительного движения в Азии и Африке. Во многих своих выступлениях в мае 1952 г. Даллес подчеркивал, что политика администрации Трумэна в этом отношении не достигла успеха, несмотря на громадные затраты. Не все, что делало американское правительство в послевоенные годы, Даллес оценивал с негативных позиций. Он с одобрением высказался об американской интервенции в Греции в 1947 г., был одним из инициаторов агрессии американского империализма в Корее в 1950 г., поддерживал заключение пактов Рио, Североатлантического и Тихоокеанских. «Беспокойство вызывает в основном не то, что нами сделано, а то, что мы еще не сделали, — подчеркивал Д. Ф. Даллес. — Мы в основном просто спорадически реагировали на советские действия, которые задевали нас»[17]).

Даллес не был оригинален, когда он, извращая исторические факты, утверждал, что США «просто реагировали на «задевавшие» их действия, а не стремились навязать всему миру угодный американскому империализму «Пакс американа». Но в его критике внешнеполитического курса администрации Г. Трумэна были специфические моменты. Примечательно утверждение Даллеса о том, что при проведении своего внешнеполитического курса в жизнь, администрация Г. Трумэна шла от кризиса к кризису, нагнетая страх. Именно страх, подчеркивал Даллес, побуждал американцев действовать[18]). Стимулировать «спазмы испуга» помогал выдвинутый правительством США тезис о «критическом годе». «Критическими годами» должны были стать соответственно 1950, 1952, 1954 гг. На «критический год» ориентировалось планирование гонки вооружений и военных расходов[19]).

Подобная политика, по мнению Даллеса, оказала отрицательное воздействие на психологическое состояние нации — нельзя постоянно сохранять напряжение страха. Сами же «чрезвычайные меры» были слишком дорогостоящими и в то же время малоэффективными. «Мы платили слишком много за слишком малое». Гигантские расходы, несбалансированный бюджет и, как последствие — высокие налоги, по мнению Даллеса, подтачивали основы американской капиталистической системы[20]). Такие обвинения многократно повторялись в выступлениях Р. Тафта, Г. Гувера, Д. Макартура и многих других известных деятелей республиканской партии.

Важное место в предвыборных баталиях 1952 г. занимали вопросы, связанные с оценкой эффективности программы военной и экономической помощи иностранным государствам и роли военно-политических союзов во внешнеполитической стратегии американского империализма. Именно по этим вопросам на политику правительства Трумэна велась особенно ожесточенная атака со стороны группировки Р. Тафта. Немалая часть американских избирателей высказывала свое недовольство

[16]) «Congressional Record», vol. 98, May 19, 1952, p. 5554.
[17]) «Congressional Record», vol. 98, May 16, 1952, p. A3194.
[18]) «Congressional Record», vol. 98, May 14, 1952, p. 5231.
[19]) Ibid.
[20]) «Congressional Record», vol. 98, May 16, 1952, p. A3194—A3195; Ibid., May 19. 1952, p. 5554.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

тем, что, несмотря на громадные затраты и создание системы военно-политических союзов, США вынуждены были вести военные действия в Корее фактически без существенной поддержки своих союзников.

Даллес в своих выступлениях не мог обойти эти вопросы. Его положение было не из легких — он принимал самое активное участие в создании системы военно-политических союзов империалистических государств, генерал Д. Эйзенхауэр играл ведущую роль в создании военной организации Северо-Атлантического союза. Перед Даллесом стояла сложная задача — отмежеваться от внешней политики Г. Трумэна — Д. Ачесона и в то же время сохранить преемственность агрессивного курса американского империализма.

Даллес сумел найти «выход» из создавшегося положения. С одной стороны, он подчеркивал огромное значение создания НАТО и особенно проектов создания западноевропейской армии под единым политическим командованием. При этом отмечалось особое значение деятельности генерала Д. Эйзенхауэра. Говоря о значении созданной системы военных пактов на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана, он подчеркивал при этом положительную роль генерала Д. Макартура. С другой стороны, Даллес подверг резкой критике программы иностранной помощи, осуществляемые администрацией Г. Трумэна, ее политику в вопросах о военно-политических пактах. По его мнению, негативные моменты американской политики пактов и программы иностранной помощи состояли в том, что это были меры паллиативные, только в какой-то части решающие проблему «борьбы с коммунизмом», но не решающие ее в целом. Пограничная линия, отделяющая Западную Европу от социалистического мира, составляет приблизительно 500 миль, утверждал Д. Ф. Даллес, общая граница капиталистического мира с миром социалистическим —20 000 миль. «Общая стоимость завершения программ для Западной Европы должна быть оценена в сотни миллиардов долларов, а увеличение ее в 25 раз было бы процессом, приводящим к банкротству, все участвующие в ней правительства стали бы перед опасностью внутренней революции»[21]).

В основу создания Северо-Атлантического союза, подчеркивал Даллес, легла теория «устрашения» в сочетании с принципом интеграции Западной Европы. Это означало, что именно западноевропейские страны должны были взвалить на себя основную тяжесть бремени создания военной организации в Западной Европе, участие США должно было бы состоять в решимости применить при определенных обстоятельствах «оружие устрашения». «Однако, — говорил Даллес, — вскоре после того, как договор был ратифицирован, администрация отказалась от теории «устрашения» и в конце 1949 г. выдвинула программу военной помощи»[22]). В целом в перевооружение Западной Европы были вложены миллиарды долларов, но цели, поставленные администрацией Трумэна, фактически достигнуты не были[23]). Даллес подчеркивал, что надежды, возлагаемые на пакты, не оправдались. «Теперь очевидно, что первоначальные оценки, из которых исходило наше государство, были ошибочны, потому что опасность, которая, как нам говорили, должна была быть устранена, так и не уменьшилась»[24]).

Даллес подчеркивал, что наибольшие провалы потерпела именно азиатская политика правительства Г. Трумэна. Это, по его мнению, являлось следствием недооценки значения Азии в глобальной политике

[21]) «Congressional Record», vol. 98, May 14, 1952, p. 5231.
[22]) «Congressional Record», vol. 98, May 16, 1952, p. A3194.
[23]) Ibid., p. A3194—A3195.
[24]) «Congressional Record», vol. 98, May 14, 1952, p. 5230, 5231.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

США, а также результатом попыток применить «европейские методы» в решении азиатских проблем. Под последним подразумевались военно-политические мероприятия, проводимые в Западной Европе в рамках концепции «сдерживания». На обширных просторах Азии, утверждал, выступая в Париже, Даллес, «невозможно создать тот тип локальной обороны, который создается здесь, в Западной Европе»[25]). «Азиатские страны, — говорил он в своем другом выступлении, — не обладают ни военными традициями, ни индустриальной мощью, ни финансовыми ресурсами», необходимыми для этого[26]). Именно применительно к азиатской политике администрации Г. Трумэна, по мнению Даллеса, проявились все слабости и негативные стороны концепции «сдерживания»: ее оборонительный характер, нерешительность, пассивность, потеря инициативы, отказ от «динамичного лидерства» и как результат всего этого, — сокращение сферы господства капиталистического мира, который «уже настолько сократился, что более ни одна значительная часть его не может быть потеряна без угрозы для всего, что осталось»[27]).

Как отмечает английский буржуазный историк Д. Рис, Д. Ф. Даллес еще с середины 1951 г. стал признанным идеологом республиканской оппозиции доктрине «сдерживания». Даллес поддержал агрессивные акции правительства США в ходе корейской войны, но считал их частью политики, которая не шла достаточно далеко[28]).

Естественно, Даллес не мог ограничиться только критикой негативных моментов, с его точки зрения, внешнеполитического курса администрации Трумэна. В предвыборной борьбе это делали все сколько-нибудь известные деятели республиканской партии. Логика политической борьбы заставляла Даллеса выдвинуть «собственную» программу действий американского империализма на международной арене.

Интересно отметить, что именно в азиатской политике США Даллес искал новые проявления той политики, которая могла бы заменить собой доктрину «сдерживания». Еще в начале 1952 г. Д. Ф. Даллес в статье, опубликованной в журнале «Форин афферс», подчеркивал, что заключенные с его участием договоры о военном союзе с Филиппинами, Австралией, Новой Зеландией и Японией имеют ряд особенностей. Даллес отмечал прежде всего, что в соответствии с этими договорами США не будут брать на себя обязательства, которые они не смогут выполнить, особенно когда речь идет о применении сухопутных войск. «Разработанные в настоящее время договоры безопасности. — писал Даллес, — затрагивают только острова, где безопасность в решительной степени зависит от морской и воздушной мощи»[29]).

В мае 1952 г. в ряде статей и выступлений Даллес излагает содержание предлагавшейся им программы американского империализма, составной частью которой должна была стать доктрина, получившая впоследствии название доктрины «массированного возмездия». В основе выдвинутой Д. Ф. Даллесом доктрины лежала идея силы. Упоение силой, вера во всемогущество американской мощи отличали выступления Д. Ф. Даллеса.

По мнению Н. Грэбнера, в этом отношении Даллес пошел дальше своих предшественников — Г. Гувера и Р. Тафта[30]). 5 мая 1952 г. в речи, произнесенной в Париже, Даллес назвал выдвинутую им программу

---

[25]) «Congressional Record», vol. 98, May 9, 1952, p. 5057.
[26]) «Congressional Record», vol. 98, May 14, 1952, p. 5231.
[27]) «Congressional Record», vol. 98, May 9, 1952, p. 5057.
[28]) D. Rees. Korea: The Limited War. L., 1964, p. 387—388.
[29]) J. F. Dulles. Security in the Pacific. «Foreign Affairs», vol. 30, no. 2, January 1952, p. 183.
[30]) N. Graebner. The New Isolationism, p. 92.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

действий доктриной «обороны посредством устрашающей мощи», главной составной частью которой должно было стать использование ядерного оружия в качестве «акции возмездия» [31]).

В начале 50-х годов в правящих кругах США все чаще высказывались мнения, что США распыляют свою мощь, рассредоточив ее по всему периметру социалистического мира. Критики доктрины «сдерживания», особенно из числа сторонников Г. Гувера и Р. Тафта, именно в этом видели один из главных ее недостатков [32]). Вслед за ними Д. Ф. Даллес считал, что военная мощь Соединенных Штатов Америки должна быть сконцентрирована в одном месте. Идея центральной позиции США в военной организации капиталистического мира была популярной в американских правящих кругах, она была составной частью любых теоретических выкладок, имеющих отношение к военным доктринам и военной политике американского империализма. У Даллеса эта идея нашла отражение в его тезисе «организации ударной мощи». Даллес в популярной форме, явно ориентируясь на кругозор американских избирателей, пытался объяснить, что он под этим подразумевает: «Действующий при этом принцип так же прост, как принцип действия наших муниципальных полицейских. Для того, чтобы остановить нападающих, — писал Даллес, — мы не размещаем вооруженную охрану в каждом доме, это было бы экономическим самоубийством, но мы устрашаем потенциальных нападающих наличием возможности того, что если они нападут, они в наказание пожертвуют большим, чем они смогут приобрести, нападая» [33]).

Даллес следующим образом излагал свою формулу действия механизма «возмездия». Противник должен знать, что «в случае любого вооруженного нападения ударные силы сообщества готовы и полны решимости применить возмездие, используя оружие по своему выбору против избираемых ими самими целей и в любое избранное ими время». Условием, обеспечивающим успешное действие механизма «возмездия», являлось наличие атомного оружия и средств его доставки. По мнению Даллеса, атомное оружие, соединенное со стратегической и военно-морской мощью, представляет Соединенным Штатам и их союзникам «обширный диапазон новых возможностей». Даллес подчеркивал, что эта «высшая устрашающая мощь» может стать «эффективным политическим оружием» [34]).

Формула действия механизма «возмездия», по мнению Даллеса, была бы во многих отношениях эффективна: США, наконец, получат в свои руки инициативу, именно им будет принадлежать выбор места и времени акта возмездия, именно Соединенным Штатам Америки будет принадлежать право выбора того оружия, которым будет нанесен удар. А это значит, что США не будет больше вести войны, подобные войне в Корее, — бесконечные тупиковые войны без перспективы достижения победы.

Как утверждал Даллес, предложенная им политика является политикой долгосрочной, предусматривающей достижение готовности на постоянной основе, а не в расчете на какой-то «критический год». США при этом будут обладать способностью противостоять критическим ситуациям в любой форме, в любом месте. Создание «организации удар-

---

[31]) «Congressional Record», vol. 98. May 9, 1952, p. 5057.

[32]) Подробнее об этом смотри: С. В. Вольфсон. Великие дебаты. Дискуссия о военно-политических доктринах американского империализма в связи с поражением войск США в Корее (ноябрь 1950 — март 1951). — Вопросы международных отношений. Вып. 2. Труды ТГУ. Том 195. Томск, 1968.

[33]) «Congressional Record», vol. 98, May 19, 1952, p. 5555.

[34]) Ibid., p. 5556.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ной мощи» и проводимый политический курс будет соответствовать постоянному характеру «угрозы», с которой США встретились в послевоенный период.

Даллес неоднократно подчеркивал, что отстаиваемая им программа действий позволяет получить максимум безопасности при наименьших затратах. Это должно быть достигнуто, говорил Даллес, «на постоянной основе при учете наших возможностей финансирования при отказе от несбалансированного бюджета, конфискации или инфляции» [35]).

Даллес отмечал, что магическая формула «максимум безопасности при наименьших затратах» потребует от американцев определенных жертв. Он подчеркивал, что американский народ должен приучить себя к мысли о том, что «опасность и бремя ответственности» присущи не только настоящему времени, но являются непременными атрибутами будущих десятилетий, что американцы должны быть готовы «идти на жертвы из года в год». Наконец, и это главное, утверждал Д. Ф. Даллес, важнейшим условием эффективности выдвинутого курса является наличие решимости привести в действие механизм «возмездия», что, как пишет американский историк Д. Кэриди, «определенно включало использование атомного оружия» [36]). Отсутствие решимости применить ядерное оружие в качестве средства «возмездия» за революционные выступления народных масс в различных районах земного шара было, по мнению Даллеса, одной из главных слабостей внешнеполитического курса правительства Г. Трумэна. Колебания, нерешительность, недостаточная воля к достижению победы — в этом, как считали единомышленники Даллеса, состояла одна из причин того, что США так и не сумели использовать свою атомную мощь в качестве средства быстрейшего завершения войны в Корее.

Призыв Даллеса быть готовыми к новым жертвам был обращен не только к американцам. Само действие «механизма возмездия» предусматривало не только сохранение и укрепление военно-политических союзов империалистических держав, но и их согласие с доктриной «массированного возмездия». Только при этом условии, по мнению Даллеса, «оборона многих может быть достигнута той же ценой, что и оборона одного» [37]). А это, в свою очередь, означало признание необходимости дислокации на территории союзных с Соединенными Штатами государств ядерного оружия и средств, способных нанести решающий удар по «источникам мощи и линиям коммуникации» социалистических стран [38]).

«Массированное возмездие» расматривалось Д. Ф. Даллесом в качестве наиболее эффективного средства борьбы с «революционной угрозой», то есть с национально-освободительным движением в Азии. Азия, в частности Индокитай, являющийся, как утверждал Даллес, «ключом к Юго-Восточной Азии», может стать районом применения акций «возмездия». Именно здесь Соединенные Штаты Америки могли бы овладеть инициативой, намечая район «акций возмездия», делая ставку на применение авиационной и военно-морской мощи. И именно в Азии США могли бы действовать безнаказанно. Доказывая это, Даллес почти дословно повторял аргументы, часто встречавшиеся в выступлениях сторонников группировки Г. Гувера — Р. Тафта — Д. Макартура об

---

[35]) «Congressional Record», vol. 98, May 14, 1952, p. 5231.
[36]) R. J. Caridi. The G. O. P. and the Korean War. «Pacific Historical Review», vol. XXXVII, Number 4, November 1968, p. 436.
[37]) «Congressional Record», vol. 98, May 9, 1952, p. 5056.
[38]) «Congressional Record», vol. 98, May 19, 1952, p. 5555.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

уязвимости позиций социалистических стран в Азии: «Сибирь и большая часть Китая, особенно Маньчжурия, уязвимы с точки зрения транспортных и других коммуникаций. Разрушение портов и линий коммуникаций парализует советскую мощь в Азии». Если же удастся нейтрализовать поддержку со стороны социалистических государств национально-освободительному движению в Азии, «проявив стремление и способность к возмездию», тогда можно будет справиться с революционным движением в странах Азии [39]).

Угрозы применения «акций возмездия» рассматривались Даллесом и его сторонниками в качестве средства давления на социалистические государства, прежде всего на СССР, с целью заставить их принять американские условия перемирия в Корее.

Способность к «массированному возмездию» и наличие стремления к его применению рассматривались Даллесом как важнейшее условие ведения успешной психологической войны. Атомная мощь Соединенных Штатов в сочетании с авиационной и военно-морской мощью должны были использоваться как эффективное политическое оружие, то есть в качестве оружия политического шантажа, как средство психологического нажима на социалистические страны, на революционное и национально-освободительное движение. Таким образом подчеркивалась взаимосвязь между доктриной «массированного возмездия» и тем внешнеполитическим курсом, который, по мнению Даллеса, должен был заменить «негативную политику сдерживания и тупика». В течение ряда лет наиболее воинствующие империалистические круги в США выступали с призывами к «отбрасыванию коммунизма», к проведению политики «освобождения», то есть к борьбе за реставрацию капитализма в восточноевропейских государствах и в странах Азии, вставших на социалистический путь. В своих майских выступлениях и, в частности, в статье, опубликованной в журнале «Лайф», Д. Ф. Даллес сформулировал основные направления политики «освобождения», которая должна была, по его мнению, стать содержанием внешнеполитического курса будущей администрации республиканской партии [40]).

Вся совокупность высказанных Деллесом идей, смысл его выступлений сводились к отрицанию принципа мирного сосуществования в отношениях с социалистическими государствами. Доктрина «массированного возмездия» и мирное сосуществование взаимоисключали друг друга — признавал впоследствии один из ревностных защитников даллесовской политики П. Питерс [41]). Даллес призывал своих единомышленников к крестовому походу во имя сокрушения ненавистной империалистическим кругам США социалистической системы, обещая достижение конечной победы. «В нашей власти достичь ее», — заклинал Даллес своих слушателей [42]).

В выступлениях Д. Ф. Даллеса идея всемогущества американского империализма сочеталась с проповедью мессианской роли Соединенных Штатов Америки в послевоенном мире. США — величайшая и самая могущественная держава; единственное, что ограничивает эту мощь, это «дефицит веры», нерешительность, отсутствие воли и стремления к победе. Даллес, обещая американскому народу экономичную и эффективную доктрину, явно ориентировался на господствующие в 1952 г. в США настроения. Для них были характерны разочарование и усталость от войны и поражений в Корее, возмущение тяжелыми и непосиль-

[39]) «Congressional Record», vol. 98, May 9, 1952, p. 5057.
[40]) J. F. Dulles. A Policy of Boldness. «Life», Int. Ed., June 16, 1952.
[41]) P. Peeters. Massive Retaliation. The Policy and Its Critics. Chicago, 1959, p. 72.
[42]) «Congressional Record», vol. 98, May 9, 1952, p. 5057.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ными для рядового налогоплательщика расходами на гонку вооружений, достигших суммы около пятидесяти миллиардов долларов. Все это сочеталось с искусственно культивируемыми империалистическими кругами антикоммунистической истерией, верой во всемогущество и непобедимость США. Эти настроения, в конечном счете, воплощались в поисках простых и эффективных решений и действий, которые могли бы заменить обанкротившуюся и не представляющую выхода из тупика внешнюю политику администрации демократической партии. С другой стороны, Даллес сознавал, что нежелание американцев быть втянутыми в новые авантюры может сыграть роль сдерживающего фактора, а возможно, и непреодолимого барьера при осуществлении авантюристического внешнеполитического курса.

Один из воинствующих антисоветчиков американский автор Д. Даллин, характеризуя распространенные среди американцев настроения, писал о том, что в США «превалирует глубоко укоренившееся стремление умиротворить, а не вызвать раздражение, не спровоцировать противную сторону» [43]). То, что на языке некоторых американских политиков и буржуазных авторов называлось «стремлением к умиротворению», в действительности являлось выступлением против политики обострения международной напряженности. В США в начале 50-х годов существовало организованное антивоенное движение. Но в условиях маккартистских преследований и антикоммунистической истерии оно не оказывало решающего воздействия на американское общественное мнение. Куда более серьезным являлось в значительной степени стихийное стремление многих американцев к миру, надежды на возможность мирного урегулирования спорных международных проблем. Д. Ф. Даллес не только подвергал нападкам подобные настроения, но явно надеялся стать автором доктрины, проведение в жизнь которой будет свободно от давления и влияния общественного мнения. Именно в этом, по мнению единомышленников Даллеса, проявлялась гибкость доктрины «массированного возмездия» [44]).

Попытка Даллеса найти всеобщее решение стоящих перед американскими империалистическими кругами внешнеполитических проблем, изложить простую, и убедительную для «среднего» американца единую схему глобальной стратегии нашла в США широкий отклик. Идеям Даллеса была создана громкая реклама.

Сторонники администрации Г. Трумэна, американские либеральные деятели подвергли резкой критике концепцию Д. Ф. Даллеса. Ему пришлось защищать свою позицию от обвинений в провокационности [45]). Особенно серьезной была озабоченность авантюристическим и провокационным характером высказываний Даллеса в союзных с Соединенными Штатами Америки странах. Незадолго перед тем, как оставить пост командующего вооруженными силами НАТО, Д. Эйзенхауэр встретился с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем и министром иностранных дел А. Иденом. В ходе доверительной беседы А. Иден выразил надежду, что в случае, если Д. Эйзенхауэр станет президентом США, он назначит государственным секретарем не Даллеса, а кого-либо другого [46]).

Но в целом весной 1952 г. позиции Д. Ф. Даллеса в республиканской партии бесспорно укрепились. С одобрения как Д. Эйзенхауэра,

---

[43]) Meaning of the 1952 Presidential Election. The Annals of the American Academy of Political and Social Science, September 1952, vol. 283, Philadellphia, 1952, p. 22.
[44]) P. Peeters. Massive Retaliation, p. IX.
[45]) «Congressional Record», vol. 98, May 19, 1952, p. 5555.
[46]) D. D. Eisenhower. Mandate for Change, p. 142.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

так и Р. Тафта Даллесу было поручено разработать внешнеполитическую часть избирательной платформы республиканской партии. Это было нелегким делом, учитывая, что предстояло объединить между собой враждующие фракции республиканской партии, высказывающие различные взгляды на внешнюю политику США. В связи с этим в американской исторической литературе имеет хождение точка зрения, утверждающая, что Даллес в данном случае действовал как юрист, подчиняющий личные взгляды требованиям клиента[47]). Наиболее подробно этот тезис обосновывается в книге М. Гьюэна. Используя более обширный документальный материал, чем предыдущие биографы Даллеса, М. Гьюэн доказывает, что основная цель Даллеса состояла в разработке такого документа, который был бы приемлем всем фракциям республиканской партии и в то же время не вызвал бы возражения Д. Эйзенхауэра. В конечном итоге избирательная платформа являлась результатом «серии уступок и компромиссов». «Однако, основываясь на анализе произведений и действий Даллеса как перед, так и после 1952 г., — пишет М. Гьюэн, — трудно отказаться от вывода, что его рука не очень сильно ощущается в платформе республиканской партии 1952 г. Документ просто не отражает его порядок предпочтений и приоритетов»[48]). Бесспорно, внешнеполитическая часть платформы, принятая на съезде республиканской партии в июле 1952 г., не отражала, да и не могла отражать взгляды одного Даллеса. И дело не в том, кому принадлежала инициатива включения в окончательный текст избирательной платформы тезиса, «осуждающего» Тегеранскую, Ялтинскую и Потсдамскую конференции (М. Гьюэн утверждает, что в первоначальном тексте, подготовленном Даллесом, такого тезиса не было). Как в своих выступлениях, так и в конкретной политике Даллес и до, и после 1952 г. выступал против сотрудничества с Советским Союзом в разрешении международных проблем. Платформа республиканской партии содержала почти все идеи, которые были высказаны в выступлениях Даллеса в конце 40—начале 50-х годов и, особенно, в месяцы, пердшествующие съезду. Здесь были обвинения в адрес администрации демократической партии в растрате той «беспрецендентной мощи и престижа», которыми США обладали к концу второй мировой войны; подверглась резкой критике «негативная, тщетная и безнравственная политика сдерживания». Республиканская партия предлагала избирателю политику действия, базирующуюся на «просвещенном интересе». Конкретным выражением подобного рода политического курса должна была стать «психологическая война» и политика «освобождения»[49]). Избирательная платформа республиканской партии призывала «развивать с предельной скоростью существующие вооруженные силы», которые должны обладать «устрашающей мощью» и способностью «быстро и решительно нанести поражение» противнику. Подчеркивалась необходимость «как можно более быстрого развития соответствующей и полностью адекватной авиационной мощи с одновременной готовностью скоординированных авиационных, сухопутных и военно-морских сил, включая в изобилии атомное оружие»[50]).

Надо отметить ту существенную особенность, что пункты, внесенные в платформу не по инициативе Даллеса, не определяли ее главное со-

---

[47]) J. R. Beal. John Foster Dulles, p. 132.
[48]) M. A. Guhin. John Foster Dulles, p. 167.
[49]) National Party Platforms. 1840—1964. Compiled by K. H. Porter and D. B. Johnson. Urbana and L., 1966, p. 497—499.
[50]) Ibid., p. 499.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

держание. И все они стали предметом разногласий. Наибольшее возражение окружения генерала Д. Эйзенхауэра вызвал сформулированный Даллесом пункт о «массированном возмездии». Один из ведущих деятелей республиканской партии генерал Л. Клей выразил сомнение в необходимости упоминать термин «ударные силы возмездия» в избирательной платформе, поскольку это «подразумевает в себе, что республиканская администрация будет полагаться исключительно на атомные бомбардировки дальнего радиуса действия или, другими словами, на концепцию «крепость Америка» Герберта Гувера»[51]). Д. Эйзенхауэр выступил против упоминания в официальных предвыборных документах республиканской партии доктрины «массированного возмездия». В конфиденциальном разговоре с известным журналистом К. Сульцбергером Д. Эйзенхауэр заявил, что теория «возмездия» в действительности означает отказ от концепции НАТО в пользу опоры «исключительно на стратегическую авиационную мощь»[52]). Лидерам республиканской партии приходилось считаться с реакцией общественного мнения в союзных с США западноевропейских странах.

Д. Ф. Даллес вынужден был согласиться на изъятие прямого упоминания доктрины «массированного возмездия» из внешнеполитического раздела избирательной платформы республиканской партии. Идеи «массированного возмездия» были сохранены в ней в завуалированной форме.

В ходе избирательной кампании Д. Ф. Даллес выступил с речами в двадцати штатах. В них он усиленно проповедовал теорию «массированного возмездия» и концепцию «освобождения». Характерно замечание английского историка Д. Риса, что в ходе избирательной кампании именно «массированное возмездие», а не концепция «освобождения» стала «наиболее рекламируемой альтернативой сдерживанию»[53]). Можно согласиться с тем, что растущая как снежный ком пропаганда доктрины «массированного возмездия» была важным средством борьбы за американского избирателя. Но было бы неправильно противопоставлять доктрину «массированного возмездия» концепции «освобождения». Это неразрывно связанные аспекты единой программы внешнеполитической экспансии, выдвинутой воинствующими кругами американского империализма в 1952 г. Авантюризм и воинственность доктрины «массированного возмездия» дополнялись воинственностью и авантюризмом концепции «освобождения». Вынужденный защищаться от обвинений в провокационности и авантюристичности внешнеполитического курса, выдвинутого в программе республиканской партии, Д. Эйзенхауэр в тексте речи, направленном им съезду «Американского легиона», утверждал, что концепция «освобождения» должна проводиться в жизнь мирными средствами. Спустя несколько дней Даллес выступил в Буффало с нападками на трумэновскую политику «сдерживания». Он вновь призвал к «освобождению» народов социалистических стран, но многозначительно опустил упоминание об использовании мирных средств. Очевидная воинственность речи Даллеса вызвала новые опасения в Западной Европе. Эйзенхауэру пришлось дезавуировать Даллеса[54]). Упоминая об этом эпизоде со слов Эйзенхауэра, один из его ближайших сотрудников Шерман Адамс подчеркивал все более усиливающееся воздействие воинствующей позиции Даллеса на Эйзенхауэра.

---

[51]) C. L. Sulzberger. A Long Row of Candles, p. 767.
[52]) Ibid., p. 768.
[53]) D. Rees. Korea: The Limited War, p. 390.
[54]) S. Adams. Firsthand Report. The Story of the Eisenhower Administration. N. Y., 1961, p. 88.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

События 1952 г. сделали Джона Фостера Даллеса одним из ведущих участников политической борьбы в правящих кругах США по вопросам внешней политики. Определение роли и места Даллеса зависит от оценки характера и значения разногласий в правящих кругах США. М. Гьюэн вслед за С. Брауном утверждает, что в период с конца 40-х до середины 60-х годов в США, хотя и были имеющие определенное значение дискусии по проблемам стратегии и тактики внешней политики, основополагающие принципы этой политики определенно не являлись предметом разногласий[55]). С подобными выводами можно было бы согласиться, если иметь в виду такие принципы внешней политики США, как политика силы, антикоммунизм, антисоветизм, претензия на мировое господство, внешнеполитическая экспансия. Но, опираясь на эти принципы, правящие круги США применительно к конкретной ситуации пытались разработать новые военно-стратегические доктрины и внешнеполитические концепции. Разногласия по этим вопросам не носили второстепенного характера, речь шла о содержании внешнеполитического курса США на каждом определенном этапе, о методах и средствах осуществления экспансии американского империализма.

Степень этих разногласий практически невозможно определить, используя критерии, применяемые буржуазными авторами. Пример Д. Ф. Даллеса свидетельствует об относительности этих критериев и терминологии, их определяющей. Можно согласиться с Н. Грэбнером, когда он подчеркивает близость позиций Д. Ф. Даллеса, Г. Гувера, Р. Тафта, Д. Маккарти, У. Ноулэнда и Д. Макартура. Но отсюда следует вывод: во взглядах Даллеса в наиболее полной мере нашли отражение идеи неоизоляционизма[56]). Н .Грэбнеру вторит Д. Рис: «Определенно эта синкретистская республиканская альтернатива сдерживанию с ее стратегическим следствием использования угрозы атомного возмездия... была наиболее утонченной проекцией неоизоляционистских идей»[57]). В данном случае и у Грэбнера, и у Риса «неизоляционизм» вырастает до масштабов неограниченной глобальной экспансии.

Призывая к крестовому походу против революционных сил современности, и прежде всего против мировой системы социализма, во имя неограниченной экспансии американского империализма, Джон Фостер Даллес стал идеологом и творцом наиболее авантюристического внешнеполитического курса США, характерного для самого острого периода «холодной войны».

---

[55]) M. A. Guhin. John Foster Dulles, p. 8.
[56]) N. Graebner. The New Isolationism, p. 91.
[57]) D. Rees. Korea: The Limited War. p. 390.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 265 Серия историческая

М. Я. ПЕЛИПАСЬ

ПРОПАГАНДИСТСКАЯ ПОДГОТОВКА К ЗАКЛЮЧЕНИЮ И РАТИФИКАЦИИ СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКОГО ПАКТА В США (март 1948 — май 1949 гг.)

В первое послевоенное пятилетие во внешней политике США возобладали антисоветские и антикоммунистические тенденции, которые наиболее ярко проявились в «доктрине Трумэна», «плане Маршалла» и создании Североатлантического блока. Для их проведения в жизнь правящим кругам Соединенных Штатов потребовалось убедить американцев в обоснованности подобного внешнеполитического курса. Американская империалистическая пропаганда приложила много сил для того, чтобы внушить американскому народу, что борьба за мировую гегемонию якобы соответствует интересам нации.

В это же время разрабатывались теоретические основы пропаганды. Распространились идеи о том, что пропаганда, рассчитанная на среднего американца, должна апеллировать не к разуму или справедливости, а вызывать ненависть к тем, кто противодействует политике правительства США. Известный американский историк Т. Бейли дал в 1948 г. следующее определение пропаганды: «Пропаганда означает оперативное и произвольное обращение с правдой и является средством введения людей в заблуждение». Он же писал, что поскольку «массы заведомо близоруки, наши политические деятели вынуждены обманывать их, в конечном итоге в их собственных интересах»[1]). Буржуазные идеологи положили в основу своей пропаганды антикоммунизм и широко использовали выдуманные ими мифы о «красной опасности», «советском империализме» и т. д.

В 1948 г. дипломатия США развернула активную деятельность по сколачиванию агрессивного военного блока в Европе, названного затем Североатлантическим. Обоснование шагов по созданию блока требовало от пропаганды изворотливости и гибкости. В политике США по отношению к странам Западной Европы по традиции применялся, хотя и непоследовательно, принцип «изоляционизма». В XX в. в основном он проявлялся в том, что США формально не заключали военных союзов с европейскими странами даже в ходе двух мировых войн. Создание военной группировки должно было окончательно завершить отход от «изоляционизма». Кроме того, в послевоенный период предусматривалось сохранение мира на основе принципов Устава ООН. Сколачивание же агрессивной атлантической группировки нарушало принцип мирного сосуществования, лежащий в основе Организации Объединенных Наций.

Анализ настроений американцев подтвердил сложность задачи. В начале апреля 1948 г. журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» помес-

[1]) T. A. Bailey. The Man in the Street. Impact of American Public Opinion on Foreign Policy. N. Y., 1948, pp. 13, 395.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

тил статью под заголовком «Что тревожит американцев?», в которой был дан анализ настроений жителей города Гамильтон в штате Огайо. Этот город, с населением 58 тыс., был взят как наиболее типичный. Журнал отмечал, что в целом правительственный курс на «сдерживание коммунизма» встречает поддержку. Но в настроениях жителей имелись оттенки, которые тревожили правящие круги. Водитель такси, участник второй мировой войны, заявил корреспондентам журнала: «Я боюсь войны, хотя для нее и нет причин. Политики ведут нечестную игру». Автор статьи писал, что очень мал процент поддерживающих лозунг американской реакции «атаковать Россию, пока она слаба». Идея создания блока европейских государств при участии США не вызывала положительных эмоций [2]). Данные опросов общественного мнения подтверждают выводы журнала. В марте 1948 г. только 3% из числа опрошенных высказались за создание военных союзов для «разрешения русской проблемы». Для подавляющего большинства американцев создание военного союза в мирное время представлялось столь же крайней мерой, как и экономическая блокада СССР, получившая такой же малый процент голосов [3]).

Для оправдания политики, направленной на сколачивание агрессивного военного блока в Европе под эгидой США, использовалась идея об одинаковых интересах и судьбах стран, расположенных на берегах Атлантического океана. В заявлении государственного секретаря США Д. Ачесона о значении Североатлантического пакта «Атлантическое сообщество» изображалось как уже давно существующее. «Североатлантическое сообщество наций — реальность. Оно основано на родственной связи и естественном совпадении интересов североатлантических стран» [4]).

Общественное мнение США в то время формировалось под воздействием направляемых правительством и правящими кругами пропагандистских кампаний, которые обычно начинались с официальных заявлений, пресс-конференций, выступлений в печати, по радио и т. д. В США издавалось 11,5 тыс. газет, множество журналов. Информацию о международных событиях более 90% американцев, по свидетельству американского автора Л. Маркела, получали по радио и из ежедневных газет [5]). Основным источником при написании данной статьи послужили американские газеты и журналы.

В январе 1948 г. конгрессом был принят «Закон об информации и обмене в области образования США», известный как закон Смита-Мундта. На основе этого закона в государственном департаменте были созданы Управление международной информации и Управление обмена в области образования. Один из видных американских специалистов по внешнеполитической пропаганде А. Мейерхоф характеризовал этот акт как «первый закон, утвержденный конгрессом, уполномочивающий правительство США оказывать влияние на общественное мнение других стран непрерывно, планомерно и систематически» [6]). По этому закону издатели американских газет и журналов «Нью-Йорк таймс», «Нью-Йорк геральд трибюн», «Тайм», «Лайф», «Ньюс уик», «Ридерс дайджест» получили от правительства субсидии для печатания зарубежных

---

[2]) «U. S. News and World Report». April 2, 1948.

[3]) «The Public Opinion Quarterly», vol. 12, № 2. Summer 1948. Princeton University Press, 1948, p. 354.

[4]) «The Department of State Bulletin», March 27, 1949, p. 385.

[5]) L. Markel. Public Opinion and Foreign Policy. N. Y., 1949, p. 19, 60.

[6]) A. F. Meyerhoff. The Strategy of Persuasion. The Use of Advertizing Skills in Fighting the Cold War. N. Y., 1965, p. 85. См. об этом подробнее в кн.: Антикоммунистическая пропаганда империализма (доктрины, аппарат). М., 1971, с. 201—202.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

выпусков своих изданий. Правительство президента Трумэна щедро субсидировало антисоветскую и антикоммунистическую пропаганду. Так, например, на печатание 15 тыс. экземпляров «Нью-Йорк геральд трибюн» в Париже издатели этой газеты получили 225 тыс. долл., хотя фактически расходы составляли 25 тыс. долл. [7]).

Реакционная буржуазная пресса требовала объединения государств «западной цивилизации» для борьбы против СССР и стран народной демократии. Выступая в июне 1948 г. в Калифорнийском университете, президент США Г. Трумэн подчеркнул, что противоречия в послевоенном мире существуют не просто между США и СССР, а между СССР и странами «западной цивилизации» [8]). В пропаганде в Соединенных Штатах Америки идея «западной цивилизации» скорее трактовалась как лозунг «атлантической цивилизации» и использовалась для обоснования господствующего положения США в создаваемой агрессивной группировке. Уже в 1944 г. У. Липпман писал: «Судьба предрешила центральное положение Америки в западной цивилизации. Именно этим определяется удел Америки» [9]). В августе 1948 г. журнал «Лайф» утверждал, что Европа является сферой американских интересов, и США должны занять место лидера в объединении европейских государств [10]).

План создания военного антисоветского блока под эгидой США в мирное время объяснялся наступлением «американского века», ответственностью Соединенных Штатов за судьбы мира. Американский дипломат Ч. Боулс писал в журнале «Нью-Йорк таймс мэгезин»: «Народы мира примут наше руководство только в том случае, если они будут уверены, что мы их верный друг и защитник» [11]).

В 1948 г. Дж. Браун в статье, опубликованной в декабрьском номере журнала «Форчун», попытался ответить на вопрос, где лежит сфера основных интересов США — в Европе или в Азии. Браун призывал решить проблему в пользу Европы. Он доказывал, что США не могут «гарантировать безопасность всех районов Европы и Азии», а потому должны укрепиться в наиболее важном регионе. Он несомненный сторонник теории, что в будущей войне основную роль будет играть ядерное оружие и средства его доставки — стратегическая авиация. Североатлантический пакт призван обеспечить США союзниками, располагающими сухопутными силами и базами, для размещения американской авиации. Участие в блоке совершенно необходимо, ибо, предупреждает журналист, «Соединенные Штаты могут рассчитывать на союзников только при условии, что американский народ станет активным союзником, готовым поставлять вооружение, активным партнером еще до начала военных действий». Дж. Браун уверен, что Североатлантический блок привяжет европейских союзников к военной машине США [12]).

Доказывая «региональность» создаваемого атлантического блока, правящие круги США стремились убедить общественность в наличии «угрозы» для европейских стран со стороны Советского Союза. Устав ООН предполагал создание региональных группировок только для коллективной самообороны. Газета «Чикаго санди сан энд таймс» клеветнически утверждала, что целью внешней политики СССР является «захват мирового господства». Газета пыталась доказать, что Советский

---

[7]) «Chicago Daily Tribune», August 4, 1948.
[8]) «The Department of State Bulletin», June 20, 1948, pp. 804—805.
[9]) W. Lippmann. U. S. War Aims. Boston, 1944, p. 208.
[10]) «Life», August 2, 1948.
[11]) «The New York Times Magazine», April 18, 1948.
[12]) «Fortune», December, 1948.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Союз стремится достичь этой цели либо победой в будущей войне, либо полным разложением некоммунистического мира [13]). Приемы американской прессы невольно воскрешают в памяти историю «третьего рейха». «Бедный Геббельс, — с иронией писал американский автор У. Кэррол, — как бы он был ошарашен, если бы знал, что... американская свободная пресса начнет использовать его тему большевистского пугала с такой энергией и глубиной чувства, которой он никогда так и не смог добиться от подобострастной немецкой прессы» [14]). Раскрывая клеветнический, спекулятивный характер пропагандистской шумихи об «агрессивности» СССР, орган американской коммунистической партии газета «Дейли уоркер» писала: «Разговор об «угрозе советского вторжения» является не чем иным, как дымовой завесой для действительного вторжения в Европу, которое предпринимают доллары Уолл-стрита, генералы Уолл-стрита и агенты Уолл-стритовских корпораций. Истина состоит в том, что большой шум по поводу «что вы будете делать, если начнется война поднят для того, чтобы протащить Североатлантический пакт» [15]).

Обвинение СССР в агрессивности дополнялось пропагандой о «слабости» Советского Союза, что должно было убедить в эффективности курса на «сдерживание коммунизма» с помощью военно-политического блока. Сочетание этих приемов хорошо видно на примере двух статей, помещенных в июньском номере журнала «Ридерс дайджест» за 1948 г. В статье Г. Тейлора «Готова ли Россия вести войну» автор на первый взгляд успокаивает читателей, что войны, очевидно, в ближайшее время не будет, так как «Советский Союз слаб» — у него нет атомной бомбы. Но, как видим, вопрос о войне не снимается, остается неясной перспектива американо-советских отношений. И журнал вслед за статьей Тейлора помещает статью Д. Миддлтона под заголовком «Люди в Кремле не хотят войны сейчас». Уже в формулировке названия статьи читателю преподносится прогноз политики СССР. Автор предлагает сохранить разрыв военной мощи между Соединенными Штатами и Советским Союзом, призывает к гонке вооружения, разумеется, под предлогом сохранения мира. Он пишет: «Если мы хотим предотвратить войну, нам нужно быть сильными» [16]).

Возможность эффективной борьбы с Советским Союзом доказывалась на основании измышлений о «непрочности единства народов» в Советском Союзе. Теоретической основой, на которой строились измышления прессы США, служила статья Дж. Кеннана «Истоки советского поведения», опубликованная в июле 1947 г. в журнале «Форин афферс». Некоторые американские эксперты по России предсказывали неминуемый распад Советского Союза. Так, например, бывший премьер Временного правительства А. Ф. Керенский неоднократно заявлял о якобы существующем «расколе» в социалистическом государстве [17]). Дж. Ф. Даллес в интервью, данном журналу «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», пытался доказать существование раскола между советским народом и коммунистической партией [18]). Журнал «Нью-Йорк таймс мэгезин» стремился обосновать тезис о «расколе» в СССР, используя сообщения

---

[13]) «Chicago Sunday Sun and Times», June 20, 1948.
[14]) W. Carrol. Persuade or Perish. Boston, 1948, p. 358.
[15]) «Daily Worker», February 28, 1949.
[16]) «The Reader's Digest», June, 1948.
[17]) «The Reader's Digest», October, 1948; «Chicago Sunday Sun and Times», June 6, 1948.
[18]) «U. S. News and World Report», January 23, 1949.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

советской прессы о случаях разоблачения и осуждения в Советском Союзе взяточников и казнокрадов [19]).

Выдвигая тезис о «слабости» Советского Союза, журнал «Ридерс дайджест» в редакционной статье в августовском номере за 1948 г. в то же время пишет, что социалистические страны имеют большое влияние в мире, составляют реальную силу. Редакторы журнала приходят к выводу, что сила стран социализма в единстве, в то время как капиталистический мир раздирают противоречия. Но журнал интересует не объективный анализ исторической ситуации. Цель прежняя — клевета на Советский Союз. По мнению журнала, страны социализма якобы объединились «для агрессии». Следует вывод, что капиталистическому миру необходимо объединиться для «обороны». Далее поются дифирамбы создателям Западного союза в Европе и разворачивается широкая программа создания агрессивного военного блока [20]). В пропаганде подчеркивалось, что создание блока должно стать делом ближайшего будущего, так как СССР якобы «готовится к войне». Редактор журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» Д. Лоуренс заявлял: «Есть линия, через которую Россия не должна переступить. Эта линия должна быть начертана сейчас» [21]). Журнал «Лайф» в номере от 9 августа поместил статью «Мощь России. Советский Союз создает мощную военную машину», в которой подчеркивалась неизбежность войны между «СССР и Западом» [22]). Журнал американских деловых кругов «Бизнес уик» доказывал в сентябре 1948 г., что война близка и может начаться «еще до зимы» [23]).

При рассмотрении конкретных лозунгов и приемов американской пропаганды в период подготовки Североатлантического союза необходимо учитывать историческую обстановку периода. У большинства американцев отсутствовали четкие представления о Советском Союзе, о социализме [24]). Американский империализм, выполняя жандармские функции на мировой арене, стремился укрепить силы реакции внутри Соединенных Штатов. В странах Восточной Европы происходили демократические и социалистические преобразования, протекавшие в обстановке острой классовой борьбы. Поражение сил контрреволюции в феврале 1948 г. в Чехословакии извращалось буржуазной пропагандой и преподносилось как «подавление демократии». Большую тревогу у населения Америки вызвал так называемый «Берлинский кризис», спровоцированный западными державами летом 1948 г. В период обострения международной обстановки усиливался пессимизм масс. Так, в марте 1948 г., в период пика пропагандистской кампании вокруг событий в Чехословакии, 74% лиц из числа опрошенных ожидали начала войны в течение ближайших десяти лет, хотя в феврале таких было 54%. В период «Берлинского кризиса» 32% из числа опрошенных американцев ожидали начала войны в течение года [25]). Массированная пропаганда достигала цели, поставленной правящими кругами США. Многие американцы были запуганы и полагались на мероприятия правительства в области внешней политики. Показательно в этом отношении письмо, присланное в сентябре 1948 г. в редакцию советского журнала

[19]) «The New York Times Magazine», April 25, 1948.
[20]) «The Reader's Digest», August, 1948.
[21]) «U. S. News and World Report», March 12, 1948.
[22]) «Life», August 9, 1949.
[23]) «Business Week», September 25, 1948.
[24]) Американский социолог Р. Буркхардт свидетельствовал в 1948 г., что знания американского народа о Советском Союзе «недостаточны и отрывочны». Буркхардт отмечал, в частности, что американские школьные учебники совершенно игнорировали проблему американо-советских отношений. «The POQ», vol. 11, № 4, Winter 1947—1948. Princeton University Press, 1948. p. 678.
[25]) G. A. Arnold. The American People and Foreign Policy. N. Y., 1950, p. 91.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

«Новое время» американским гражданином, жителем г. Олстон, штата Массачусетс, Н. Перкинсом. Перкинс был уверен, что Советский Союз подготавливает «экспансию», а военные приготовления, предпринимаемые Соединенными Штатами, носят оборонительный характер [26]).

К весне 1949 г. была закончена подготовка проекта Североатлантического договора. 18 марта он был опубликован. Данные опросов общественного мнения, проведенных по всей стране между 5 и 15 марта, показали, что в общенациональном масштабе 76% опрошенных поддержали создание блока капиталистических государств при участии США [27]).

Однако пропагандистская кампания вокруг договора не только не была свергнута, но и значительно расширилась. От общей пропаганды антисоветизма и антикоммунизма, необходимости создать военный союз под эгидой США был осуществлен переход к разъяснению мнимой выгодности Североатлантического пакта для американского народа и государства.

Правящие круги учитывали, что предстояли дебаты в сенате по вопросу о ратификации договора. И если не вызывал сомнения факт, что договор будет ратифицирован, то опасность внесения в него дополнений и поправок вовсе не исключалась. Для правительства и стоящих за ним монополий было важно не просто добиться в сенате большинства в две трети голосов, но обеспечить одобрение всех статей договора. В противном случае, как отмечал сенатор Коннэлли, договор мог стать «хуже, чем просто бесполезным» [28]). В сенате существовала сплоченная группировка сенаторов — «неоизоляционистов», которые выступали против создания Североатлантического блока. Кроме того, надо было нейтрализовать влияние оппозиционных элементов на массы.

17—18 марта 1949 г. государственный департамент США провел в Вашингтоне конференцию представителей двухсот организаций. В ее ходе обсуждались различные аспекты американской внешней политики, но центральным вопросом стал проект Североатлантического договора. Перед участниками конференции выступили государственный секретарь Д. Ачесон и другие ответственные сотрудники государственного департамента. Была организована встреча с представителями комиссий по иностранным делам сената и палаты представителей. Основным смыслом речей государственных деятелей США и конгрессменов была апология договора [29]). 19 марта 1949 г. государственный департамент суммировал правительственную аргументацию в пользу Североатлантического договора, опубликовав доклад под названием «Североатлантический пакт. Коллективная безопасность в Североатлантическом содружестве». 20 марта государственным департаментом была организована радиопередача «Зачем нам нужен оборонительный пакт для защиты нескольких наций, когда уже есть устав ООН, призванный защищать пятьдесят восемь государств?». Принимавшие участие в радиопередаче Дж. Ф. Даллес и Д. Ачесон пытались доказать, что Североатлантический пакт якобы является реакцией западных стран на «подрыв ООН со стороны Советского Союза» [30]).

После опубликования текста договора усилился поток литературы, специально изданной в поддержку Североатлантического договора. Примером может служить выпущенная «фондом Карнеги» брошюра

---

[26]) «Новое время», 1948, № 43, стр. 8.
[27]) «The ROQ», vol. 13, № 2. Summer 1949, p. 351.
[28]) «New York Herald Tribune», February 19, 1949.
[29]) «The Department of State Bulletin», March 27, 1949.
[30]) R. N. Stromberg. Collective Security and American Foreign Policy. From the League of Nations to NATO. N. Y., 1963, p. 193.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

М. Салвин «Североатлантический пакт», в которой утверждалось, что пакт соответствует принципам ООН, является оборонительным и т. д.[31]).

Газета американских коммунистов «Дейли уоркер» выступила с резкой критикой опубликованного договора. Обозреватель газеты Р. Холл в остросатирической форме высмеял надуманную аргументацию правительства и прессы в поддержку создания Североатлантического пакта. Он отметил, что если считать атлантическое объединение «региональным», то можно создать при участии США Антарктикоокеанское сообщество на том основании, что база американской антарктической экспедиции «Малая Америка» важна для национальной безопасности, как Лонг-Айленд, а также другие, «региональные» организации. Газета разоблачала приемы давления на капиталистические страны со стороны дипломатии США, добивавшейся втягивания как можно большего числа государств в блок, который тем не менее в пропаганде изображался как добровольное объединение перед лицом мнимой «агрессии» СССР[32]). На страницах «Дейли уоркер» печатались материалы о кампании протеста против Североатлантического пакта, развернутой прогрессивными организациями США.

Следует отметить, что кроме компартии против создания военного Североатлантического союза выступили многие организации, группы и общественные деятели. В конце марта 1949 г. газета «Вашингтон пост» писала, что наиболее серьезные сомнения в отношении Североатлантического блока имеются у «организаций протестантской церкви, пацифистских групп, честных идеалистов и людей, искренне верящих в концепцию единства мира на основе ООН».

В феврале 1949 г. Совет женщин-верующих штата Орегон прислал письмо Д. Ачесону, в котором на основании появившихся в печати выдержек из Североатлантического договора выразил протест против политики правительства и охарактеризовал договор как «значительное отступление от традиционной американской политики». «Американская ассоциация в поддержку ООН» выразила опасение, что Организация Объединенных Наций будет с созданием Североатлантического блока подорвана. Тревогу разделяла организация «Федералисты объединенного мира»[33]). В начале марта Национальная конференция Федерального совета церквей Христа в Америке, включающего в себя 33 протестантские церкви, заявила: «Не должно вступать ни в какие оборонительные союзы, которые могут быть расценены как агрессивные в отношении России...». Это требование было выдвинуто 465 делегатами от 48 протестантских общин, присутствовавшими на конференции[34]). 2 апреля на ежегодной встрече Американской службы друзей в Филадельфии, организации квакеров, традиционно стоящих на пацифистских позициях, была принята резолюция, отвергающая пакт. Ряды оппозиции росли. Так, 70 священников и деятелей культуры Америки выразили протест против Североатлантического пакта и признали необходимым развернуть деятельность прогрессивных организаций, чтобы предупредить американский народ об опасных последствиях его создания. Они заявили

---

[31]) M. Salvin. The North Atlantic Pact. «International Conciliation». May, 1949, № 451, N. Y., 1949.

[32]) «Daily Worker», March 18, 1949.

[33]) «Daily Worker». March 25, 1949.

[34]) «Congressional Record», vol. 95, pt. 13, p. A1489. В начале 50-х годов Совет, переименованный в Национальный совет церквей Христа в США, был включен в список организаций, якобы занимающихся подрывной деятельностью.
А. А. Кислова. Идеология и политика американской баптистской церкви (1900—1917). М., 1969, стр. 160.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

о своей решимости выступить против Североатлантического пакта в ходе «слушаний» в сенатской комиссии по иностранным делам [35]). Громадный толчок движению против агрессивного блока был дан Конгрессом деятелей науки и культуры в защиту мира, проведенный в конце марта в Нью-Йорке. В работе конгресса приняли участие свыше 2 800 человек из 22 штатов.

Вопреки реакционерам, засевшим в руководстве крупнейших американских профсоюзных объединений, часть рядовых рабочих выступила против сколачивания блока капиталистических государств. 13 апреля 16 видных профсоюзных лидеров Среднего Запада, представлявшие отделения АФТ, КПП и объединение железнодорожников, заявили протест против Североатлантического блока. Одновременно 267 лидеров рабочих Нью-Йорка опубликовали в газете «Нью-Йорк таймс» заявление, направленное против пакта. 18 апреля в Чикаго окружной совет отделения профсоюза, рабочих-упаковщиков, входящего в КПП, призвал к отклонению Атлантического пакта «как военного союза, единственной целью которого является подготовка Европы и США к войне» [36]). Рабочих поддержали фермеры. Делегаты фермеров из 35 штатов, собравшиеся в Денвере, штат Колорадо, на заседание Национального Союза фермеров, организации, объединяющей в основном мелких и средних хозяев, заявили о том, что пакт должен быть отвергнут, как противоречащий американским традициям.

Организацией, возглавившей мелкобуржуазное крыло оппозиции Североатлантическому блоку, явилась Прогрессивная партия. Она была создана в июле 1948 г. на базе организации Прогрессивные граждане Америки. Лидер партии Г. Уоллес недвусмысленно выступал против социализма, но осуждал антикоммунистическую истерию в США.

В области внешней политики партия стояла на позициях продолжения курса Рузвельта в отношении СССР, осуждала «холодную войну». 13 февраля 1949 г. Национальный комитет Прогрессивной партии призвал американский народ не допустить создания Североатлантического пакта, отметив, что он является вариантом «нового санитарного кордона против России» [37]). Г. Уоллес неоднократно выступал с критикой договора. В речи 27 марта он показал надуманность аргументации, выдвинутой правительством в защиту блока. «Что это за регион, который простирается от Алеутских островов на севере Тихого океана до Африки? Может ли раздел мира на два вооруженных лагеря принести мир? Североатлантический военный союз предоставляет военные базы на самых границах Советского Союза» [38]).

На правах коллективного члена в Прогрессивную партию входила Американская рабочая партия. Лидером ее являлся прогрессивный юрист, член конгресса В. Маркантонио. 22 марта партия объявила о начале движения протеста против Североатлантического пакта. Программа кампании предусматривала личные встречи более чем 3 тыс. активистов-добровольцев с каждым из 200 тыс. зарегистрированных членов партии. Руководство партии планировало проведение митингов в различных районах Нью-Йорка. На 11—12 апреля намечалось проведение кампании под лозунгом «Борьба против холодной войны и депрессии». Планировалась организация митингов, посвященных памяти Ф. Д. Рузвельта [39]).

---

[35]) «Daily Worker», March 18, 1949.
[36]) «Daily Worker», April 19, 1949.
[37]) «Daily Worker», February 14, 1949.
[38]) «Congressional Record», vol. 95, pt. 13, p. A1866.
[39]) «Daily Worker», March 22, 1949.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Против договора выступил также ряд буржуазных организаций. Окончание второй мировой войны поставило монополистический капитал США перед сложной задачей. В первые послевоенные годы промышленное производство в Соединенных Штатах по инерции продолжало оставаться на высоком уровне, но уже осенью 1948 г. встала опасность кризиса. Правящие круги США, многому научившиеся на опыте 30-х годов, видели возможность предотвращения спадов промышленного производства в усилении роли государства в экономике, в развитии государственно-монополистического капитализма. Основные монополистические группировки в более или менее решительной форме соглашались с принципом «регулируемой экономики». Торговая палата США в своей брошюре «Максимальная занятость в свободном обществе» указывала, что «только центральное правительство ...располагает средствами для осуществления мероприятий, необходимых в целях сохранения высокого уровня занятости»[40]). Но из всего комплекса антикризисных мероприятий, имевшихся в распоряжении правительства, наибольшую привлекательность для капитала США имели государственные заказы на вооружение. Североатлантический пакт, суливший значительные доходы, привлекал монополии США. Журнал американских деловых кругов «Бизнес уик» с восторгом писал о будущих поставках «танков и орудий для Франции, самолетов для британских Королевских воздушных сил»[41]). Имелись влиятельные реакционные круги американского монополистического капитала, которые хотя и признавали необходимость активизации роли государства в делах бизнеса, но опасались возврата к социальному реформаторству типа «нового курса» Рузвельта и критиковали политику правительства Трумэна с ультраправых позиций. Одновременно они настаивали на более активной борьбе с рабочим и профсоюзным движением. Спад промышленного производства, демагогическое заигрывание президента Трумэна с рабочими усилили нападки правых на правительство. С крайне правых позиций подвергла его критике «Американская коалиция патриотических обществ», включавшая в себя 85 реакционных организаций. Среди них были такие известные, как «Дочери американской революции», «Сыновья американской революции», «Американские военные матери» и другие. Они стояли на позициях ярого антисоветизма, крайнего национализма. В резолюции, принятой в январе 1949 г., коалиция характеризовала правительство США как «национальных социалистических планировщиков», угрожающих свободному предпринимательству, и в конечном счете, как врага американской системы. Она выступала против Североатлантического пакта, мотивируя свою позицию тем, что «под Североатлантическим договором государственный департамент подразумевает координацию нашей американской экономики с экономикой других участников блока». По мнению «коалиции правых», единственный путь к «благосостоянию масс» лежал через господство системы невмешательства государства в дела бизнеса. Что касается внешней политики, то здесь идеалы реакционеров лежали в сфере глобальной политики, осуществляемой США в крайнем случае в союзе «с явно антикоммунистическими странами, даже если это государства с авторитарными режимами»[42]). Организация выражала взгляды той части правящей элиты США, которая предпочитала так называемый «изоляционистский» вариант внешней политики американского империализма — без заключения формальных союзов, предусматривающий сохранение полной свободы действий. Аргументация была хо-

[40]) «Экономический кризис и холодная война». М., 1950, стр. 32—33.
[41]) «Business Week», April 3, 1948.
[42]) G. A. Arnold. Op. cit., pp. 204—207.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

рошо рассчитана на восприятие массами, отравленными антикоммунистической пропагандой. С одной стороны, обвинения правых в адрес правительства в проведении акций, ухудшающих уровень жизни, подкреплялись невольно самим правительством, опубликовавшим сообщение о дефиците платежного баланса, составляющем 1 811 млн. долл. С другой стороны, развивался тезис о нарушении традиции американской внешней политики не вступать в союзы в мирное время.

Стремясь нейтрализовать влияние «коалиции правых» и привлечь их на свою сторону, правительство в пропаганде делало акцент на выгодах, которые получат США, создав Североатлантический блок. 20 марта 1949 г. газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала карту, на которой были отмечены военные базы, получаемые США на территориях стран-участниц Североатлантического блока. Месяцем позже конгрессмен К. Кэннон заявил, что базы, полученные США в соответствии с Североатлантическим договором, позволят американской авиации в случае войны «разрушить все центры» Советского Союза. Кроме того, Кэннон признал, что США планируют вести военные действия на континенте руками своих европейских союзников [43]). Журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» также использовал известную приверженность американских ультра к планам воздушной войны против СССР и писал: «Главное, что США получают от союза, — это островные базы на дистанции нанесения удара по России.... Британия представляет базу для тяжелых бомбардировщиков в 1500 милях от Москвы. Французские базы в Марокко ценны как посадочные площадки американских воздушных сил, которые могли бы нанести удар по России с юга» и т. д. [44]). Председатель объединенного комитета начальников штабов генерал Брэдли в заявлении об Атлантическом пакте сказал: «В военном отношении Североатлантический пакт может стать столь же важным для американской безопасности, как обладание атомной бомбой» [45]).

В полной мере позиции сторонников и противников договора и соотношение сил между ними выявились в ходе заседаний в сенатской комиссии по иностранным делам, где с 27 апреля по 18 мая 1949 г. проходили «слушания» Североатлантического договора. Помимо представителей правительства в ходе заседания принимали участие 90 свидетелей, представлявших различные общественные организации США либо излагавших личную точку зрения на Североатлантический договор. Выступления неофициальных свидетелей начались 4 мая. Первому слово было предоставлено Дж. Ф. Даллесу. Он являлся активным участником подготовки договора и с большой натяжкой, как член делегации США на Генеральной Ассамблее ООН, был причислен к неофициальным свидетелям. Даллес попытался подытожить выступления государственных деятелей в первой половине «слушаний» и разъяснить многие неясные вопросы, всплывшие в ходе заседаний [46]). Интерпретируя договор, он доказывал выгодность его для Соединенных Штатов, указывая на тот факт, что Североатлантический пакт, объединив капиталистические государства Западной Европы, создаст емкий рынок, широкие сферы приложения капитала. С военной точки зрения, заявлял Даллес, объединение вооруженных сил не только необходимо, но и выгодно для

[43]) D. F. Fleming. The Cold War and Its Origins, vol. 1—11. London, 1961, p. 392.

[44]) «U. S. News and World Report», April 8, 1949.

[45]) M. Salvin. Op. cit., p. 439.

[46]) Подробнее о первой части «слушаний» смотрите: М. Я. Пелипась. Роль сенатской комиссии по иностранным делам в подготовке к ратификации Североатлантического договора в США (апрель—май 1949 г.).—Вопросы истории международных отношений. Вып. 5, Томск, 1973, с. 101—105.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

США, ибо, например, отныне «флот, имеющийся в распоряжении США, это не только американский ВМФ, но объединенные американские, английские, французские морские силы» [47]).

В марте 1949 г. была создана организация «Комитет Атлантического союза», ставившая своей целью осуществление идеи создания атлантической «сверхдержавы» — союза на федеральной основе всех атлантических стран. Возглавил организацию бывший член Верховного суда О. Робертс. Среди членов были бывший военный министр Р. Паттерсон, сенатор Э. Кэфовер, К. Люс, Г. Агар и другие. Выступивший в ходе «слушаний» Североатлантического договора представитель комитета бывший заместитель государственного секретаря США У. Клейтон полностью поддержал создание Североатлантического блока [48]).

Наряду с Даллесом и Клейтоном 4 мая на заседании сенатской комиссии по иностранным делам слово было предоставлено Дж. Б. Кэри, секретарю-казначею КПП. Этому выступлению придавалось большое значение, так как ряд профсоюзов выступил против реакционной политики правительства. Лидеры КПП, требовавшие, чтобы профсоюзы отказались от автономии в решении политических вопросов, поддержали правительство Трумэна. Дж. Кэри заявил, что блок «является ответной мерой на опасность агрессии в Европе» [49]).

В противоположность заседанию 4 мая, следующий день был заполнен выступлениями противников Североатлантического договора: Г. Уоллеса — лидера Прогрессивной партии, А. Рубинштейн — представительницы Американской рабочей партии, Ф. Добса — председателя Социалистической рабочей партии. Буржуазная пропаганда упорно стремилась причислить эти организации к коммунистическим. Такая кампания проводилась против Уоллеса, а две другие партии были занесены в список «коммунистических или входящих в коммунистический фронт» организаций, составленный комиссией по расследованию антиамериканской деятельности палаты представителей.

Уоллес продолжил на заседании комиссии начатую им ранее критику договора [50]). А. Рубинштейн от имени «трудящихся, женщин и детей» высказалась против агрессивного блока, заявив, что «ратификация Атлантического договора явится решительным шагом по губительной дороге к третьей мировой войне» [51]). Ф. Добс указал в своем выступлении на тот факт, что Североатлантический блок направлен на подавление революционного движения в мире и нанесет удар по гражданским свободам в США [52]).

С прогрессивных позиций подвергли критике Североатлантический договор представители целого ряда организаций, выступившие на последующих заседаниях комиссии. Необходимо упомянуть также в свое время включенные в список «коммунистических» «Конгресс американ-

---

[47]) «North Atlantic Treaty. Hearings before the Committee on Foreign Relations», pt. 1—3. Wash., 1949, pp. 339—367.

[48]) «Hearings...» pt. 2, pp. 376—413.
Об «атлантическом движении» в США см.: И. М. Иванова. Концепция «Атлантического сообщества» во внешней политике США. М., 1973, с. 257—260.

[49]) «Hearings...» pt. 2, pp. 413—415. Самостоятельная позиция, занятая представителями рабочих, явилась одним из предлогов гонений на прогрессивные профсоюзы, которые развернулись в мае 1949 г.— История рабочего движения в США в новейшее время. Т. 2, М., 1971, с. 230—231.

[50]) «Hearings...», pt. 2, pp. 417—479. Выступавшие в последующие дни представители отделений Прогрессивной партии в штатах Коннектикут, Нью-Джерси, Массачусетс, Иллинойс, Пенсильвания, Висконсин и молодежной организации «Молодые прогрессисты Америки» поддержали и развили аргументацию лидера партии.

[51]) Ibid., pp. 479—481.

[52]) Ibid., pp. 481—487.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ских женщин», «Совет по африканским делам», «Национальный комитет американо-советской дружбы», «Национальную гильдию юристов».

Трехсоттысячную организацию «Конгресс американских женщин» представляла М. Дрэпер, выступившая на заседании 11 мая. От имени прогрессивных женщин Америки она призвала к решению спорных международных вопросов путем переговоров между государствами, прекращению гонки вооружения, укреплению ООН. Дрэпер заявила, что «американские женщины не хотят посылать своих братьев, сыновей и мужей на новую войну» и высказалась против ратификации Североатлантического договора [53]). Представитель Национальной гильдии юристов в своем выступлении вскрыл полную несостоятельность ссылок правительства на соответствие Североатлантического пакта Уставу ООН [54]). В целом аргументация упомянутых выше организаций, к которым примыкал целый ряд других групп, — «Национальный Совет по искусству, науке и религии», «Женская международная лига за мир и свободу», «Совет нации за мир» и другие — совпадали с выдвигаемой Прогрессивной партией, стоявшей на позициях буржуазного либерализма.

Более четкий классовый подход к международным отношениям проводился представителями низовых профсоюзных организаций, выступивших на заседаниях комиссии против договора. 13 мая слово было предоставлено Д. Гендерсону, лидеру входившего в КПП профсоюза трудящихся пищевой, табачной промышленности и сельскохозяйственных рабочих. От имени 100 тысяч членов профсоюза он заявил о несогласии с позицией исполкома КПП и высказался против ратификации Североатлантического договора. Д. Гендерсон указал на общность классовых интересов американских и европейских рабочих и обвинил «могущественные группировки США» и европейских стран в разжигании новой войны [55]). Выступивший 16 мая слесарь из Филадельфии Дж. Блэдфорд подчеркнул решимость простых рабочих бороться за мир, за сотрудничество с Советским Союзом [56]). Несмотря на то, что 18 мая в своей телеграмме комиссии лидер КПП У. Грин подтвердил позицию исполкома, критика договора представителями рабочих продолжалась. Выступивший в тот же день представитель низовой организации профсоюза химиков О. Тилер решительно высказался против Североатлантического договора, несшего с собой раздел мира на военные блоки, гонку вооружений [57]).

В период подготовки договора, как уже отмечалось, значительную активность проявила церковь. Правительство уделяло позиции церковных организаций значительное внимание. США — страна религиозного плюрализма, в которой насчитывается множество различных церковных организаций. Как отмечает американский автор М. Огл, к различным религиозным организациям и ассоциациям в 1947 г. принадлежало свыше 72 млн. граждан Америки [58]). Крупнейшей церковью в Америке является католическая. В том же 1947 г. в США насчитывалось 59 млн католиков [59]). Католическая церковь активно поддерживает реакционную политику правительства. О степени влияния католических организаций можно судить хотя бы по тому факту, что свою программную речь перед обеими палатами конгресса 17 марта 1948 г. Г. Трумэн пов-

[53]) Ibid., pp. 725—730.
[54]) «Hearings...», pt. 3, pp. 870—893.
[55]) Ibid., pp. 952—957.
[56]) Ibid., pp. 1092—1094.
[57]) Ibid., pp. 1163—1165.
[58]) M. B. Ogle, Jr. Public Opinion and Political Dynamics. Boston, 1950, p. 192.
[59]) «The Economist», February 19, 1949.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

торил в тот же день перед представителями «Общества верных сынов святого Патрика», объединяющего католиков, выходцев из Ирландии, которых в США насчитывалось 2,4 млн. чел. Позиция католической церкви в отношении Североатлантического пакта была одобрительной.

Протестантская церковь США стояла в основном на позициях поддержки политики правительства, но в силу религиозного пацифизма либеральное крыло американского протестантизма выступало против реакционных внешнеполитических актов, как мы это наблюдаем в позиции, занятой Федеральным советом церквей Христа в Америке. Протестанты продолжили критику договора на заседаниях комиссии по иностранным делам. Причины несогласия ряда деятелей протестантской церкви с курсом правительства лежали в различии предлагаемых методов борьбы с коммунизмом. Правительство, сколачивая военно-политический союз, стремилось представить коммунизм главным образом как военную угрозу извне, а верхушка протестантов видела в нем проблему идеологическую. Выступивший 12 мая представитель одной из баптистских церковных организаций, выразив тревогу по поводу усиления влияния марксистских идей во всем мире, выдвинул в качестве способа борьбы против коммунизма оказание экономической помощи «разоренным войной и нуждающимся людям». На подобных же позициях стояли Ф. Эллиот, пресвитер общины «Братство примирения», Л. А. Хау, президент баптистского Пацифистского Братства [60]). К. А. Бендер, выступавшая от имени Женской организации христианской службы методистской церкви, насчитывающей 1,5 млн. членов, заявила, что «пакт не лучший ответ» на распространение коммунизма. Методисты, в отличие от баптистов и пресвитериан, настаивали не на отклонении договора, а на внесении в него определенных изменений [61]).

Резкой критике подвергли Североатлантический договор представители организаций американских квакеров. Г. Карбури, выступивший 11 мая, заявил, что прежде всего «пакт еще один шаг в холодной войне». Б. Парсхолл предложил тратить деньги не на военные нужды, а на оказание экономической помощи [62]). Л. Р. Моллери, так же как и протестантские лидеры, считал, что «коммунизм... есть идеология, которой нельзя успешно противопоставить военную машину или угрозу силы». Он доказывал, что Североатлантический пакт не будет эффективен в борьбе с коммунизмом, более того, он приведет к последствиям, обратным желаемым. Старые методы борьбы, указывал Моллери, не жизненны, а потому он приходил к идее мирного сосуществования и заявлял, что «не только наша безопасность, но самое существование зависит от нашей способности устранить разногласия» с Советским Союзом [63]).

Если деятели протестантских общин, объединяющих белых граждан Америки, выступая против Североатлантического договора, выдвигали комплекс аргументов, сводившихся к необходимости укрепления ООН, борьбы против гонки вооружения за мирное решение спорных проблем, то конфессиональные объединения черных американцев видели в блоке прежде всего средство укрепления колониализма. На этом построил свое выступление против пакта епископ У. Дж. Уоллс, который заявил, что вступлением в Североатлантический блок США окажут поддержку колониальным странам [64]).

На заседаниях комиссии прозвучала критика Североатлантического договора со стороны ультраправых организаций американской бур-

[60]) «Hearings...», pt. 3, pp. 834—847, pt. 2, pp. 753—758.
[61]) «Hearings...», pt. 3, pp. 1005—1014.
[62]) «Hearings...», pt. 2, pp. 758—784, pt. 3, pp. 1072—1074.
[63]) «Hearings...», pt. 3, pp. 818—834.
[64]) Ibid., pp. 1023—1028.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

жуазии. Вице-президент «Национального экономического совета», Х. М. Гриффит изложил взгляды организации крупного американского капитала, от имени которой он выступал. Центральным лозунгом программы экономического совета являлся возврат к ортодоксальности в экономике и политике. Под ортодоксальностью понималась социальная и политическая система, которая существовала до первой мировой войны. Предполагалось, что при возврате старых порядков все проблемы, внутренние и внешние, исчезнут сами собой. Основываясь на таких «принципах», совет выступал против большинства внешнеполитических акций правительства. Исключение составляла «доктрина Трумэна». Зато организация настаивала на признании Испании и предоставлении ей помощи на том основании, что политика Франко является «подлинно» антикоммунистической. Тем самым совет продолжил линию, занятую в отношении нацистской Германии и фашистской Италии в период второй мировой войны, когда упорно одобрял их антикоммунизм и противился вступлению США в войну. Экономический совет отвергал Североатлантический пакт, как отказ от традиционного неучастия в союзах, и акцию, ведущую к «войне и руинам» через военные расходы и финансовое банкротство. При всей реакционности и милитаристской сущности Североатлантический договор не устраивал членов совета. Вместо блока они предлагали: сохранить американскую свободу действий, а потому не заключать постоянных союзов и не принимать на себя никаких обязательств. Программа, выдвинутая экономическим советом, предусматривала создание «оборонительной зоны Западного полушария» и признание правительством, что «не в нашей власти защитить всех». В Европе же, по мнению Гриффита, только франкистская Испания являлась союзником в борьбе с коммунизмом [65]). Такого же рода аргументацию против пакта выдвигал Ф. Либби, исполнительный секретарь организации реакционеров под демагогическим названием «Национальный совет за предотвращение войны». Он предложил отвергнуть Североатлантический пакт, который «не укрепляет безопасность Соединенных Штатов», «стоит дорого», а в объединенные войска, которые будут созданы в рамках блока, неизбежно попадет большой процент коммунистов, которые все равно не будут воевать против Советского Союза [66]).

Реакционеры из организации «Мы, народ», представленные на заседании комиссии Ст. А. Деем, также считали, что США должны сохранить свободу действий, ибо только США обладают ядерным оружием и крупнейшим воздушным флотом. Организация расценивала создание блока как «в высшей степени опасный прыжок в темноту» и призывала «все как следует обсудить» [67]). Раздражение правых вызывал тот факт, что американскому правительству не удалось включить Германию в число участников блока. А. О. Титман, представитель «Союза избирателей немецкого происхождения», заявил на заседании 16 мая, что «Германия — единственный достойный союзник», а раз она не член Североатлантического блока, то он «охраняет целостность Британской империи и восстанавливает прежнюю гегемонию Великобритании» [68]).

Если противники Североатлантического договора из числа американских ультра на заседаниях комиссии всячески подчеркивали недостатки договора и возможные нежелательные последствия блока, то его сторонники в первую очередь приводили аргументы, доказывающие его антисоветскую направленность. Ибо все слои американской буржуазии,

[65]) Ibid., pp. 851—861.
[66]) Ibid., pp. 893—908.
[67]) «Hearings...», pp. 813—814.
[68]) «Hearings...», pt. 3, pp. 1094—1102.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

при известных расхождениях в вопросах внешней политики, были едины в антисоветизме. К. Кэнфилд, председатель совета директоров издательской корпорации «Харпер энд Бразерс», демагогически заявил, что Атлантический пакт «необходим для защиты страны». А. Колберг, представитель организаций «Американская ассоциация китайской политики» и «Американская еврейская лига против коммунизма», поддержал пакт, представляя его как необходимый шаг в «сдерживании» Советского Союза. Известный реакционер Е. Кулбертсон, выпустивший в 1946 г. антисоветскую книгу «Должны ли мы воевать с Россией», призвал на заседании комиссии оказать поддержку правительству «в деле борьбы против коммунистической угрозы»[69]). Демагогичность подобных заявлений ярко видна на фоне выступления А. Б. Клайна, представителя Американской федерации фермерских бюро, который показал, что подлинные причины заинтересованности американских бизнесменов и финансистов в сколачивании агрессивного блока заключаются в том, чтобы поставить американские капиталовложения в экономику Европы под защиту оружия[70]).

Учитывая притягательную силу идей ООН для американского народа, реакционеры проправительственного направления зачастую рядились в маску его сторонников . Но в отличие от масс подлинных сторонников международной организации они рассматривали ООН как этап в установлении американского господства над миром.

Ряд организаций поддержал правительственный лозунг, что отказ американского сената ратифицировать договор явится ударом по авторитету Соединенных Штатов и подорвет стабильность режимов стран Западной Европы. Не отрицая заинтересованности американского империализма в укреплении капиталистического строя в Европе, следует указать, что на первом месте стояли интересы американских монополий.

В поддержку блока на заседаниях комиссии выступили представители многих реакционных организаций — «Лиги женщин — избирательниц Соединенных Штатов», насчитывавшей около 5 млн. чел., «Генеральной федерации женских клубов», члены милитаристских объединений «Еврейские ветераны войны Соединенных Штатов», «Комитет американских ветеранов», «Американские ветераны второй мировой войны». Несмотря на определенные нюансы в подходе к проблемам внешней политики, представители организаций, поддерживавших правительственный курс на создание агрессивного блока, были едины в требованиях скорейшей ратификации Североатлантического договора сенатом и отрицали необходимость внесения в его текст поправок и дополнений.

«Слушания» Североатлантического договора в сенатской комиссии по иностранным делам показали, что активным, но имевшим слабое влияние в политических делах американским прогрессивным организациям, противостояло значительное число влиятельных реакционных организаций. Из 90 «частных» свидетелей, выступивших на заседаниях комиссии по иностранным делам, 37 выступили за ратификацию Североатлантического договора, 52 — против[71]).

Обработка общественного мнения в пользу Североатлантического договора была важным моментом в подготовке к его подписанию и ратификации. Основной в пропагандистской кампании стала идея совме-

[69]) Ibid., pp. 841—847, 847—851, 974—981.
[70]) «Hearings...», pt. 2, pp. 574—587.
[71]) Один свидетель не был допущен на заседания комиссии, так как он не являлся американским гражданином.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

стной защиты атлантических стран от якобы существовавшей «угрозы» со стороны Советского Союза. В Соединенных Штатах создалась обстановка военной истерии. Американский прогрессивный журналист И. Стоун писал, что в послевоенный период идея «нам придется воевать с Россией» постоянно вбивалась в сознание американцев [72]). Фразами о «коммунистической угрозе» прикрывались сколачивание Североатлантического блока, гонка вооружений. За ними стояли империалистические устремления правящих кругов Соединенных Штатов Америки.

4 апреля 1949 г. Североатлантический договор был подписан в Вашингтоне министрами иностранных дел 12 государств. В связи с этим 5 апреля 1949 г. рупор американских монополистов газета «Уолл-стрит джорнэл» в статье «Пакт и ООН» откровенно оценивала подписание Североатлантического договора как «триумф закона джунглей над идеей международного сотрудничества», делающего «военную мощь решающим фактором в международных отношениях» [73]).

Орган компартии газета «Дейли уоркер» и прогрессивные издания разоблачали подлинный агрессивный характер и смысл создания Североатлантического блока. Они предоставляли свои страницы для выступлений прогрессивных деятелей против Североатлантического договора, сообщали о фактах протеста общественности против сколачивания антисоветского блока, которые замалчивались в реакционных газетах и журналах. Однако «Дейли уоркер» и немногочисленные прогрессивные издания были не в состоянии нейтрализовать навязывание массам антисоветских настроений. Честные буржуазные журналисты подвергались гонениям. Так, когда Т. Тэкри подверг сомнению тезис о «неизбежной войне» между США и СССР, он был снят с поста редактора газеты «Нью-Йорк пост» [74]).

«Слушания» Североатлантического договора сенатской комиссии по иностранным делам носили характер пробы сил перед ратификацией договора в сенате. В то же время они являлись продолжением пропагандистской кампании, развернутой в период подготовки к созданию агрессивного военно-политического блока.

---

[72]) I. F. Stone. The Truman Era. N. Y., 1953, p. 36.
[73]) «The Wall Street Journal», April 5, 1949.
[74]) «Daily Worker», April 8, 1949.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

Т. А. Бычкова. Характер и цели пропагандистской деятельности США в Западной Германии в 1945—1950 гг. 3
А. Е. Глушков. Некоторые тактические приемы нацистской пропаганды против Англии и Франции в период «странной войны» (сентябрь 1939—апрель 1940 гг.) 16
С. С. Григорцевич. Эволюция концепции «силы» в теории внешней политики США (1947—1970 гг.) 23
Б. С. Жигалов. Английская дипломатия и подготовка Вашингтонской конференции (июнь — октябрь 1921 г.) 39
Н. С. Индукаева. Позиция правительства президента Вильсона и внутриполитическая борьба в США по вопросу о перемирии с Германией (октябрь—ноябрь 1918 г.) 53
Л. А. Тырса. Дебаты в конгрессе США по вопросу о включении «помощи» гоминьдановскому правительству Китая в план Маршалла (март 1948 г.) . . 68
В. С. Шутов. Обсуждение вопроса о послевоенной политике в Германии в правящих кругах США в 1943—1944 годах 82
С. П. Цыганкова. Политика правительства США в связи с японской агрессией в Китае в 1933—1934 гг. 99
С. В. Вольфсон. Обоснование Дж. Ф. Даллесом внешнеполитической программы республиканской партии на президентских выборах в США в 1952 г. . 113
М. Я. Пелипась. Пропагандистская подготовка к заключению и ратификации Североатлантического пакта в США (март 1948 г.— май 1949 г.) . . . 129

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Выпуск 7

Томск. Изд-во ТГУ, 1976 г., 146 с.

Главный редактор **В. С. Сумарокова**
Технический редактор **Р. М. Подгорбунская**
Корректор **Л. С. Могилина**

К304082 Сдано в набор 21/V-74 г. Подписано к печати 18/II-76 г.
Формат 70×108 1/16; п. л. 9; уч.-изд. л. 12; усл. п. л. 12,6.
Заказ 2922 Тираж 500 Цена 1 руб. 20 коп.

Издательство ТГУ. Томск-29, ул. Никитина, 17
Типография издательства «Красное знамя», Томск, ул. Советская, 47

Цена 1 руб. 20 коп.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

1250569

Томский государственный университет
Научная библиотека 00263363